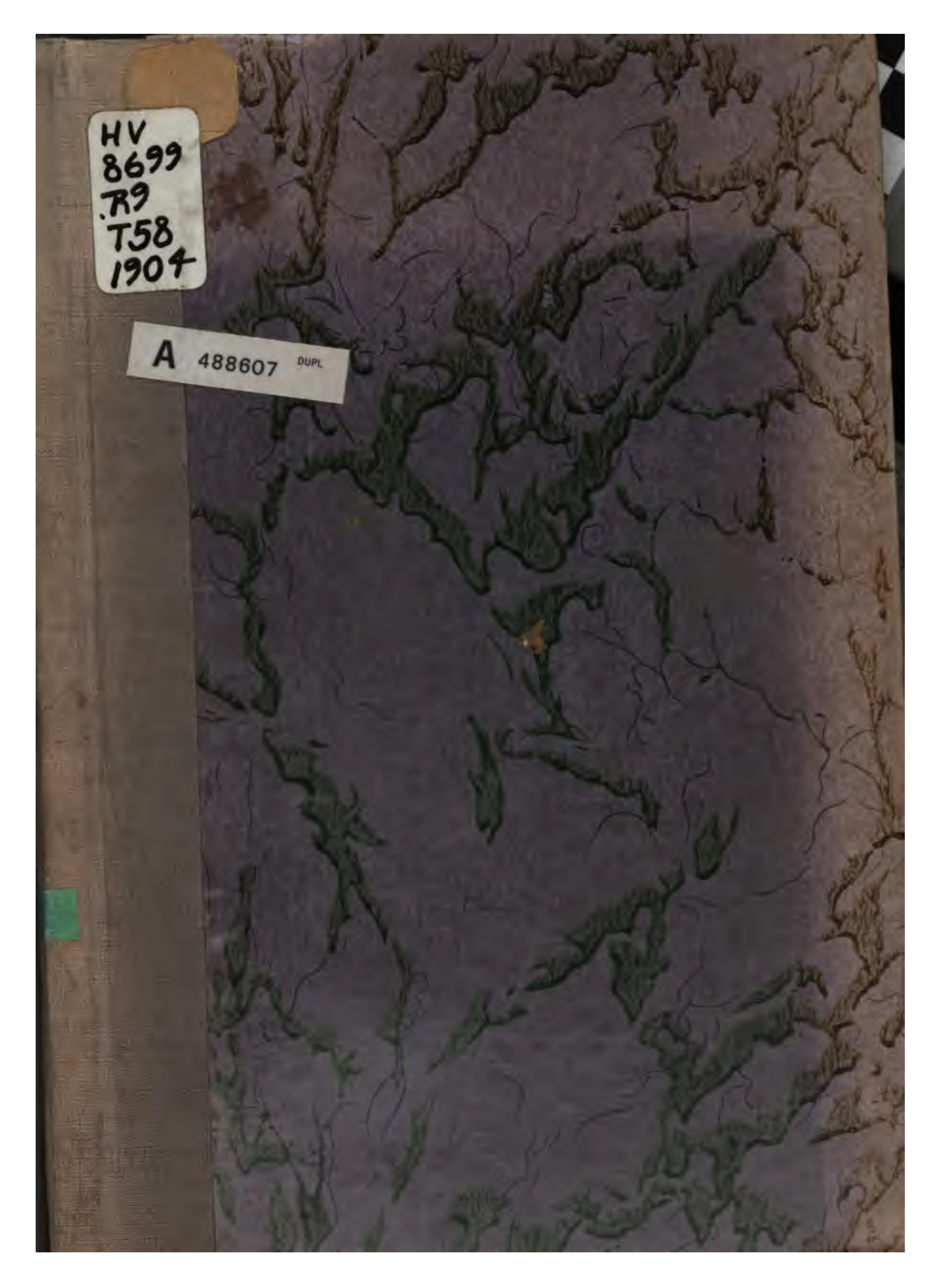

HV
8699
.R9
T58
1904
A 488607 DUPL

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
ARTES SCIENTIA VERITAS
1817

ИСТОРІЯ
ТѢЛЕСНЫХЪ НАКАЗАНІЙ
ВЪ РУССКОМЪ ПРАВѢ.

А. Г. ТИМОФЕЕВА

Приватъ-доцента Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.

2-ое изданіе, переработанное и дополненное.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.
(Вас. Остр., 8 линія, д. № 45).
1904.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

стр.

Опредѣленіе тѣлесныхъ наказаній; ихъ исторія въ западно-европейскихъ государствахъ и теоретическая оцѣнка . . 1—58

I. Опредѣленіе тѣлесныхъ наказаній. . . . . 3—6

II. Возникновеніе тѣлесныхъ наказаній; тѣлесныя наказанія въ Греціи и Римѣ . . . . 6—15

III. Тѣлесныя наказанія у германскихъ народовъ . . . . 15—24

IV. Тѣлесныя наказанія во Франціи . . . . 25—29

V. Тѣлесныя наказанія въ Германіи. . . . . 30—47

VI. Теоретическая оцѣнка тѣлесныхъ наказаній. . . . . . . 47—58

ОТДѢЛЪ II.

Исторія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи. . . . . 59—191

Глава I. *Періодъ развитія и господства тѣлесныхъ наказаній* . 61—98

I. Общія замѣчанія. . . . . 61—63

II. Возникновеніе тѣлесныхъ наказаній въ Россіи . . . . 63—70

III. Важнѣйшія условія, содѣйствовавшія развитію тѣлесныхъ наказаній въ Россіи . . . . 70—85

IV. Тѣлесныя наказанія въ Московскій періодъ . . . . 85—88

V. Тѣлесныя наказанія въ эпоху Петра I и его преемниковъ до Екатерины II . . . . 88—98

Глава II. *Періодъ вымиранія тѣлесныхъ наказаній* . . . . . 99—191

I. Важнѣйшія условія, имѣвшія значеніе въ исторіи тѣлесныхъ наказаній . . . . 99—105

II. Тѣлесныя наказанія въ царствованіе Екатерины II и Павла I 105—119

III. Тѣлесныя наказанія въ царствованіе Александра I . . . . . 119—129

IV. Тѣлесныя наказанія въ царствованіе Николая I . . . . . . 129—156

V. Отмѣна тѣлесныхъ наказаній по закону 1863 года . . . . . 156—172

VI. Тѣлесныя наказанія въ періодъ отъ 1863 г. [illegible] времени . . . . [illegible]

VII. Общіе выводы . . . . [illegible]

ОТДѢЛЪ III.

стр.

Виды тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ . . . . . . 193—320

Глава I. *Членовредительныя наказанія и клейменіе* . . . . . 195—218

I. Членовредительныя наказанія . . . . 195—204

II. Вырѣзаніе ноздрей . . . . 204—209

III. Клейменіе . . . . 210—218

Глава II. *Болѣзненныя тѣлесныя наказанія. Кнутъ* . . . . . 218—253

I. Соотношеніе болѣзненныхъ тѣлесныхъ наказаній . . . . . . 218—220

II. Устройство кнута; кнутъ какъ самостоятельное и дополнительное наказаніе . . . . 220—223

III. Область примѣненія кнута . . . . 223—231

IV. Выполненіе наказанія кнутомъ . . . . 231—250

V. Палачи. . . . . 250—253

Глава III. *Болѣзненныя тѣлесныя наказанія. Батоги, плети и шпицрутены* . . . . 254—292

I. Наказаніе батогами . . . . 254—262

II. Наказаніе плетьми . . . . 262—268

III. Область примѣненія плетей . . . . 268—277

IV. Шелепы и кошки . . . . 277—279

V. Шпицрутены; выполненіе и значеніе этого наказанія . . . . 280—287

VI. Область примѣненія шпицрутеновъ . . . . 287—292

Глава IV. *Болѣзненныя тѣлесныя наказанія. Розги. Другія наказанія* . . . . 293—320

I. Розги, какъ наказаніе по суду . . . . 293—302

II. Розги, какъ дисциплинарная мѣра . . . . 302—310

III. Другія тѣлесныя наказанія . . . . 311—320

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящее изслѣдованіе распадается на три отдѣла, изъ нихъ русскимъ правомъ заняты второй и третій отдѣлы, а первый отдѣлъ (стр. 1 – 58) представляетъ собою введеніе, состоящее изъ теоретической оцѣнки тѣлесныхъ наказаній, выясненія условій ихъ возникновенія и краткаго очерка исторіи тѣлесныхъ наказаній въ Германіи и Франціи, который составленъ частью по первоисточникамъ; цѣль этого очерка *въ общихъ чертахъ* прослѣдить развитіе и вымираніе тѣлесныхъ наказаній въ названныхъ странахъ, чтобы имѣть матеріалъ для сравненія, насколько это возможно, исторіи тѣлесныхъ наказаній въ Россіи съ исторіей ихъ у другихъ народовъ. Я нашелъ полезнымъ сохранить этотъ очеркъ въ новомъ изданіи въ виду того что и появившіяся въ послѣдніе годы монографіи о тѣлесныхъ наказаніяхъ, преимущественно посвященныя описанію отдѣльныхъ видовъ тѣлесныхъ наказаній (Quanter, Wrede), или ихъ теоретической разработкѣ (Krausse), сравнительно мало удѣляютъ вниманія исторіи тѣлесныхъ наказаній.

Исторія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи (II и III отдѣлы) составлена, главнымъ образомъ, на основаніи: 1) Полнаго Собранія Законовъ, 2) дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Государственнаго совѣта, 3) Сборника Императорскаго Русскаго историческаго общества и 4) статей и мемуаровъ, помѣщенныхъ въ русскихъ историческихъ журналахъ. Матеріалъ размѣщенъ въ двухъ послѣднихъ отдѣлахъ такимъ образомъ, что во 2-мъ отдѣлѣ (исторія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи) изла–

гается общій ходъ развитія и вымиранія тѣлесныхъ наказаній, а въ 3-мъ отдѣлѣ (виды тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ), описываются виды тѣлесныхъ наказаній, способы и объемъ ихъ примѣненія въ различныя эпохи.

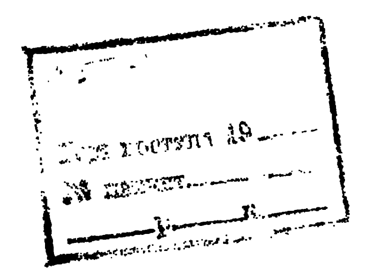
Вслѣдствіе принятаго мною размѣщенія матеріала теоретическая и критическая оцѣнка тѣлесныхъ наказаній сгруппирована въ 1 отдѣлѣ (преимущественно на стр. 47—58) и во 2 отдѣлѣ; третій отдѣлъ, какъ сказано, заключаетъ въ себѣ лишь *описаніе* отдѣльныхъ наказаній и ихъ примѣненія.

Предѣлы настоящаго изслѣдованія—это область тѣлесныхъ наказаній, назначаемыхъ по суду, установленныхъ закономъ или обычаемъ. Но въ виду широкаго значенія тѣлесныхъ наказаній, какъ дисциплинарной мѣры, я счелъ нужнымъ указывать въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ и ихъ примѣненіе въ дисциплинарномъ порядкѣ, иногда представляющееся не менѣе важнымъ и характернымъ, чѣмъ примѣненіе по суду. Наконецъ, разсматривая исторію тѣлесныхъ наказаній, я счелъ необходимымъ коснуться важнѣйшихъ правовыхъ, соціальныхъ и политическихъ условій, благопріятныхъ или неблагопріятныхъ для тѣлесныхъ наказаній; перечисленіе ихъ не имѣетъ исчерпывающаго значенія, такъ напр. на стр. 70—85 мною приведены только тѣ условія общественнаго и государственнаго быта, которыя, существуя на ряду съ другими, казались мнѣ имѣвшими наибольшее значеніе въ исторіи тѣлесныхъ наказаній; такой же системы изложенія я держался и въ другихъ мѣстахъ.

Объемъ книги въ настоящемъ изданіи значительно увеличился вслѣдствіе различныхъ измѣненій и дополненій, главнымъ образомъ, касающихся исторіи тѣлесныхъ наказаній въ Россіи въ XIX стол., сдѣланныхъ на основаніи архивныхъ матеріаловъ.

А. Тимофеевъ.

Опредѣленіе тѣлесныхъ наказаній; ихъ исторія въ западноевропейскихъ государствахъ и теоретическая оцѣнка.

I.

История тѣлесныхъ наказаній представляетъ интересъ прежде всего по тому значенію, которое они имѣли въ Россіи до 1863 г. и въ западной Европѣ еще въ началѣ XIX стол.; еще больше было ихъ значеніе въ предшествующія столѣтія, когда примѣнялись не только болѣзненныя, но и членовредительныя наказанія, а при такомъ порядкѣ прожило не одно поколѣніе. Тѣлесныя наказанія стояли тогда на верху карательной лѣстницы, слѣдуя непосредственно за смертной казнью, отъ которой нерѣдко отличались очень немногимъ. Ихъ разнообразіе дѣлало изъ нихъ универсальное средство: они назначались и за тяжкія преступленія и за легкія провинности. Тѣлесныя наказанія прибавлялись и къ другимъ: ссылкѣ, тюрьмѣ, были ихъ неизмѣнными спутниками. История тѣлесныхъ наказаній интересна также и потому, что она представляетъ полную картину ихъ развитія, господства и вымиранія.

История тѣлесныхъ наказаній является необходимой и для всесторонняго выясненія вопроса объ ихъ примѣненіи въ настоящее время, представляющаго не только теоретическій, но живой практическій интересъ, такъ какъ тѣлесныя наказанія все еще существуютъ въ нѣкоторыхъ государствахъ, какъ остатокъ прошлаго, и даже находятъ защитниковъ (правда, немногочисленныхъ), отстаивающихъ полезность не только сохраненія, но и расширенія области примѣненія тѣлесныхъ наказаній и возвращенія, въ извѣстной мѣрѣ, къ прошлому. Далѣе, хотя въ настоящее время тѣлесныя наказанія составляютъ второстепенное карательное средство, но въ виду связаннаго съ ними позорящаго элемента, значеніе ихъ ос-

тается весьма большимъ, и примѣненіе ихъ существенно затрогиваетъ какъ общество, такъ и государство. Самое легкое тѣлесное наказаніе, не представляющее никакой опасности не только для жизни, но и для здоровья наказуемаго, въ цивилизованной странѣ соединено съ такимъ позоромъ, является настолько унизительнымъ и тягостнымъ въ нравственномъ смыслѣ, что можетъ оказаться несоразмѣрнымъ даже, напр., съ продолжительнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Слѣдуетъ замѣтить, что позорность тѣлесныхъ наказаній въ этомъ смыслѣ падаетъ не только на подлежащихъ имъ, но на всѣхъ вообще: для первыхъ — это непосредственное безчестіе, для другихъ — косвенное страданіе, вызываемое въ человѣкѣ совершаемой на его глазахъ несправедливостью, идущей въ разрѣзъ съ его понятіями объ общественныхъ и правовыхъ отношеніяхъ. Степень физической боли съ указанной точки зрѣнія безразлична.

Для Россіи вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ въ данное время является тѣмъ болѣе важнымъ, что отмѣна ихъ все еще не осуществилась окончательно, и продолжаетъ оставаться на очереди, какъ необходимое послѣдствіе признанія правового равенства всѣхъ русскихъ подданныхъ.

Понятію тѣлесныхъ наказаній придается иногда слишкомъ широкое значеніе, подъ это названіе подводятъ весьма различныя карательныя мѣры, включая сюда даже и лишеніе свободы. Въ настоящемъ изслѣдованіи подъ тѣлесными наказаніями [1]) понимаются исключительно карательныя мѣры, направляемыя непосредственно на причиненіе физическаго страданія. По силѣ причиняемаго страданія тѣлесныя наказанія могутъ

---

[1]) *Кистяковскій, А. Ѳ.* Элементарный учебникъ общаго уголовнаго права. Кіевъ, 1882, стр. 800.

Сергѣевскій, Н. Д. Русское уголовное право. Часть общая, изд. 3. Спб. 1890 г., стр. 138—140.

Таганцевъ, Н. С. Лекціи по русскому уголовному праву. Часть общая. В. IV, Спб, 1892 г., стр. 1480.

Его-же. Русское уголовное право, Спб., 1902. т. II, стр. 1134.

Фойницкій, И. Я. Ученіе о наказаніи. Спб. 1889. стр. 453.

близко подходить къ смертной казни, переходить въ нее, или, наоборотъ, ограничиваться причиненіемъ сравнительно легкаго физическаго страданія. Какъ этимъ, такъ и разнообразіемъ средствъ причиненія физическихъ страданій и объясняется разнообразіе тѣлесныхъ наказаній.

Тѣлесныя наказанія можно подраздѣлить на три вида: 1) членовредительныя, изувѣчивающія по опредѣленію г. Шишкина и проф. Н. Д. Сергѣевскаго, уродующія по опредѣленію проф. Кистяковскаго, состоящія въ лишеніи человѣка какого либо органа или части тѣла, или въ поврежденіи ихъ. Сюда подойдутъ — отсѣченіе рукъ, ногъ, языка, носа, ушей, пальцевъ, губъ, кастрація и, наконецъ, рваніе ноздрей [1]).

2) Болѣзненныя тѣлесныя наказанія, причиняющія физическія страданія безъ поврежденія или лишенія органовъ тѣла, выражающіяся, главнымъ образомъ, въ побояхъ, чрезвычайно разнообразныя по орудіямъ и способамъ исполненія. Къ этому виду тѣлесныхъ наказаній принадлежатъ, употреблявшіяся въ Россіи битье кнутомъ, плетьми, кошками, шелепами, батогами, шпицрутенами, линьками, палками, и, наконецъ, розгами.

3) Осрамительныя тѣлесныя наказанія, цѣль которыхъ была не въ причиненіи боли, игравшей въ этомъ видѣ наказаній сравнительно неважную роль, а въ опозореніи, въ униженіи нравственной стороны наказываемаго, «боль побочная сторона въ нихъ, говоритъ г. Шишкинъ, цѣль ихъ

---

[1]) Сюда же Н. С. Таганцевъ относитъ и клеймeніе, хотя по его же собственному опредѣленію членовредительныхъ наказаній, какъ отнятія какого либо органа тѣла, лишенія его способности дѣйствовать или причиненія неизгладимаго поврежденія, къ нимъ едва-ли можно присоединить клеймeніе, такъ какъ оно составляетъ не поврежденіе, а неизгладимое обезображеніе (въ нѣкоторыхъ случаяхъ, впрочемъ, клейма заживляли), и его правильнѣе отнести къ тѣмъ тѣлеснымъ наказаніямъ, которыя названный криминалистъ характеризуетъ какъ «разсчитанныя не столько на физическое страданіе, сколько на испытываемый преступникомъ позоръ и униженіе». Таганцевъ, Н. С. Лекціи по русскому уголовному праву. В. IV, Спб., 1892, стр. 1480.

наложить вѣчный позоръ, обозначить преступленіе»...[1]). Таково клейменіе, наложеніе оковъ и бритье головы; послѣднія три наказанія носили въ Россіи, главнымъ образомъ, характеръ предупредительной, полицейской мѣры.

Выдѣляя послѣдній видъ тѣлесныхъ наказаній, необходимо оговориться, что вообще всѣ виды тѣлесныхъ наказаній можно назвать позорящими, безчестящими, но что въ членовредительныхъ и болѣзненныхъ тѣлесныхъ наказаніяхъ моментъ причиненія страданія имѣетъ существенное значеніе, въ осрамительныхъ же — второстепенное (на первомъ планѣ въ нихъ стоитъ опозореніе), словомъ этотъ видъ наказаній является какъ бы низшею ступенью тѣлесныхъ болѣзненныхъ наказаній.

Наконецъ, говоря о тѣлесныхъ наказаніяхъ не слѣдуетъ забывать, что они имѣютъ значеніе не только какъ наказанія, назначаемыя по судебнымъ приговорамъ, но и какъ распространенная дисциплинарная кара, для чего служили и служатъ, главнымъ образомъ, болѣзненныя тѣлесныя наказанія.

II.

Какъ можно предположить, тѣлесныя наказанія возникли въ семьѣ, въ родѣ, съ того времени, когда одинъ человѣкъ оказался въ подчиненіи и власти другого. При грубости первобытныхъ нравовъ, естественно, эта власть главы семьи или рода, часто зависѣвшая отъ его силы, и высказывалась въ проявленіи физической силы — въ тѣлесныхъ наказаніяхъ [2]). Такимъ образомъ съ самаго начала они были удѣломъ сла-

[1]) Шишкинъ. Тѣлесныя наказанія. Юридическій Вѣстникъ издав. Калачовымъ. 1860—61, в. X, стр. 52.

[2]) *Ковалевскій, М.* Обычное право, II, стр. 170. *Post.* Grundlagen des Rechts. Oldenburg, 1884, стр. 34. *Loiseleur.* Les crimes et les peines. Paris, 1863, стр. 27. *Letourneau.* L'évolution politique 1890, стр. 256.

быхъ и беззащитныхъ, отсюда понятно, что самъ родоначальникъ или вообще сильный, самостоятельный человѣкъ считалъ для себя недостойнымъ и позорнымъ примѣненіе такого наказанія. Въ тѣсныхъ границахъ семьи или рода тѣлесное наказаніе не переходило предѣловъ дисциплинарной мѣры: способы и жестокость его зависѣли отъ усмотрѣнія наказывавшаго. Но положеніе вещей рѣзко измѣнилось, когда родъ сталъ складываться въ тѣсно сплоченныя племена, начали образовываться государства, и надъ отдѣльными родоначальниками возвысилась государственная, верховная власть. Въ это время и тѣлесныя наказанія получаютъ постепенно значительное развитіе, степень котораго опредѣляетя разнообразными условіями общественнаго и государственнаго быта; примѣненіе ихъ тѣсно связывается съ положеніемъ личности въ государствѣ, съ его общественной и сословной организаціей и съ религіозными воззрѣніями.

Появленіе и распространеніе членовредительныхъ тѣлесныхъ наказаній зависѣло также и отъ понятія о справедливости въ наказаніи, которая въ первобытныя времена совпадала съ идеей таліона, т. е. воздаянія равнымъ за равное. Преступникъ долженъ былъ подвергнуться страданію въ той же мѣрѣ, въ которой онъ причинилъ его потерпѣвшему, «око за око, зубъ за зубъ» — вотъ ясная формула таліона. Идея таліона настолько близка человѣческому уму, что примѣненіе ея встрѣчается повсемѣстно, въ правѣ самыхъ различныхъ народовъ. Таліонъ исчезаетъ только тогда, когда въ наказаніи удовлетвореніе потерпѣвшаго и возмездіе отодвигаются иными стремленіями и задачами, явленіе замѣчаемое на сравнительно высокихъ ступеняхъ культуры. Но и здѣсь стремленіе ограничить наказаніе, охранить не только государство, но и виновнаго отъ всякаго излишняго нарушенія его правъ, или отвлеченныя метафизическія разсужденія о существѣ справедливости поддерживаютъ теоріи примѣненія наказанія по началамъ таліона, который, напр., считали необходимымъ знаменитые германскіе философы Кантъ и Гегель, имѣвшіе громадное вліяніе на уголовно правовую литературу.

Таліонъ былъ извѣстенъ всѣмъ европейскимъ народамъ, этотъ несомнѣнный фактъ истолковывается, однако, не всегда вѣрно. Авторъ спеціальной монографіи о значеніи таліона въ исторіи и философіи, Гюнтеръ, объясняетъ его вліяніемъ Моисеева права, говоря, что указанія послѣдняго пали на плодородную почву [1]); но заимствованіе идеи таліона было совершенно излишне: она появлялась у всякаго народа вполнѣ естественно въ эпохи, когда месть ограничивалась и затѣмъ смѣнялась выкупами. Охрана общественнаго порядка побуждала государственную власть, лишь только она укрѣплялась, къ неустаннымъ усиліямъ, направленнымъ на прекращеніе мести, бывшей истребительной и безпощадной войной [2]); месть вводилась въ рамки, государство начинало вмѣшиваться въ частные споры, стремясь возстановить нарушенный миръ, сдержать месть въ предѣлахъ разумнаго и терпимаго, результатомъ этого стремленія и являлось примѣненіе таліона, который справедливо называется Тониссеномъ «сдержкой мести», «смягченной местью». Потерпѣвшій требовалъ удовлетворенія, государство и давало ему право причинить столько же вреда, сколько онъ понесъ самъ, такимъ образомъ обиженный долженъ былъ успокоиться, видя, что врагъ его ничего не выигралъ, а виновный, въ свою очередь, не могъ на что либо жаловаться, такъ какъ понесенный имъ ущербъ только возмѣщалъ за его прежнія дѣйствія [3]).

Наиболѣе вѣрнымъ выраженіемъ идеи таліона можетъ служить примѣненіе его за тѣлесныя поврежденія, извѣстное у германскихъ народовъ, въ греческомъ и римскомъ правѣ; въ послѣднемъ таліонъ сохранился и въ законахъ Юстиніана, по которымъ назначался за кастрацію и лишеніе зрѣнія, при

---

[1]) Günther, L. Die Idee d. Widervergeltung in. d. Geschichte u. Philosophie Abt. I, стр. 29, 30.

[2]) Post. Bausteine I, стр. 142; Die Anfänge d. Staats u. Rechtslebens, стр. 174.

[3]) Thonissen. Etudes sur l'histoire du droit criminel des peuples anciens. II. стр. 66—67. Post. Bausteine, стр. 159. Post. Afrikanische Jurisprudenz, стр. 27.

чемъ богатый могъ выкупить одинъ глазъ половиной своего имущества [1]). Здѣсь таліонъ осуществляется наглядно: человѣкъ теряетъ то, чего лишилъ другого. Нетрудно также было примѣнять таліонъ въ тѣхъ случаяхъ, когда между опредѣленными органами тѣла и преступленіемъ можно было усмотрѣть извѣстное соотношеніе: кто поднялъ руку на убійство—лишался руки, бѣжалъ рабъ—ему отсѣкали ноги (такъ наказывалось бѣгство рабовъ еще въ эпоху Константина) [2]). Въ Индіи, по законамъ Ману, преступникъ долженъ былъ платиться тѣмъ членомъ тѣла, которымъ дѣйствовалъ при совершеніи преступленія (Ману, VIII, 334).

Съ теченіемъ времени простая форма таліона дополняется другой—символическимъ таліономъ, при которомъ наказаніе обращается не непосредственно на органъ тѣла, послужившій для совершѣнія преступленія (рука при нанесеніи раны), но на органъ, находящійся въ извѣстномъ отношеніи къ преступному дѣйствію, напр. отсѣченіе пальцевъ, поднимаемыхъ во время присяги, за клятвопреступленіе.

Выше было замѣчено, что тѣлесныя наказанія съ момента ихъ появленія были какъ бы признакомъ подчиненія и слабости; понятно, они должны были широко примѣняться въ позднѣйшій періодъ къ лицамъ, не имѣвшимъ гражданской правоспособности, къ рабамъ, входившимъ въ имущественный инвентарь, жизнь и смерть которыхъ зависѣла отъ хозяина. Стѣсняться съ рабами не было надобности, сдерживать ихъ должно было страхомъ и силой, поэтому нисколько не удивительно, что повсюду карательными мѣрами для рабовъ были самыя жестокія наказанія, преимущественно тѣлесныя.

Тѣлесныя наказанія примѣнялись и ко всѣмъ вообще подданнымъ въ деспотіяхъ, въ которыхъ властитель располагалъ по собственному усмотрѣнію жизнью и смертью всѣхъ подвластныхъ, одинаково безправныхъ передъ нимъ. Такое положеніе было уже въ древнѣйшихъ восточныхъ государствахъ,

---

[1]) Günther, o. c. стр. 38, 40, 93, 95, 97, 121 и слѣд.

[2]) Günther, o. c. стр. 156.

и тѣлесныя наказанія въ нихъ имѣли обширное примѣненіе. Жестокія тѣлесныя наказанія мы находимъ въ древнемъ Индійскомъ кодексѣ Ману [1]).

Въ Ассиріи и Египтѣ тѣлесныя наказанія также примѣнялись въ широкомъ объемѣ. По древнимъ китайскимъ законамъ 300 преступленій наказывалось кастрированіемъ, 500—отсѣченіемъ ногъ, 1000—отсѣченіемъ носа и клеймленіемъ. Кромѣ того, уже издавна въ Китаѣ примѣнялись и другія членовредительныя тѣлесныя наказанія (напр. ослѣпленіе) и болѣзненныя тѣлесныя наказанія, налагавшіяся въ очень многихъ случаяхъ [2]).

Наоборотъ, въ греческихъ государствахъ и въ римской республикѣ, въ эпоху ея процвѣтанія, въ которыхъ широко охранялась личная свобода гражданъ, тѣлесныя наказанія не распространялись на правящіе классы. Въ древней Греціи тѣлесныя наказанія не употреблялись для наказанія свободныхъ; къ рабамъ же они примѣнялись широко и въ качествѣ дисциплинарной мѣры. Въ Аѳинахъ рабы подвергались ослѣпленію, привязывались къ колесу [4]), для нихъ существовала особая четырехвостая плеть изъ воловьихъ жилъ, хвосты которой при ударѣ достигали груди. Наказываемыхъ привязывали къ низкому столбу, такъ что они находились въ наклонномъ положеніи, и били ихъ по обнаженной спинѣ [5]); для предупрежденія побѣговъ рабы клеймились. Еще хуже было положеніе рабовъ въ Спартѣ: тамъ илоты подвергались бичеванію нѣсколько разъ въ годъ, просто для напоминанія объ ихъ положеніи [6]).

1) Letourneau. o. c. стр. 125. 143. 246.

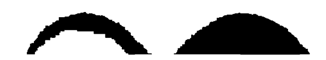
2) Thonissen. Etudes sur l'histoire du droit criminel des peuples anciens. Paris. 1869. т. I. стр. 38.

3) Wrede. Die Körperstrafen bei allen Völkern. Dresden. 1898. стр. 286 и слѣд.

4) Duboys. Histoire du droit criminel des peuples anciens. Paris 1845. стр. 180.

5) Saint-Edme. Dictionnaire de penalité. T. V. le mot Tympanum.

6) Loiseleur. Les crimes et les peines. стр. 45.

Въ Римѣ тѣлесныя наказанія употреблялись въ царскій періодъ: даже смертная казнь совершалась засѣченіемъ до смерти преступника, котораго били розгами, привязавъ къ столбу [1]). Послѣ изгнанія царей началась великая внутренняя борьба патриціевъ и плебеевъ, во время которой были изданы законы XII таблицъ, знающіе таліонъ для непримирившагося съ потерпѣвшимъ членовредителя, тѣлесныя болѣзненныя наказанія и отдачу въ заработки; напр. тѣлесныя болѣзненныя наказанія назначались составителю пасквиля [2]) и по неосторожности поджегшему зданіе. Словомъ, въ первые вѣка республики, когда вся власть принадлежала аристократіи, и большинство гражданъ было почти безправной массой, сохранялся прежній порядокъ наказаній. Но затѣмъ, по мѣрѣ развитія гражданской свободы измѣнялись и воззрѣнія на наказанія: прежде всего послѣдовало ограниченіе въ правѣ высшихъ сановниковъ налагать наказанія, (кромѣ диктаторовъ и военачальниковъ во время похода). Первый шагъ былъ сдѣланъ изданіемъ закона П. Валерія, по которому ни одинъ римскій магистратъ не имѣлъ права исполнить своего приговора о смертной казни или тѣлесномъ наказаніи, не давъ осужденному провокаціи къ народу [3]). Въ 300 г. до Р. Х., по свидѣтельству Тита Ливія, появился новый законъ, запрещавшій казнить смертью и наказывать тѣлесно обратившагося съ провокаціей къ народу [4]). Наконецъ, во II вѣкѣ до Р. Х., по закону Порція, запрещено подъ страхомъ тяжкаго наказанія казнить или тѣлесно наказывать римскихъ гражданъ: для нихъ съ этого времени остались только имущественныя наказанія и изгнаніе. Тѣлесное наказаніе въ мирное время сохранилось для рабовъ и

---

[1]) Zumpft. Das Criminalrecht d. römischen Republik. T. I. Abt. 1, стр. 123—125 Bln. 1865 г. Mommsen. Römisches Strafrecht. 1899. стр. 981—985.

[2]) Rein. Das Criminalrecht der Römer. Göttingen. 1844, стр. 37. Talio est similitudo vindictae ut taliter quis patiatur, ut fecit. Hoc est et natura et lege institutum.

[3]) Zumpft. o. c. I, стр. 156.

[4]) Titus Livius. Lib. X, c. g. Zumpft. o. c. I, Abth. 2, стр. 44.

даже называлось poena servilis, рабское наказаніе; примѣненіе его, кромѣ рабовъ, допускалось и къ покореннымъ народностямъ [1]). Тѣлесныя наказанія были и обычнымъ дисциплинарнымъ наказаніемъ для рабовъ, назначаемымъ по усмотрѣнію хозяевъ. На рабовъ надѣвались оковы или на шею и руки тяжелыя колодки. Плеть (flagellum) была спеціально рабскимъ орудіемъ наказанія; дѣлалась она изъ ремней съ узлами и свинцовыми шариками, существовали и особыя плети (flagella talaria), въ которыя ввязывались острыя бараньи кости, наказаніе ими могло быть смертельнымъ [2]).

Насколько велика была власть въ Римѣ надъ рабами, видно изъ позднѣйшаго указа императора Константина, въ которомъ подъ вліяніемъ новыхъ, христіанскихъ началъ дѣлается попытка установить предѣлы власти господина: «если,— говорится въ указѣ,—господинъ бьетъ раба розгами или ремнями, или заключаетъ въ оковы... онъ не отвѣчаетъ въ случаѣ его смерти, такъ какъ пользовался своимъ правомъ умѣренно; но онъ виновенъ въ убійствѣ, если намѣренно убиваетъ палкою или камнемъ, или наноситъ смертельную рану копьемъ, или предаетъ его пыткамъ... или отравляетъ или отдаетъ на растерзаніе звѣрямъ или мучитъ огнемъ» [3]). Римскіе граждане въ эпоху республики могли подвергаться тѣлеснымъ наказаніямъ только, когда находились въ рядахъ войска, здѣсь, по старому, права отдѣльнаго лица стушевывались передъ строгой военной дисциплиной: военачальникъ имѣлъ право наказывать тѣлесно и казнить смертью безъ провокаціи; солдаты наказывались палками, своими же товарищами [4]).

Во времена имперіи картина измѣнилась: свободные римскіе граждане утратили всѣ политическія права и гарантіи;

---

[1]) Zumpft, o. c. I. Abt. 2, стр. 60.

[2]) Loiseleur o. c. стр. 88—89. Duboys, o. c. стр. 450. Saint-Edme. Dictionnaire т. III. Flagelation.

[3]) Codex, Liber IX, т. 14, 1. Гиббонъ. Исторія упадка и разрушенія римской имперіи, т. IV, стр. 463.

[4]) Duboys o. c., стр. 449—450.

имперія стала вырождаться въ деспотію, императорское усмотрѣніе сдѣлалось закономъ, и скоро римскіе властители привыкли видѣть въ своихъ подданныхъ рабовъ, среди которыхъ выдѣлялась только аристократія, сохранившая кое-какія привилегіи, въ томъ числѣ и изъятіе отъ тѣлесныхъ наказаній, которыя перешли на низшіе, бѣднѣйшіе классы населенія; потомки римскихъ гражданъ, выродившіеся въ толпы черни, жаждавшей хлѣба и зрѣлищъ, не протестовали; переходъ совершился незамѣтно. Раззорительныя войны, нашествія варваровъ, роскошь императорскаго двора требовали золота, налоги увеличивались, и гнетъ ихъ становился все тяжелѣе и тяжелѣе. Обѣднѣвшіе свободные земледѣльцы вслѣдствіе упадка экономическаго благосостоянія легко переходили въ разрядъ крѣпостныхъ, которые вмѣстѣ съ рабами составляли большую часть населенія. При подобныхъ обстоятельствахъ увеличилась и область примѣненія тѣлесныхъ наказаній. Въ Дигестахъ система является уже законченной: тѣлесныя наказанія (corporis coercitio) заняли самостоятельное мѣсто [1]). Калистратъ даетъ точное опредѣленіе видамъ тѣлесныхъ наказаній, онъ раздѣляетъ ихъ на: 1) наказаніе палками (fustium admonitio), 2) — плетьми (flagellarum castigatio), 3) — заключеніе въ оковы [2]). Плети и оковы назначались для рабовъ, палки для свободныхъ, это наказаніе сопровождалось для нихъ ссылкой въ каторжныя работы (opus metalli); здѣсь тѣлесное наказаніе было позорящимъ, влекшимъ безчестье [3]). Высшіе классы (honestiores) освобождались отъ тѣлеснаго наказанія. Бичеваніе назначалось для лицъ низшаго состоянія [4]) за весьма разнообразныя преступленія, какъ самостоятельное или какъ дополнительное наказаніе [5]).

---

[1]) Digesta l. XLVIII, t. XIX, de poenis, 6.

[2]) Dig l. XLVIII, t. 19, 7.

[3]) Dig. XLVIII, t. 19, 10, 2.... fustibus caesus, licet in actione famosa velut furti.... infamem non esse, quin et solus fustium ictus gravior est quam pecuniaris damnatio».

[4]) Dig. ib. 28.

[5]) Dig. XLVII t. IX, 9. XI, 7. XVIII, 2. X, 17, 4, 35. Novellae CXXIV, 11, 12. XIV, § 1. XII, c. I.

Размѣры бичеванія предоставлялись на усмотрѣніе суда [1]), точно такъ же какъ на волю суда совершенно предоставлялись и наказанія за многія преступленія [2]). Употреблялись и жестокія членовредительныя наказанія, какъ можно заключить изъ 134 новеллы Юстиніана, запрещающей отсѣченіе обѣихъ рукъ и ногъ [3]) изъ снисхожденія къ человѣческой слабости; такое снисхожденіе наводитъ на мысль о томъ, что на практикѣ примѣненіе тѣлесныхъ членовредительныхъ наказаній было весьма суровымъ; особенно часто упоминается отсѣченіе рукъ [4]). Часто употреблялось и клейменіе, бывшее не только позорнымъ тѣлеснымъ наказаніемъ, назначавшимся для преступниковъ, но также служившее иногда для отмѣтки лицъ, на которыхъ государство имѣло извѣстныя права, чтобы облегчить ихъ розыскъ (клеймили солдатъ, на руки которыхъ ставились, въ предупрежденіе побѣговъ, императорскіе иниціалы, что называлось cingulum militare [5]). Константинъ Великій значительно смягчилъ это наказаніе, запретивъ наложеніе клеймъ на лицо, представлявшее, по его мнѣнію, «отблескъ божественной красоты» [6]).

Съ паденіемъ западной римской имперіи область примѣненія римскаго права сузилась, и само оно въ Византійской имперіи, измѣнило свой характеръ, стало греко-римскимъ въ соотвѣтствіи съ государственнымъ и общественнымъ строемъ Византіи, въ которой деспотизмъ не щадилъ никого [7]). Тѣлесныя наказанія пріобрѣли въ Византіи важное значеніе: по замѣчанію извѣстнаго историка римскаго права Цахаріэ фонъ Лингенталь, въ Византійскихъ кодексахъ даже смерт-

---

[1]) Dig. XLVII, X, 17, 5. «arbitratu judicis utique quasi viri boni ut ille modum verberum imponat.

[2]) Dig. XLVII, XI, g. XX, 3, 2.

[3]) Novellae CXXXIV, CXXIII.

[4]) Codex repet. praeled. l. VII, t. 1, 3. Novellae CXLII praef. Rein Criminalrecht, 792. Padeletti Lehrbuch. Bln. 1879, стр. 404.

[5]) Döpler. Theatrum poenarum supplicoum et executionum criminalium 1693—7. I т., стр. 905.

[6]) Codex IX t. 47, 17.

[7]) Гиббонъ о. с. V стр. 313, 316, 319, 321, 360. VII, стр. 65.

ная казнь въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣнялась членовредительными тѣлесными наказаніями (въ IX вѣкѣ) [1]). Въ Эклогѣ [2]) встрѣчаются отсѣченіе руки, языка, носа, ослѣпленіе, кастрація и бичеваніе. По прохирону отсѣченіе руки полагалось въ 10 случаяхъ [3]). Отрѣзаніе носа назначалось за прелюбодѣяніе съ собственнымъ рабомъ [4]). Кастраціей каралось скотоложство [5]). Бичеваніе назначалось очень щедро, отдѣльно и въ связи съ ссылкою, имъ же замѣнялся для несостоятельныхъ штрафъ [6]). Невѣрные мужья, напр. наказывались тѣлесно за блудъ вдвойнѣ сравнительно съ холостыми, также наказывались оставлявшіе прелюбодѣяніе своихъ женъ, извѣстное имъ, безъ наказанія [7]). Послѣднія преступленія показываютъ, въ какой строгой опекѣ находились подданные имперіи, насколько правительство позволяло себѣ вторгаться въ частную жизнь и устраивать ее, какъ считало необходимымъ. Такимъ образомъ, тѣлесное наказаніе находилось въ Римѣ и въ Византіи въ тѣсной зависимости отъ условій ихъ государственнаго и общественнаго строя, и можно сказать, что въ греко-римскомъ мірѣ распространеніе тѣлесныхъ наказаній было обратно пропорціонально развитію гражданской свободы.

III.

Въ періодъ паденія римской имперіи ея области одна за другой были заняты германскими племенами, основавшими въ нихъ свои государства, принесшими съ собой свои обычаи

[1]) Zachariä v. Lingenthal. Geschichte des griechisch — römischen Rechts. 2. Aufl. Blu. 1879, стр. 312.

[2]) t. XIII, 10, 11, 13, 14, 15, 16, 18, 19, 22—27, 30—35, 37, 38, 46, 47. Zacharia. o. c. стр. 308—310.

[3]) Prochiron. t. XXXIX, 5, 14, 18, 22, 40, 53, 54, 56, 82, 83.

[4]) Ib. 43, 45, 62, 64, 66—68—70.

[5]) Ib. 74.

[6]) Ib. 6, 7, 42—46, 58, 65, 53, 54, 60, 61.

[7]) Ib. 55, 56, 59, 64, 71, 83, 84.

и законы, изъ которыхъ въ соединеніи съ римскимъ правомъ и складывались постепенно европейскія законодательства.

Первыя историческія извѣстія о германцахъ относятся къ тому времени, когда они жили племенами, въ которыхъ власть князей не была велика и имѣла значеніе, главнымъ образомъ, въ военное время. Въ эту эпоху, слѣдовательно, личность главы семьи и ея интересы не перевѣшивались государственными, и, по свидѣтельству Тацита, свободные германцы не знали тѣлесныхъ наказаній, они существовали у нихъ только для женщинъ и другихъ подчиненныхъ членовъ семьи и для рабовъ [1]). О древнихъ германцахъ существуетъ также извѣстіе Тацита, что они мягко обходились съ рабами [2]) но въ этомъ слышится намѣренное ослабленіе красокъ въ упрекъ современному ему римскому обществу; трудно предположить, чтобы дикіе и грубые германцы слишкомъ мягко обращались съ людьми, вполнѣ зависѣвшими отъ ихъ доброй воли. Рабы были вполнѣ безправны: по Грагасу (исландскій сборникъ законовъ), господинъ не отвѣчаетъ за убійство раба, если оно не совершено въ праздникъ или въ великій постъ [3]).

Въ сборникахъ варварскихъ законовъ рабы наказываются съ особенной строгостью и, обычно, тѣлесно, что указываетъ какъ на ихъ безправіе, такъ и на невозможность примѣнять къ нимъ постановленія о выкупахъ и объ изгнаніи въ виду нарушенія интересовъ владѣльца. По Салическому закону за крупную кражу рабъ долженъ былъ уплатить 6 солидовъ, или кастрировался [4]). По Баварскимъ законамъ рабы за похищеніе свободныхъ ослѣплялись или лишались руки и при всякихъ преступленіяхъ подвергались клейменію [5]). За менѣе важныя преступленія рабовъ безпощадно наказывали плетьми

---

[1]) Tacitus. De germania. Cap. XIX, XXV.

[2]) Tacitus, o. c. Cap. XXV. Verberare servos ac vincula coërcere rarum.

[3]) Gragas, Codex Jslandorum. CVIII. hrgn. v. Schlegel, Hauniae, 1829.

[4]) Lex. Salica. T. XII, 2.

[5]) Lex. Baiuw. II, 3. Sine signo nunquam evadat.

или палками и розгами, весьма большимъ числомъ ударовъ, иногда опредѣленнымъ въ законѣ, иногда назначаемымъ по опредѣленію суда, при чемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ господинъ могъ выкупить раба, заплативъ за 40 ударовъ по солиду [1]). Въ Салическомъ законѣ указывается и способъ исполненія тѣлесныхъ наказаній: господинъ при обвиненіи кѣмъ либо раба долженъ имѣть на готовѣ скамейку, на которой растягивали виновнаго, и розги [2]); число ударовъ опредѣлялось въ 120—240. Въ Бургундскомъ законѣ число ударовъ плетьми опредѣлялось въ 300, 200, 100—50 [3]). Болѣзненныя тѣлесныя наказанія безъ опредѣленія числа ударовъ назначались въ Бургундскихъ, Фризскихъ, Алеманскихъ и Баварскихъ законахъ за весьма различныя провинности, говорилось просто: «да будетъ битъ» [4]).

Отсутствіе тѣлесныхъ наказаній для свободныхъ объясняется, какъ правильно замѣчаетъ Луазелеръ, не мягкостью нравовъ варваровъ, но глубокимъ чувствомъ равенства и свободы, которое дѣлало невозможнымъ ихъ примѣненіе [5]). По мѣрѣ возрастанія значенія верховной власти на нее переходили мало по малу права родоначальниковъ, власть которыхъ служила прототипомъ королевской; послѣдняя возростала по мѣрѣ ослабленія первой [6]). «Король, герцогъ, князь стали подвергать убійцъ... тѣмъ самымъ послѣдствіямъ, которыми до сихъ поръ имъ грозили родовыя сообщества но казнь производилась отъ имени всего общества, или представляющаго его правительства» [7]). Тѣлесныя наказанія для

[1]) Lex. Salica. XII, 1. XXV, VIII, XL, 11.

[2]) Lex. Salica XL, 16. XLII, 1. Super scamnum tensus.

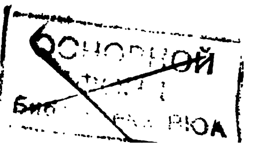
[3]) Lex. Burgund. T. IV, 2, 4. VI, g. XXV, 2. XXX, 1. XXXIII, 1. XXXV, 1. XXXIX, 3. LVIII, 2. LXXIII, 2. XCI, 2. CIII, 3, 5, 6. XCIV, 1. Lex. Burgund. VI, 9.

[4]) Ib. IV, 7. XXVII, 4. XXXVIII, 9. LXX, 1. Lex. Frisionu. III, 7 «servus vapulet»; Lex. Alam. IX, T. 14, 1. XXXVIII. Lex. Baiuw. VIII, 18. IX. 6. XII, 2.

[5]) Loiseleur, o. c., стр. 112.

[6]) Post. Anfänge d. Staatsleben, стр. 172.

[7]) Ковалевскій. Обычное право. II, стр. 1..

свободныхъ и появились только тогда, когда королевская власть настолько усилилась, что могла не стѣсняться старыми традиціями и не боялась протеста. Въ древнихъ сборникахъ германскихъ законовъ, тѣлесныя наказанія назначаются для свободныхъ по исключенію, и то членовредительныя, по закону таліона, за нѣкоторыя важныя преступленія на ряду съ выкупомъ, т. е. только для бѣдныхъ и незнатныхъ [1]), напр. въ Баварскихъ законахъ прямо говорится, что наказаніе незнатныхъ зависитъ отъ усмотрѣнія герцога [2]).

Указаніемъ на то, что тѣлесныя наказанія примѣнялись издавна только къ низшимъ, невліятельнымъ классамъ населенія служитъ и тотъ фактъ, что даже въ эпоху выкуповъ, когда вообще тѣлесныя наказанія не примѣнялись къ свободнымъ, они равно, какъ и смертная казнь, назначались лицамъ, не могшимъ вносить выкупа. По Фризскимъ законамъ виновный въ кражѣ скота долженъ былъ выкупить свою жизнь, или подлежалъ смертной казни [3]). У Лангобардовъ свободный, не могшій уплатить выкупа, подвергался болѣзненнымъ тѣлеснымъ наказаніямъ [4]). По капитуляріямъ IX вѣка третій разбой наказывался смертью, если преступникъ не выкупалъ своей жизни [5]). Отдача несостоятельныхъ воровъ въ заработки была запрещена капитуляріями, которыми приказывается судить ихъ, взамѣнъ отдачи, справедливымъ судомъ [6]); тѣлесное наказаніе для нихъ дѣлается, такимъ образомъ, неизбѣжнымъ.

Сильные короли не стѣснялись и со знатью, особенно съ государственными преступниками, наказаніе которыхъ иногда было не столько дѣломъ правосудія или охраненія

---

1) Lex. Baiuw. T. II, 3, 6, 10, 12. VIII, 14. Pertz. III Leg., стр. 286, 287, 337.

2) Lex. Baiuw. II. De minoribus autem hominibus in ducis sit potestate qualem poenam sustineant.

3) Lex. Frisionum XVIII.

4) Loiseleur, o. c., стр. 513.

5) Capit. 779, стр. 23.

6) Cap. alia add. c. 13. Pertz. I. Leg. c. 120.

общественной безопасности, сколько безпощадною местью. Особенно богата такими фактами лѣтопись Григорія Турскаго. Короли назначали въ то время жестокія тѣлесныя наказанія вполнѣ произвольно, напр. Хильперикъ наказывалъ обыкновенно нарушителей своихъ повелѣній ослѣпленіемъ [1]). Они привыкали мало по малу смотрѣть на всѣ подвластныя имъ земли, какъ на домены, въ которыхъ они распоряжались такъ же, какъ и феодальные владѣльцы, считавшіе себя «господами земли, имѣвшими право на ея поверхность и нѣдра, распоряжавшимися жизнью и смертью, водой, вѣтромъ и лугами, птицей въ воздухѣ и рыбой въ рѣкѣ» [2]). Король, замѣчаетъ Глассонъ, становится хранителемъ земного и божественнаго порядка, естественно, что къ нему переходитъ и право устанавливать наказанія, вытѣсняющія месть и выкупъ [3]).

Съ усиленіемъ королевской власти усиливалось и вліяніе римскаго права, начала котораго вполнѣ совпадали со стремленіями королей. Вліяніе новыхъ началъ уже замѣтно въ двухъ наиболѣе романизированныхъ кодексахъ бургундцевъ и вестготовъ, гдѣ королевская власть была достаточно сильна [4]). По Бургундскимъ законамъ, напр., свободный за подлогъ наказывался отсѣченіемъ руки [5]). Въ Вестготскомъ правѣ назначаются болѣзненныя тѣлесныя наказанія для свободныхъ, допускаемыя въ другихъ сборникахъ, напр. въ Gragas'ѣ, только какъ дисциплинарная мѣра для малолѣтнихъ[6]).

По общему же правилу болѣзненныя тѣлесныя наказанія не могли примѣняться къ свободнымъ, особенно къ знатнымъ

1) Въ его эдиктахъ писалось: Si quis praecepta nostra contempserit, oculorum evulsione mulctetur. Gregorius Thur. l. II, c. 46.

2) Michelet. Origines du droit français. Paris. 1837, стр. 228.

3) Glasson. Histoire du droit et des institutions de la France. III. Paris. 1887. 581, 584.

4) Сравн. Leges Alfredi 28. Leges Knuti. II. 35. Phillips. Uersuch., стр. 158, 161.

5) Lex. Burg. II. g. LIV, 3.

6) Gragas. XXXII. Lex. Vis. VII. T. V, 2. Tam humiles quam potentiores puniuntur centenis flagellis. Lex. Vis. VI. T. V, c. 7.

лицамъ, и нарушеніе этихъ привилегій вызывало иногда месть [1]). Различіе между свободными и рабами въ примѣненіи болѣзненныхъ тѣлесныхъ наказаній сохранилось и впослѣдствіи, такъ напр. въ капитуляріяхъ Пипина 765 г. за кровосмѣшеніе свободный наказывался тюрьмой или вирой въ 60 солидовъ, рабъ—неопредѣленнымъ тѣлеснымъ болѣзненнымъ наказаніемъ, «vapuletur plagis multis». Въ собраніи капитуляріевъ аббата Анзегиза только въ одномъ мѣстѣ опредѣляется наказаніе за подачу жалобы по дѣлу рѣшенному уже шеффенами,— 15 солидовъ или 15 ударовъ и для свободнаго [2]), но вообще тѣлесное наказаніе назначается для рабовъ, причемъ ударъ для раба соотвѣтствуетъ почти всегда 1 солиду виры для свободнаго. За нѣкоторые виды кражи тѣлесное наказаніе полагалось для рабовъ сверхъ тройнаго вознагражденія.

Однако, въ виду того, что въ то время низшіе классы уже утрачивали свои права, устанавливался новый порядокъ и складывалась феодальная система, по капитуляріямъ болѣзненному тѣлесному наказанію, какъ было сказано, подвергались и незнатные свободные, свѣтскіе и духовные [3]). Бичеваніе исполнялось публично на площади, причемъ осужденнаго обнажали и привязывали къ столбу. Били низшіе агенты при судѣ, или заинтересованныя лица, или сами преступники, исполнявшіе наказаніе по очереди другъ за другомъ [4]).

---

[1]) Насколько позорными считались въ то время болѣзненныя тѣлесныя наказанія, видно изъ того, что нанесеніе удара палкою сюзереномъ своему вассалу наравнѣ съ покушеніемъ на его жизнь, съ обезчещеніемъ его жены или дочери и отнятіемъ наслѣдства было законнымъ поводомъ для нарушенія ленныхъ обязательствъ. Capitul. 813. c. 16. Pertz Monum, I Leg., стр. 189.

[2]) Caroli M., Hludovici et. Hlotarii imp. Capit. ab Ansegiso. Abb. C. III, c. II. Pertz. T. I. Leg., стр. 306. Giraud. Essai sur l'histoire du droit français. I. Paris. 1846, стр. 300. Michelet. Origines du droit français. 150.

[3]) Capitul Pipini reg. 765, c. 2, 7.

[4]) Cap. 817, c. 15, 16. Cap. 809, c. 3. Cap. 805, c. 10. Cap. coll abb. Ansegiso l. III, c. 15. Wilda d. Strafrecht. 513. Gengler. № 51. Grimm. Deütsche Alterthümer. 704.

Членовредительныя наказанія нерѣдко упоминаются съ 'III вѣка въ капитуляріяхъ: напр. въ 779 г. устанавливалось а первую кражу лишеніе одного глаза, за 2-ю—другого и трѣзаніе носа, за третью—смертная казнь [1]). Людовикъ Благочестивый, по свидѣтельству его біографа Тегана, наказывалъ вмѣсто смерти ослѣпленіемъ, участниковъ въ заговорахъ ротивъ его особы [2]). Точно также Карлъ Великій наказывалъ заговорщиковъ ослѣпленіемъ, лишеніемъ членовъ, и изнаніемъ [3]). Въ капитуляріи 805 г. устанавливалось правило, чтобы смертной казни за государственныя преступленія подвергать только главныхъ виновниковъ, остальныхъ :аказывать бичеваніемъ и урѣзаніемъ носа [4]). Въ капитуляіяхъ дѣлаются также попытки обязательной замѣны выкупа ѣлесными наказаніями. Въ названномъ капитуляріи 779 г. оворится, что клятвопреступникъ непремѣнно теряетъ руку [5]), ожный свидѣтель, потерпѣвшій пораженіе въ поединкѣ акже наказывался потерей руки, но его соприсяжники могли нести выкупъ [6]); въ другихъ капитуляріяхъ выкупы допускались и для клятвопреступниковъ [7]).

И членовредительныя и болѣзненныя тѣлесныя наказанія тановились обычной карательной мѣрой въ городахъ уже съ [illegible] вѣка. Въ привилегіи Магдебурга, данной этому городу Оттономъ Великимъ, назначается отсѣченіе рукъ за лжесвидѣельство и нанесеніе раны, въ послѣднемъ случаѣ альтернаивно съ выкупомъ [8]). Въ хартіи Страсбурга (980 г.) находимъ

---

1) Capit. 779, c. 12, de vindicta in latronibus; ib. 23.

2) Thegani. Vita Hludovici. Imr. XXV. Genglers Rechtsdenkmäler. тр. 249.

3) Einharti. Vita caroli Magni. c. XX.

4) Capit. missis. data ad Theodonis villam an. 805. c. 10. Capit. 'ipini regis. 765. c. I. Pertz. I. Leg. стр. 31.

5) Capit. 779. c. 10. qui perfurium... nullam redemptionem nisi ıanum perdat.

6) Cepit. 816. c. 1. Pertz. I. Leg. 315

7) Capit. 805. manum aut redimat.

8) Privilegium Ottonis M. R. J. Super locatiöne Magdeburgensis civil. 74. c. LXX. Rechtsdenkmäler d. deutsch. Mittelalters. I. B.—v. A.)aniel. Berlin.

общее постановленіе о томъ, какъ исполнялись тѣлесныя наказанія: бичеваніе производилось тюремщикомъ, особыя должностныя лица существовали и для членовредительныхъ наказаній: они должны были вырывать глаза, кастрировать, отсѣкать руки [1]). Въ городовыхъ хартіяхъ встрѣчается также и таліонъ при тѣлесныхъ поврежденіяхъ [2]); за богохуленіе назначается отрѣзаніе языка, выкупъ не допускается [3]), словомъ продолжается порядокъ, начало которому положено при каролингахъ, при которыхъ мѣста судебныхъ засѣданій стали уже мѣстами, гдѣ «преступники осуждаются на смерть, лишаются членовъ и подвергаются бичеванію» [4]). Болѣзненныя наказанія назначались въ городовыхъ правахъ за мелкіе проступки, напр. за нанесеніе легкихъ ранъ для немогущихъ уплатить вознагражденія [5]).

Относительно вліянія церкви на правосудіе и въ частности на тѣлесныя наказанія въ разсматриваемыя эпохи, нужно замѣтить, что оно часто бывало благодѣтельнымъ: въ вѣка кулачнаго права, церковь во имя высшихъ завѣтовъ ученія милосердія и любви, являлась защитницей слабыхъ и гонимыхъ, что особенно ярко выражалось въ правѣ убѣжищъ, которымъ долгое время пользовались церкви и монастыри; это право было важнымъ средствомъ смягчать участь несчастныхъ и предупреждать пролитіе крови, такъ какъ искавшіе спасенія въ церквахъ выдавались только подъ торжественнымъ обѣщаніемъ, что они не будутъ наказаны смертью и лишены членовъ тѣла. (Reum... pacem et vitam et membra conservare... tamen legitime conponat quod fecit. См. Fuld, Das Asylrecht im Alterthum, стр. 103 и слѣд.). Эти привилегіи поддерживались и римскими и германскими импера-

---

[1]) Coutumes de Strasburg an. 980. c. 21—23. Giraud. Histoire. I, стр. 1—18.

[2]) Strafrecht von Ensam 1212 c. 5—7. Gaupp. II, стр. 218. Stadtrecht von Wien an 1221, 10—14. Gaupp. стр. 241.

[3]) Ib. 38.

[4]) Cap. Caroli. II, an. 850. Pertz. Monum. I Leg. стр. 521.

[5]) Murten Stadrodel. (XIII в.) c. II, 13. Gaupp. II, 154.

торами, напр. Карлъ Великій передалъ саксонскимъ церквамъ всѣ права убѣжищъ, которыми обладали низвергнутыя языческія капища.

Будучи, однако, врагомъ жестокостей и пролитія крови, церковь, выросшая въ эпоху суроваго законодательства римской имперіи, была слишкомъ тѣсно связана съ интересами общества, среди котораго росла и крѣпла, чтобы уйти отъ его воззрѣній и взглядовъ на преступленіе и наказаніе: тѣлесныя наказанія были тогда обычными, и аскетическіе взгляды на умерщвленіе плоти дѣлали болѣзненныя тѣлесныя наказанія (бичеваніе) въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже обязательнымъ богоугоднымъ дѣломъ. Сама церковь пользовалась тѣлесными наказаніями въ качествѣ дисциплинарнаго средства, въ правомѣрности и справедливости котораго никто не сомнѣвался. Въ IX вѣкѣ аббаты имѣли право смирять строптивыхъ и гордыхъ монаховъ ударами и вообще тѣлесными наказаніями, которыя назывались disciplina regularis (что уже указываетъ на значеніе тѣлеснаго наказанія въ монастырскомъ обиходѣ). Цѣлью тѣлеснаго наказанія, какъ и вездѣ, было устрашеніе: производить его предписывалось передъ братіей «ut ceteri metum habeant» [1]). При саксонскихъ короляхъ въ Англіи монахи, по приговору церковныхъ судовъ, подвергались публичному бичеванію за нарушеніе монастырскихъ уставовъ и преступленія противъ нравственности [2]), послѣднее сопровождалось иногда лишеніемъ сана, декальвацiей и заключеніемъ въ цѣпяхъ въ тюрьму. Плети встрѣчаются въ извѣстныхъ монастырскихъ уставахъ, напр. Св. Бенедикта; они назначались вообще духовными судьями и для свѣтскихъ лицъ за церковныя преступленія [3]).

Иногда церковными судами употреблялись и членовредительныя наказанія, что доказывается такъ называемыми Capitula Remedii, по которымъ святотатцы и богохульники

---

[1]) Regula monachorum. 14, 80 Pertz T. I. Legum., стр. 201.

[2]) Philips. Versuch einer Darstellung. d. Geschichte des Engelsächsischen Rechts. 1825, стр. 292.

[3]) Saint-Edme. Dictionnaire III. Fouet.

приговариваются въ первый разъ къ декальваціи, во второй— къ вырѣзанію языка и отсѣченію носа, въ третій выдаются свѣтскимъ судьямъ, т. е. на смертную казнь [1]. Повтореніе убійства наказывалось ослѣпленіемъ, которое по милосердію могло быть замѣнено выкупомъ, за третье убійство неизбѣжно слѣдовала выдача свѣтскимъ судамъ. За клятвопреступленіе въ первый разъ назначалось болѣзненное тѣлесное наказаніе, во второй разъ прибавлялось клейменіе лба раскаленнымъ желѣзомъ [2].

Было и еще одно основаніе, по которому церковь предпочитала въ нѣкоторыхъ случаяхъ наиболѣе суровыя тѣлесныя наказанія смертной казни,—это возможность при нихъ дать время наказанному подумать о вѣчномъ спасеніи. Въ законахъ Канута подъ вліяніемъ этихъ воззрѣній, очевидно, и было постановлено, что за первую кражу полагается выкупъ, за вторую — отсѣченіе руки или ноги, за новое преступленіе полагалось отрѣзать носъ, уши, губы, выколоть глаза, такъ что отъ преступника, наконецъ, могло остаться только одно туловище, лишь бы онъ оставался живымъ, и его душа могла спастись [3].

Такова была въ общихъ чертахъ первоначальная исторія тѣлесныхъ наказаній у германскихъ народовъ. Въ позднѣйшія эпохи, со времени распаденія монархіи Карла В., право развивалось уже въ каждомъ изъ основанныхъ германцами государствъ самостоятельно, почему и дальнѣйшую исторію тѣлесныхъ наказаній въ западно-европейскихъ государствахъ необходимо разсматривать по отдѣльнымъ странамъ. Я остановлюсь подробнѣе для выясненія хода развитія и вымиранія тѣлесныхъ наказаній въ Западной Европѣ на исторіи ихъ во Франціи и Германіи, какъ представляющей наибольшій интересъ по общему значенію, какое имѣла исторія права въ названныхъ государствахъ.

---

[1]) Capit. Remedii. Cap. II, 9.
[2]) Jb. III, IV, XI.
[3]) Wilda, Das Strafrecht der Germanen, стр. 512.

IV.

Во Франціи, въ городовыхъ хартіяхъ XI и слѣдующихъ вѣковъ встрѣчалось, какъ и въ прежнихъ варварскихъ законахъ, назначеніе таліона для членовредителей [1]), несостоятельные воры подлежали тѣлесному наказанію [2]); въ нихъ же давалось право производить судъ надъ преступниками: отрубать ноги, руки, вырѣзать глаза, заключать въ тюрьмы, женщинамъ отсѣкать носъ и губы, уши, груди [3]). Подвергнутые членовредительнымъ наказаніямъ подлежали обыкновенно, изгнанію [4]). Размѣръ болѣзненныхъ тѣлесныхъ наказаній опредѣлялся по усмотрѣнію судей [5]). Сѣченіе производилось публично, на площади, и растягивалось для большей примѣрности на возможно продолжительное время [6]). Въ королевскихъ ордонансахъ XIV и XV вв. тѣлесныя наказанія встрѣчались очень часто даже безъ ближайшихъ опредѣленій наряду съ имущественными («peine de corps et d'avoir») [7]). Членовредительныя наказанія также сохранялись, напр. при Филиппѣ Валуа, въ 1330 г. за богохуленіе во второй и третій разъ отрѣзались губы, за пятый—языкъ [8]). Ордонансъ противъ богохульниковъ неоднократно подтверждался [9]). Въ эдиктѣ 1540 г. за бродяжничество налагались наказанія до членовредительныхъ (punition de membres), или смертной казни

---

[1]) Charte de commune de Laon (1128) c. 4. Recueil géneral des anciennes lois françaises depuis l'an 420. T. I, стр. 138—143.

[2]) Coutumes de Montpellier. an 1264, c. 19. Giraud II. 47—49.

[3]) Usaticae Barchina an 1068, c. 94, 95. Giraud. II, стр. 465—584. Coutumes de Provence. Statuta Domini Raimundo an 1235. Giraud, II, стр. 77.

[4]) Coutumes de Montpellier, c. 23.

[5]) Statuta Arelata, c. 25, 52. (1162—1205).

[6]) Statuta D. Raumundi. Giraud. II, ст. 32, 88, стр. 21, 23.

[7]) Ordonnance. 1312. № 456. Recueil, T. III.

[8]) № 1. Ordonnance. 1330. Recueil, T. IV.

[9]) № 228. Ordonnance. 1377. T. VI. № 59. Ordon. 1487. T. XI. № 96 Cride prevost de Paris. 1487. T. XI. № 253. Ord. 1460. T. IX. № 609. Ord. 1415. Lettres royales VIII.

включительно [1]). Въ 1576 г. въ указѣ о благочиніи въ королевскихъ дворцахъ за нанесеніе ранъ, обнаженіе оружія назначалось отсѣченіе руки [2]). Членовредительныя наказанія оставались и въ послѣдующія эпохи: еще, напр. въ 1684 г. при Людовикѣ XIV состоялся указъ, запрещавшій публичнымъ женщинамъ на 2 мили подходить къ Версалю подъ угрозой потери носа и ушей [3]). Клейменіе, какъ замѣчаетъ Луазелеръ, было больше полицейской мѣрою охраны общественной безопасности, чѣмъ наказаніемъ [4]). Въ 1354 г. предписывалось клеймить бродягъ раскаленнымъ желѣзомъ въ лобъ [5]), въ видахъ предупрежденія преступленій, съ этой же цѣлью клеймили дезертировъ 2 лиліями на каждой щекѣ, всѣхъ найденныхъ съ такими клеймами приказывалось препровождать, безъ дальнѣйшаго разбирательства, на галеры. Приговоренные къ галерной работѣ клеймились тремя буквами «G. A. L» [6]).

Болѣзненныя тѣлесныя наказанія въ XVI и XVII вѣкахъ совершались или публично палачами, считались позорными и почти всегда сопровождались клейменіемъ и изгнаніемъ [7]), или—въ тюрьмѣ, не публично (sous la custode), послѣднее считалось полицейскимъ наказаніемъ. Наказывали розгами или плетьми: напр. за пьянство въ 1535 г. полагалось въ 1-й разъ содержаніе на хлѣбѣ и водѣ, во 2-й—наказаніе розгами въ тюрьмѣ, въ 3-й—публичное наказаніе плетьми, за которымъ при неисправленіи слѣдовало членовредительное наказаніе [8]). Число ударовъ не опредѣлялось, иногда при наказаніи розгами говорилось только, что наказывать до

---

[1]) Recueil XII № 319. Edit sur l'administration de la justice en Normande § 10.

[2]) Recueil XII. № 56. Ordonnance 3, 5, 6, 18, 20.

[3]) Recueil XV. № 1120, 1122. Ordon. 1684.

[4]) Loiseleur, o. c., стр. 246.

[5]) Recueil V. № 207, и 1354. Lettres.

[6]) Recueil XXII. 1721. № 229. Declaration.

[7]) Loiseleur, o. c., стр. 247.

[8]) Recueil. XII. 1535 г. № 235. Edit. ch. III, 1.

крови [1]). Наказаніе плетьми употреблялось, какъ наказаніе самостоятельное или дополнительное при ссылкѣ на галеры, или какъ дисциплинарная мѣра для каторжниковъ [2]).

Въ XVIII вѣкѣ тѣлесныя наказанія еще твердо стояли въ законодательствѣ, поддерживались практиками, не безусловно осуждались представителями нарождавшихся тогда философскихъ направленій, не отвергались и на основаніи «естественнаго права». Правда, Монтескье вообще высказывался противъ жестокости наказаній: «Въ государствѣ благоустроенномъ, писалъ онъ, законодатель озабочивается не столько наказаніемъ сколько предупрежденіемъ преступленій. Китайскіе писатели всегда замѣчали, что тѣмъ больше увеличивалась жестокость наказаній, тѣмъ ближе была революція, потому что число казней увеличивается параллельно съ порчей нравовъ». Доказывая безсиліе устрашительныхъ каръ, напр. въ борьбѣ съ разбоями, число которыхъ не уменьшалось несмотря на колесованіе, Монтескье выставляетъ общее положеніе, что причины благопріятствующія преступности лежатъ не въ умѣренности наказаній, а въ безнаказанности преступленій [3]). Французскіе юристы и въ концѣ XVIII в. не

---

[1]) Recueil. XII, № 33. Edit. 4, 8, г. 1515. Recueil. 1536. XII, № 235. Edit.

[2]) Recueil XII. № 319. 1540 г. Edit. № 421. Edit. 1546 г. № 407. 1541 г. № 407. 1541 г. XV. № 1252, 1584, 1686, 1695. Declaration XVIII. № 379. 1661. E 654, Edit. 1671. № 850. 1677.

[3]) Montesquieu. L'esprit des lois. T. I., стр. 196, 197, 200. Прямое продолженіе развитія этихъ взглядовъ встрѣчаемъ у извѣстнаго итальянскаго новатора въ области уголовнаго права Беккарія: «Надежда на безнаказанность удаляетъ всегда мысль о сильныхъ страданіяхъ... Страны и эпохи наиболѣе жестокихъ наказаній всегда отличались кровавыми и безчеловѣчными преступленіями». Беккарія мѣтко указываетъ на слабую сторону господствовавшаго въ его время устрашенія, на то, что при послѣдовательномъ проведеніи его становится трудно сохранить соотвѣтствіе между преступленіемъ и наказаніемъ и на являющееся вслѣдствіе этого не примѣненіе закона, санкція котораго не можетъ быть выполнена по ея чрезмѣрной жестокости; «безнаказанность, заканчиваетъ [illegible] образомъ начало въ законахъ». Но и Беккарія

отвергали въ теоріи даже членовредительныхъ наказаній: въ мемуарѣ, поданномъ въ 1778 г. экономическому Бернскому Обществу руанскимъ адвокатомъ Сервэномъ, членовредительныя наказанія дѣлятся авторомъ на «обезображивающія и ослабляющія» (т. е. лишающія работоспособности). Первыя могутъ имѣть значеніе для женщинъ: «если бъ дѣвушки съ раннихъ лѣтъ, восклицаетъ краснорѣчивый адвокатъ, были убѣждены, что преступленіе обезобразитъ ихъ, какой ужасъ питали бы онѣ къ нему въ продолженіе всей жизни!». Болѣзненныя тѣлесныя наказанія находятъ въ Сервэнѣ убѣжденнаго защитника. «Плеть, по его словамъ, употребляемая какъ должно, имѣетъ право играть самую важную роль въ уголовной юстиціи. Одна изъ главныхъ ея выгодъ—это, способность къ громадному разнообразію по числу ударовъ, по устройству инструментовъ, по способу исполненія, большей или меньшей публичности». Плеть должна быть «отеческимъ поученіемъ, предназначеннымъ сдерживать страсти или пылъ чувственныхъ желаній, которые можно смирить только болью; цѣль ея причиненія—исправленіе виновнаго». Но Сервэнъ не могъ желать сохраненія болѣзненныхъ тѣлесныхъ наказаній въ такомъ видѣ, какъ они примѣнялись въ его время, ихъ недостатки были слишкомъ ясны: руанскій адвокатъ желалъ для преступника страданія, но не позора, который навсегда выбрасывалъ наказаннаго изъ общества. «Нужно остерегаться, говоритъ онъ, соединять съ наказаніемъ безчестье, пусть оно совершается у ногъ судьи въ присутствіи только нѣсколькихъ свидѣтелей» [1]).

въ принципѣ не отвергаетъ совершенно тѣлесныя наказанія, напротивъ онъ признаетъ ихъ нужными за преступленія противъ личности и за кражу съ насиліемъ, и ограничивается положеніемъ, что ихъ не слѣдуетъ назначать за преступленія, стимуломъ которыхъ является гордость и т. п. не низкія чувства и побужденія. Беккарія. О преступленіи и наказаніи. Перев. И. Соболева. 1878 г., стр. 82.

[1]) Servin. De la législation criminelle. Mèmoire présentée à la Soc. économique de Berne, стр. 69—70, 153—154, 168, 176, 192, 195, 206, 211, 215, 220, 257, 326.

Положеніе вещей рѣзко измѣнилось французской революціей; въ нѣсколько лѣтъ страшная буря смела остатки феодализма и сословный строй государства. Принципъ свободы личности, «правъ человѣка» былъ торжественно провозглашенъ законодательнымъ собраніемъ. При новомъ порядкѣ не могли удержаться и тѣлесныя наказанія, они были отмѣнены республикой, и ихъ исторія собственно оканчивается для Франціи въ XVIII вѣкѣ. Правда, при измѣнившихся политическихъ обстоятельствахъ во время Наполеона I уголовный кодексъ 1810 г. сохранилъ отсѣченіе руки передъ казнью у отцеубійцъ и клейменіе; болѣзненныя наказанія остались, какъ дисциплинарныя взысканія. О тѣлесныхъ наказаніяхъ во Франціи въ XIX в. любопытныя замѣтки находятся въ книгѣ Моленеса, написанной въ 1830 г. «Существуютъ оковы, говоритъ онъ, ужасной тяжести. Въ однѣхъ тюрьмахъ ихъ надѣваютъ на ноги, въ другихъ на ноги и на руки; каторжные кромѣ положеннаго по закону сковыванія по-парно и ядеръ, во время пути прикрѣпляются еще другъ къ другу желѣзными ошейниками, которые закрѣпляются сильными ударами молота, при малѣйшей ошибкѣ могущими причинить смерть». Въ каторгѣ, по его свидѣтельству, болѣзненныя наказанія палкою и линьками были обычнымъ явленіемъ и назначались по капризу начальства [1]). Но эти обломки прошлаго не встрѣчали сочувствія и поддержки въ общественномъ мнѣніи: въ 1832 г. имъ нанесенъ окончательный ударъ, и въ настоящее время тѣлесныя наказанія во Франціи совершенно отмѣнены [2]).

---

[1]) De Molenès. De l'humanitê dans les lois criminelles et de la jurisprudence. Paris, 1830. 194—7, 394—398, 490—404. Corre. Les Criminels P. 1889, стр. 148.

[2]) Въ 1891 г. для каторжныхъ допущено въ качествѣ дисциплинарной мѣры наложеніе простыхъ и двойныхъ наручниковъ. Таганцевъ. Русское Уголовное Право, т. II, стр. 1167.

V.

Въ Германіи въ XIII и XIV вѣкахъ старыя воззрѣнія не уступали еще новымъ началамъ: выкупы сохранились, судебный поединокъ рѣшалъ дѣло, но въ то же время судьи начали приговаривать проигравшихъ дѣло въ поединкѣ къ смертной казни и тѣлеснымъ наказаніямъ [1]). Въ сборникѣ законовъ, извѣстномъ подъ именемъ швабскаго зерцала упоминается отсѣченіе руки, урѣзаніе языка, отбитіе большаго пальца, и болѣзненныя наказанія [2]). Саксонское зерцало (XIV в.) устанавливаетъ за кражу тѣлесныя наказанія или выкупъ въ три шиллинга [3]); выкупъ былъ возможенъ и въ другихъ случаяхъ, но уже съ важнымъ ограниченіемъ: онъ допускался по усмотрѣнію судьи [4]), это указываетъ, что тѣлесныя наказанія могли примѣняться въ то время, несмотря на состоятельность виновнаго. На практикѣ выкупъ допускался довольно часто, почему и слышались жалобы, что вѣшаютъ только мелкихъ воровъ, а крупныхъ выпускаютъ на свободу. Позже тѣлесныя наказанія, наоборотъ, стали обычнымъ наказаніемъ [5]).

Въ XVI вѣкѣ абсолютная власть германскихъ государей уже сложилась, и все населеніе Германіи распалось на привилегированныхъ и непривилегированныхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣла рѣшительный перевѣсъ и система государственныхъ наказаній, выкупъ и безправіе почти исчезли. Въ уголовномъ уложеніи Карла V (1532 г.) выкупы дозволяются

---

[1]) Eichhorn o. c. II, стр. 714.

[2]) Caspar. Darstellung des Strafen Inhalts des Swabensspiegels. Bln. 1892, стр. 15.

[3]) Sachsenspiegels erster Theil (Nach Handschrift 1369) Hrgn. v. C. Homeger. Bln. 1835 II Buch. 13 art. 1, 2, 3, 26 Art.

[4]) Eichhorn. Geschichte II, 714.

[5]) Siegel. Deutsche Rechtsgeschichte. 1886 г. Kaiserl. Landrecht c. 317. so soll man in henken... wil der clager, er mag sich auch minnelichen verrithen mit dem diebe oder mit dem rauber das mus geschehen mit des Richters Urlobe, стр. 399—400. Stein. Geschichte des Fränzösischen Strafrechts und Processes. Basel. 1846. стр. 86.

только съ изволенія императора, т. е. разсматривались какъ помилованіе [1]. Изъ членовредительныхъ наказаній уложеніе Карла V знаетъ отрѣзаніе или прибитія языка гвоздемъ къ позорному столбу, отсѣченіе двухъ пальцевъ, руки, отсѣченіе ушей и ослѣпленіе. При исполненіи приговоровъ законодатель счелъ необходимымъ предписать нѣкоторыя правила осторожности: если, напр. на рукѣ, подлежащей отсѣченію, были какія либо поврежденія, наказаніе не должно было усиливать болѣзни. Болѣзненныя тѣлесныя наказанія назначаются въ уложеніи Карла V за торговые обманы, неисполненіе обязанностей повѣренными, сводничество, кражу до 5 гульд. и еще за нѣкоторые проступки полицейскаго характера [2].

Въ эпоху названнаго уложенія вообще, вмѣсто прежнихъ строго опредѣленныхъ наказаній, служившихъ гарантіей личной свободы и ставшихъ анахронизмомъ съ исчезновеніемъ послѣдней, получили преобладаніе неопредѣленныя кары, poenae arbitrariae: законъ предоставлялъ судьямъ выборъ наказаній, по обстоятельствамъ дѣла, указывая его только въ общихъ чертахъ, такъ что преступникъ не могъ знать, какъ онъ будетъ наказанъ; такъ карались очень крупныя преступленія, напр. поддѣлка монеты; во многихъ случаяхъ уложеніе Карла V прямо отсылало судью къ рѣшенію правовѣдовъ, т. е. ученыхъ и опытныхъ юристовъ, руководившихся не только туземнымъ, но и римскимъ правомъ [3].

Въ XVII в. положеніе германскаго общества измѣнилось во многомъ благодаря твердо установившемуся государственному порядку, прекращенію важныхъ злоупотребленій феодализма, развитію просвѣщенія и увеличенію экономическаго благосостоянія народа. Перемѣна не замедлила сказаться и на примѣненіи тѣлесныхъ наказаній, прежде всего членовредительныхъ, какъ такихъ, съ которыми могла

---

1) Eichhorn, o. c. III, 439.

2) CCC. 113, 115, 123, 127, 130, 137, 158.

3) CCC. b. 110, 115, 118, 120, 222, 123, 127, 133, 148, 159, 160, 161, 168—170, 173, 177, 178.

мириться только средневѣковая грубость. Безъ всякой законодательной отмѣны, путемъ судебной практики начало сокращаться примѣненіе наиболѣе жестокихъ тѣлесныхъ наказаній. По свидѣтельству юриста XVII вѣка Деплера ослѣпленіе, отрѣзаніе языка употреблялись рѣдко. Въ концѣ XVII в. эти наказанія замѣнились другими, въ саксонскихъ земляхъ—болѣзненными тѣлесными наказаніями и изгнаніемъ [1]). Карпцовъ передаетъ, что за 12 лѣтъ его судебной дѣятельности въ Лейпцигѣ не было ни одного случая подобнаго наказанія [2]). Но другія членовредительныя наказанія еще оставались, напр. отсѣченіе носа и ушей за побѣги со службы рекрутъ [3]); отрубленные носы и уши прибивались къ висѣлицѣ, и такъ какъ побѣги, несмотря на наказанія, были довольно часты, то висѣлицы, по свидѣтельству Деплера, никогда не оставались безъ этихъ украшеній [4]).

Клейменіе носило характеръ и карательной и предупредительной мѣры и примѣнялось довольно часто. Въ Саксоніи клеймили воровъ за первое воровство на щекѣ, за 2-е — близъ ушей, на третій разъ ставили крестъ на лбу, чтобы остеречь честныхъ людей; клеймить полагалось и убійцъ; но практика значительно смягчала строгость постановленій закона, и клейма ставили на спину и на руки, т. е. за ними сохраняли только полицейскій характеръ. Клейменіе, какъ и членовредительныя наказанія, вызывали уже энергичный протестъ юристовъ того времени какъ своей непрактичностью, такъ и жестокостью, напр. одинъ изъ нихъ, Винтеръ, писалъ, что наказанный отсѣченіемъ руки получаетъ возможность жить на счетъ благотворителей, милостыней, въ полнѣйшей лѣности; выставляли также на видъ, что клейменіе и членовредительныя наказанія, налагая неизгладимое пятно на человѣка, дѣлаютъ для него немыслимымъ возвращеніе на

---

1) Doepler, o. c. I стр. 920, 942,—54.

2) Carpzovius. Practica criminalis nova saxonica. Quest. 45. n. 3.

3) Günther. De amputatione membrorum. Diss. inauguralis Jena. 1681. § 11. Grimm. Dent. Alterthümer, стр. 704 и слѣд.

4) Döpler I. 870, 995,—999, 918.

честную дорогу [1]). Но ослабленіе членовредительныхъ наказаній при отсутствіи тюремъ, при невозможности ограничиться штрафомъ въ виду измѣнившихся правовыхъ воззрѣній, выдвигало болѣзненныя тѣлесныя наказанія, примѣненіе которыхъ не считалось жестокимъ въ XVII столѣтіи и не встрѣчало препятствій въ обществѣ, въ которомъ они примѣнялись ко всѣмъ, кромѣ высшихъ сословій, сохранившихъ въ числѣ привилегій, уцѣлѣвшихъ отъ прошлаго, и эту. Публичное сѣченіе, по словамъ Деплера, было самымъ обыкновеннымъ и жестокимъ наказаніемъ. Но если низшіе свободные классы городскаго и сельскаго населенія не могли избавить себя отъ позора тѣлесныхъ истязаній, тѣмъ не менѣе сознаніе этого позора было; тѣлесныя наказанія считались безчестящими, сохраненію сознанія этого безчестія помогало и изъятіе отъ нихъ высшихъ сословій, постоянно напоминавшее низшимъ о разницѣ ихъ положеній. Понятно, почему нѣкоторые старые практики совѣтовали употреблять болѣзненныя тѣлесныя наказанія съ величайшею осторожностью. Ипполитъ Марсельскій, напр. признаетъ ихъ допустимыми только при отсутствіи возможности наказать какъ нибудь иначе. Какъ было упомянуто, болѣзненныя тѣлесныя наказанія замѣнили собою и членовредительныя, и число ихъ замѣтно увеличилось. Ими наказывалось покушеніе на отравленіе, нанесеніе ранъ, признанныхъ врачемъ не смертельными, однако имѣвшихъ послѣдствіемъ смерть, неосторожное убійство и поджогъ, если виновный не въ состояніи уплатить вознагражденія и др. Точное опредѣленіе числа ударовъ зависѣло отъ усмотрѣнія суда, которому, впрочемъ, рекомендовалась извѣстная мягкость, и указывалось на еврейское право, которое не допускало наказанія болѣе чѣмъ 40 ударами. Вообще наказаніе предполагалось на сколько умѣреннымъ, чтобы не подвергать опасности жизнь осужденнаго [2]).

---

[1]) Döpler, o. c. I. 900—904, 910—915.

[2]) Doepler, o. c. I. 874—899. Преступникъ послѣ экзекуціи завертывался въ баранью, только что снятую шкуру. Paulus Zachias. Questiones mèdico-legales.

Но и въ такой формѣ болѣзненныя наказанія удовлетворяли не всѣхъ юристовъ XVII в.: они не были такъ безсмысленно жестоки, какъ членовредительныя наказанія, не лишали преступника работоспособности, рукъ, ногъ или глазъ, но на этомъ и кончались ихъ преимущества. Развращающее вліяніе тѣлесныхъ наказаній не ускользнуло отъ авторовъ того времени. «Преступникъ, говорилъ цитированный уже юристъ Винтеръ, исключается ими вслѣдствіе безчестія изъ общенія съ другими, не терпится въ обществѣ, слѣд. какъ бы побуждается къ преступленію» [1]).

Ольдекопъ требовалъ полной отмѣны тѣлесныхъ наказаній, только увеличивающихъ, по его мнѣнію, преступность, и предлагалъ замѣнить ихъ отдачею въ общественныя работы; эта мысль проводится и въ эдиктѣ Виртембергскаго герцога Іоанна Фридриха, изданномъ въ 1627 году, въ которомъ указывается на то, что разъ побывавшій въ рукахъ палача преступникъ навсегда теряется для общества и не можетъ существовать честно.

Слѣдовательно, уже въ XVII вѣкѣ къ тѣлеснымъ наказаніямъ стали относиться критически, то же самое продолжалось и въ XVIII в. Правда, строго полицейскій и сословный строй государствъ германскаго союза, остававшихся, какъ и въ XVII в., абсолютными монархіями, и полное отсутствіе всякаго намека на гражданскую свободу, составляли такія условія общественнаго быта, при которыхъ трудно было разсчитывать на рѣшительное измѣненіе карательной системы, но продолжавшееся въ то же время развитіе общественнаго сознанія, философскихъ и юридическихъ наукъ, выдвигавшихъ вопросъ о правахъ личности, объ отношеніяхъ ея къ государству, не могли не отразиться на законодательствѣ, поэтому исторія тѣлесныхъ наказаній въ XVIII в. носила двойственный характеръ: съ одной стороны, особенно въ началѣ столѣтія сохранялся старый порядокъ, находившій защитниковъ и въ наиболѣе образованныхъ слояхъ общества,—

---

[1]) Winter. o. c. II, 12. Döpler. o. c. I, 870.

съ другой стороны, несоотвѣтствіе жестокихъ наказаній съ духомъ времени, вызывало ихъ постепенное, но непрерывно продолжавшееся смягченіе. Часто строгія кары сохранялись только въ кодексахъ, не примѣняясь на практикѣ. Въ лексиконѣ Гайма, изданномъ въ 1733 г., перечисляются всѣ членовредительныя наказанія, клейменіе, наказаніе палками и наказаніе розгами. Публично тѣлесныя наказанія назначались по счету Гайма за 29 преступленій, важнѣйшія изъ нихъ: банкротство, растрата, клевета, кровосмѣшеніе въ боковыхъ степеняхъ, нарушеніе предѣловъ обороны, кража и др. [1]). Хотя членовредительныя наказанія упоминались, какъ существующія въ этомъ сборникѣ, предназначенномъ для практическаго пользованія, однако они вездѣ при назначеніи за отдѣльныя преступленія ставились альтернативно съ другими наказаніями, иногда съ публичнымъ тѣлеснымъ наказаніемъ и изгнаніемъ, иногда даже со смертною казнью, напр. о богохульствѣ прямо говорилось, что оно наказывается не отсѣченіемъ языка, но обезчещивающимъ публичнымъ тѣлеснымъ наказаніемъ, или изгнаніемъ [2]), за сводничество на ряду съ отсѣченіемъ ушей перечисляются другія тѣлесныя наказанія [3]). Другой юристъ Мекбахъ, писавшій на 20 лѣтъ позднѣе (1756 г.), также указывалъ, что членовредительныя наказанія не употреблялись въ его время «такъ какъ ими воръ болѣе подвергается мученіямъ и наказывается, чѣмъ повѣшеніемъ и, кромѣ того, наказанный остается жить въ тягость другимъ» [4]). При королѣ Фридрихѣ Вильгельмѣ I въ Пруссіи членовредительныя тѣлесныя наказанія не употреблялись совсѣмъ, а жестокія квалифицированныя казни совершались, обыкновенно, согласно тайному приказу, надъ умерщ-

---

[1]) Haimer, T. Lexicon juris criminalis. Leipz. 1733, стр. 170, 171, 250—253.

[2]) Haimer, стр. 292.

[3]) Ib., стр. 163, 181.

[4]) Quanter, Die Leibes и Lebensstrafen, стр. 306.

вленными преступниками [1]). Однако, смягчая жестокость казней, Фридрихъ Вильгельмъ, не стѣснялся вообще законами, даже изданными имъ самимъ, вслѣдствіе чего каждое дѣло велось на свой собственный ладъ и важныя преступленія иногда наказывались въ порядкѣ кабинетной юстиціи [2]). Такое неуваженіе къ гражданскимъ правамъ, неминуемо влекло за собой широкое примѣненіе болѣзненныхъ тѣлесныхъ наказаній, и они, дѣйствительно, были любимой карательной мѣрой Фридриха Вильгельма I, который, подобно Петру I, расправлялся и собственноручно [3]). Болѣзненнымъ тѣлеснымъ наказаніямъ подвергались и сановники: въ 1739 г. былъ публично наказанъ т. с. Вильке [4]).

Въ Комментаріяхъ къ Уголовному Уложенію Карла V, составленныхъ Ротеромъ (1685—1750 г.) описывается существовавшій въ его время порядокъ исполненія болѣзненныхъ тѣлесныхъ наказаній; изъ описанія Ротера видно, что отъ нихъ освобождались беременныя до истеченія 6 недѣль послѣ родовъ, и что сѣченіе раздѣлялось на публичное и, совершавшееся въ стѣнахъ тюрьмы, непубличное [5]).

Прусскій ландрехтъ (1794 г.) отводилъ тѣлеснымъ наказаніямъ большое мѣсто какъ самостоятельной и дополнительной карѣ. Самостоятельно болѣзненныя тѣлесныя наказанія назначались за участіе въ противозаконныхъ сообществахъ, нарушеніе общественнаго порядка и благочинія и т. д.; въ соединеніи съ другими наказаніями тѣлесныя наказанія полагались за цѣлый рядъ преступленій, начиная отъ оскорбленія мастеровъ, хозяевъ, родителей и кончая убійствомъ. Особый рескриптъ 1797 г. былъ посвященъ спеціально вопросу объ исполненіи тѣлеснаго наказанія; оно назначалось, обыкновенно, безъ опредѣленія числа ударовъ «умѣренное,

---

[1]) Holtze, F. Strafrechtspflege unter König Fr. Wilhelm I. Bln. 1894 стр. 41.

[2]) Holtze, F. o. c., стр. 37.

[3]) Ib. стр. 39.

[4]) Ib., стр. 44.

[5]) Wrede. Die Körperstrafen. стр. 382 и слѣд.

обычное, усиленное»; орудія наказанія предписывалось употреблять такія, «которыя при усиленномъ наказаніи не дѣлали бы его жестокимъ или опаснымъ для здоровья». Усиленное наказаніе, какъ видно изъ полицейскихъ инструкцій 1798 г., состояло изъ 40—80 ударовъ, производилось въ одинъ или два пріема и «безъ различія степеней всегда ad posteriora, какъ на наиболѣе безопасномъ мѣстѣ». Въ 1798—1799 г.г. тѣлесныя наказанія были распространены королевскими указами еще на нѣкоторые проступки [1]).

Германскіе юристы-теоретики XVIII вѣка также отводили тѣлеснымъ наказаніямъ важное мѣсто въ своихъ проектахъ улучшенія уголовнаго законодательства, такъ напр. Энгельгардтъ въ «Опытѣ общаго уголовнаго права», построенномъ на міровой мудрости и, особенно, естественномъ правѣ (въ 1756 г.), прежде всего устанавливаетъ дѣленіе тѣлесныхъ наказаній на членовредительныя (Gliederstrafen) и болѣзненныя (Schmerzenstrafen o. schmerzliche Strafen), съ нѣмецкой педантичностью останавливается на перечисленіи ихъ отдѣльныхъ видовъ и признаетъ членовредительныя наказанія болѣе тяжкими (въ чемъ и раньше никто не сомнѣвался), такъ какъ они не допускаютъ возстановленія прежняго состоянія, а послѣ болѣзненныхъ (по крайней мѣрѣ въ принципѣ) возможно полное выздоровленіе. Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ, не давая общей оцѣнки тѣлеснаго наказанія, признаетъ его цѣлесообразность какъ бы доказанной и прямо переходитъ къ отдѣльнымъ преступленіямъ; онъ считаетъ отнятіе языка наказаніемъ вполнѣ подходящимъ за богохульство и т. д. [2]).

Глобигъ и Густеръ (1783 г.) находили, что въ правомѣрности тѣлесныхъ наказаній нѣтъ сомнѣнія, но что они не должны быть жестоки. Жестоко наказаніе, когда оно опасно

---

[1]) Krausse, Die Prügelstrafe. Berlin. 1899.

[2]) Engelhard, R. Versuch eines allgemeinen peinlichen Rechts auf den Grundsätzen der Weltweisheit insbesondere des Rechts der Natur, Leipz. 1756 стр. 149, 155, 156, 183, 184, 186, 202, 211, 212, 286, 292, 348, 370, 405, 483.

для жизни, когда отнимаетъ руки, ноги, дѣлаетъ невыносимой остальную часть жизни, лишаетъ возможности заработка. Членовредительныя наказанія невыгодны прежде всего потому, что заставляютъ государство содержать на свой счетъ наказаннаго; отступленіе отъ этого взгляда допускается только въ видахъ устрашенія при таліонѣ за тѣлесныя поврежденія (кромѣ кастраціи). Болѣзненныя тѣлесныя наказанія авторы допускаютъ до 200 ударовъ плетьми или розгами. Тѣлесныя наказанія, по ихъ предположенію, должны были назначаться вмѣстѣ съ тюрьмой и каторгой, напр. за государственную измѣну они рекомендовали назначать вѣчную каторгу съ еженедѣльнымъ наказаніемъ розгами, съ закованіемъ въ ножные и ручные кандалы и желѣзный ошейникъ [1]). Въ 1785 г. появилась работа о преступленіяхъ и наказаніяхъ Гмелина, который находилъ, что «болѣзненныя тѣлесныя наказанія со всѣхъ точекъ зрѣнія хороши, вполнѣ удовлетворяютъ конечной цѣли наказанія (устрашенію), не противны человѣчности и разумному государственному управленію и имѣютъ еще особую выгоду въ томъ, что, напр. въ отношеніи числа ударовъ и инструментовъ можно всегда сообразоваться съ обстоятельствами». Гмелинъ рѣшительно высказывается противъ членовредительныхъ тѣлесныхъ наказаній, «которыя противорѣчатъ человѣчности и благоразумной уголовной политикѣ», наказанные навсегда исключаются изъ общества, у нихъ отнимаются всѣ честныя средства къ жизни. Этотъ же авторъ касается и вопроса о болѣзненныхъ тѣлесныхъ наказаніяхъ, какъ дисциплинарной мѣры: родители, по его мнѣнію, могутъ наказывать тѣлесно и взрослыхъ дѣтей, только не причиняя имъ смерти или увѣчья [2]).

Въ XIX вѣкѣ вымираніе тѣлесныхъ наказаній въ Германіи шло довольно медленно, что вполнѣ соотвѣтствовало общественному и государственному порядку германскихъ земель, вну-

[1]) Globig und Huster. Abhandlung. v. der Criminalgesetzgebung. Zürich, 1783; стр. 73, 74, 172, 181, 188, 195, 196, 212, 236.

[2]) Gmelin. Grundsätze d. Gesetzgebung üb. Verbrechen und Strafen. Tübingen. 1785. 73—75, 76, 176, 178, 202, 249, 285.

треннее состояніе которыхъ мало измѣнила и война за освобожденіе 1813 г. Но распространеніе просвѣщенія и новыхъ идей, проникавшихъ повсюду, несмотря на строгость цензуры, смягченіе нравовъ, ослабленіе полицейскаго характера управленія, сравнительно съ XVIII в. не могли не поколебать и не измѣнить взглядовъ на тѣлесное наказаніе и въ обществѣ и въ законодательствѣ. Съ начала XIX вѣка исчезли уже членовредительныя наказанія «человѣчность и благоразуміе, писалъ Фейербахъ въ своемъ учебникѣ, вывели ихъ изъ употребленія» [1]). Болѣзненныя наказанія оставались въ значительно смягченномъ видѣ.

Въ Пруссіи продолжали дѣйствовать законы 1794 г. съ позднѣйшими измѣненіями и дополненіями. Въ 1811—1812 г. примѣненіе тѣлесныхъ наказаній было сильно ограничено, такъ по указу 1812 г. они оставлялись только для «преступниковъ изъ самыхъ низшихъ классовъ». Въ 1833 г. отъ тѣлесныхъ наказаній были освобождены женщины, и въ 1834 г. было признано, что тѣлесныя наказанія всего пригоднѣе для несовершеннолѣтнихъ и слабоумныхъ, «такъ какъ для нихъ тѣлесныя наказанія не составляютъ никакого позора». Во всякомъ случаѣ тѣлесныя наказанія считались необходимыми и были сохранены во всѣхъ проектахъ прусскаго уголовнаго уложенія, съ проектомъ 1847 г. включительно. Оставались тѣлесныя наказанія и въ уложеніяхъ другихъ германскихъ государствъ, изданныхъ въ 30-хъ годахъ, напр., въ Ганноверскомъ кодексѣ они замѣняли 6-ти недѣльное тюремное заключеніе для бродягъ; вообще они назначались въ дополненіе къ тюремному заключенію и самостоятельно для несовершеннолѣтнихъ 10—15 лѣтъ.

Въ такомъ объемѣ тѣлесныя наказанія находили себѣ защитниковъ и среди криминалистовъ, смотрѣвшихъ на низшіе классы, какъ на не вполнѣ правоспособные, такъ напр. Ярке защищалъ примѣненіе болѣзненныхъ тѣлес-

---

[1]) Feuerbach, A. Lehrbuch d. gemeinen peinlichen Rechts. 10-te Auflage. Giessen, 1828, стр. 101, § 147, 148.

ныхъ наказаній, считая массу народа по развитію равной несовершеннолѣтнимъ [1]), Ширахъ указывалъ на то, что чувство чести въ массахъ недостаточно развито и считалъ тѣлесныя наказанія вполнѣ пригодными за безчестящія преступленія, указывающія на дерзость и грубость виновника [2]). Другіе держались золотой середины и, не становясь ни на ту, ни на другую сторону, признавали отмѣну наказаній несвоевременной, требовали указаній опыта (напр. Вехтеръ), хотя, конечно, трудно было ожидать этихъ указаній, разъ тѣлесныя наказанія продолжали бы примѣняться по прежнему.

Съ 30-хъ годовъ вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ болѣзненныхъ, такъ какъ о членовредительныхъ уже и не вспоминалось, выдвинулся въ литературѣ въ связи съ замѣчавшимся въ Германіи оживленіемъ общественной мысли. Въ 1831 г. появилась статья извѣстнаго криминалиста Миттермайера, рѣшительно требовавшаго отмѣны тѣлесныхъ наказаній, какъ безполезныхъ и несоотвѣтствующихъ строю конституціонныхъ государствъ [3]). Но эта статья не принесла никакого практическаго результата: борьба была начата нѣсколько рано. Она возобновилась съ большимъ успѣхомъ въ 40-хъ годахъ: въ 1841 г. въ томъ же «Архивѣ Уголовнаго Права», гдѣ писалъ и Миттермайеръ, появилась статья Ягемана, который требовалъ уничтоженія тѣлесныхъ наказаній не только по суду, но и какъ дисциплинарной мѣры. «Тѣлесныя наказанія, говорилъ авторъ, на 50 лѣтъ пережили пытку, пора имъ и исчезнуть» [4]). Въ энергичномъ тонѣ статьи слышался боевой вызовъ, смѣлыя слова соотвѣтствовали духу времени, наоборотъ заступники тѣлесныхъ наказаній значительно понизили свой тонъ. Отвѣчавшій Яге-

---

[1]) Jarke, Handbuch d. peinlichen Rechts T. I, c. 265. Roshirt. Entwikelung d. Grundsätze d. Strafrechts. стр. 461—463.

[2]) Schirach. Handbuch d. Criminalrechts. T. I, стр. 175—184.

[3]) Mittermaier Körperliche Züchtigung als Strafart. Arch. d. crimin. Rechts 1331. XII, стр. 653.

[4]) Jagemann. Die Strafe der Körperlichen Züchtigung vor dem Forum der Wissenschaft. Arch. d crimin. Rechts. 1841. IX, стр. 230—231.

ману Гудвалькеръ указывалъ, главнымъ образомъ, на недостатки тюремнаго заключенія, на грубость простаго народа, на необходимость тѣлеснаго наказанія для бродягъ [1]). Теоретическая борьба скоро рѣшилась въ пользу противниковъ тѣлесныхъ наказаній, самою жизнью. Событія 1848 г. вызвали уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній, какъ самостоятельной кары.

Въ Пруссіи тѣлесныя наказанія были отмѣнены королевскимъ указомъ, въ которомъ говорилось, что «въ виду дарованныхъ всѣмъ подданнымъ одинаковыхъ политическихъ правъ тѣлесныя наказанія не могутъ назначаться ни военными, ни гражданскими судами». Другія германскія государства послѣдовали примѣру Пруссіи (въ Нассау, Баденѣ, Брауншвейгѣ и Дармштадтѣ тѣлесныя наказанія были отмѣнены раньше, въ періодъ 1809—1841 г.). Во время наступившей послѣ 1848 г. реакціи нѣкоторыя германскія государства снова ввели тѣлесныя наказанія (Саксонія, Виртембергъ, Мекленбургъ, Ганноверъ).

Въ 1871 г. общегерманское уголовное Уложеніе отмѣнило тѣлесныя наказанія во всей Германіи; въ настоящее время они допускаются по императорскому указу 1896 г. лишь для туземцевъ (кромѣ арабовъ и индійцевъ) германскихъ колоній. Число ударовъ ограничено 25; женщины не подлежатъ тѣлесному наказанію [2]). Затѣмъ тѣлесныя наказанія примѣняются во многихъ германскихъ государствахъ, какъ дисциплинарное наказаніе въ тюрьмахъ. Уцѣлѣли въ качествѣ дисциплинарнаго взысканія тѣлесныя наказанія и въ школахъ.

Отрицательное отношеніе къ тѣлеснымъ наказаніямъ въ законодательствѣ поддерживалось и въ литературѣ: противъ нихъ высказывались лучшіе представители науки уголовнаго

---

[1]) Hudtwalker. Noch ein Wort über die körperl'che Züchtigung als Strafe. Arch. 1842. IV стр. 164—187.

[2]) Hansen. Stock. u. Peitsche. Dresden 1899, стр. 85.

права 50—70 годовъ [1]), и авторъ энциклопедіи германскихъ законовъ, Блуме (1854 г.), имѣлъ полное право замѣтить «что новые кодексы послѣ неоднократно возобновляемой борьбы отказались отъ тѣлесныхъ наказаній». Этотъ же авторъ указываетъ и на безполезность тѣлесныхъ наказаній въ тюрьмахъ, гдѣ они зависятъ отъ усмотрѣнія начальства [2]).

Слѣдовало бы ожидать, что въ настоящее время въ Германіи вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ, постепенная отмѣна которыхъ совершалась весьма медленно и послѣ упорной борьбы, долженъ бы считаться исчерпаннымъ, и дальнѣйшія усилія науки и закона должны бы направляться на уничтоженіе ихъ остатковъ въ тюрьмахъ, школахъ и т. д., въ дѣйствительности, однако, стало замѣтно движеніе въ пользу тѣлесныхъ наказаній. Преступность въ Германіи увеличивается; этотъ несомнѣнный фактъ указываетъ на нецѣлесообразность мѣръ, употребляемыхъ для борьбы съ нею; на этой почвѣ представители реакціонныхъ теченій, забывая долгую кровавую практику предшествовавшихъ столѣтій, печальный примѣръ которыхъ достаточно долженъ бы предохранить отъ всякихъ иллюзій на счетъ успѣшности устрашительныхъ каръ, стали обвинять дѣйствующую систему наказаній въ слабости и требовать усиленія строгости, устрашенія. Типичнымъ выразителемъ этихъ мнѣній явился членъ рейхстага Миттельштедтъ въ своемъ памфлетѣ противъ тюремнаго заключенія (въ 1879 г.). Наказаніе, по его мнѣнію, можетъ имѣть двѣ цѣли: устрашеніе и исправленіе. Первая господствовала прежде, когда «наивныя головы» не разсуждали о томъ, какъ дѣйствуютъ угрозы наказанія, психологически или физіологически (стр. 19). Новое время задумало возвратить заблудшихъ дѣтей въ общество. Это абсурдъ. Наказаніе, чего бы оно ни касалось, всегда было и будетъ зломъ, страданіемъ, ни больше, ни меньше (стр. 23). Поэтому

[1]) Сравн. Бернеръ. Учебникъ Уголовн. права. Спб. 1865 г. I. стр. 735—37.

[2]) Bluhme, Dr. Encyklopaedie des in Deutschland geltenden Rechts. Abt. I. Berlin. 1854, стр. 47.

прежде всего тюрьму слѣдовало бы сдѣлать мѣстомъ лишенія съ тяжкимъ трудомъ, напр. съ горными или земледѣльческими работами. Также необходимо самое ограниченное питаніе, голодъ здѣсь совершенно умѣстенъ (стр. 66—67). Кромѣ того, нужна смертная казнь: «если топоръ или гильотина будутъ работать нѣкоторое время sans phrases, то мы сможемъ со здоровыми нервами, твердымъ безпристрастіемъ и ясностью мысли обсудить въ какихъ предѣлахъ принять эту «ultima ratio» земной справедливости» (77). Но авторъ полагаетъ, что и этого мало: «въ глубинѣ народной души все замѣтнѣе, говоритъ онъ, становится движеніе противъ нелѣпой гуманности, и это движеніе выражается въ требованіи возстановить родъ наказаній, на который привыкли смотрѣть, какъ на пережитое варварство. Возстановленіе тѣлеснаго наказанія—таково требованіе народа!» Долгое тюремное заключеніе безконечно болѣе мучительное и болѣе разрушающее здоровье наказаніе, чѣмъ тѣлесное въ какой бы то ни было формѣ. Не нужно, конечно, возстановлять тѣлесное наказаніе для всѣхъ, не различая пола и возраста. Но очень серьезенъ вопросъ, не будетъ ли для полузрѣлаго юношества порція розогъ болѣе дѣйствительнымъ, подходящимъ и гуманнымъ наказаніемъ, чѣмъ тюрьма, за такія дерзкія преступленія, какъ злостное поврежденіе вещей, тѣлесныя поврежденія и т. п. Загадка, почему въ предѣлахъ, въ которыхъ, несмотря ни на что, дѣйствующее право и обычай, предоставляетъ взрослымъ надъ несовершеннолѣтними право тѣлеснаго наказанія въ семьѣ, школѣ и мастерской,—въ этомъ отказывается государству? (стр. 82). Если судьѣ предоставлено закономъ опредѣлить степень нравственной зрѣлости несовершеннолѣтняго, то отчего не дать ему права приговаривать къ тѣлеснымъ наказаніямъ? Главное дѣло въ принципѣ: не важно, чтобы непремѣнно били, но важно, чтобы могли бить, слѣдуетъ сдѣлать только одинъ шагъ и дозволить суду назначать при позорныхъ преступленіяхъ дополнительное тѣлесное наказаніе (стр. 84)[1]).

[1]) Mittelstädt. O. Dr. Gegen die Freiheitsstrafen. Leipzig. 1879.

Памфлетъ Миттельштедта, написанный горячо и рѣшительно, обратилъ на себя вниманіе и вызвалъ цѣлый рядъ возраженій со стороны защитниковъ тюремнаго заключенія. Противъ него писали извѣстные германскіе юристы и тюрьмовѣды: Schwarze [1]), Кроне [2]), Штренгъ [3]), проф. Зонтагъ [4]) и др.

Въ извѣстномъ руководствѣ тюрьмовѣдѣнія Гольцендорфа и Ягемана тѣлесныя наказанія называются «варварской карательной мѣрой», недопустимой въ культурныхъ государствахъ и совершенно недостигающей цѣли [5]).

Но мнѣнія Миттельштедта нашли поддержку въ средѣ тюремныхъ дѣятелей, хотя и не безусловно: они на съѣздѣ въ 1877 г. высказались за желательность тѣлеснаго наказанія для несовершеннолѣтнихъ. Въ 1890 г. въ такомъ же смыслѣ состоялись постановленія тюремнаго общества въ провинціи Саксоніи и Ангальта. Въ 1891 г. Рейнско-Вестфальское тюремное общество послѣ обсужденія доклада Шмольдера [6]) признало нужнымъ примѣнять тѣлесныя наказанія: 1) въ исправительныхъ домахъ, 2) въ тюрьмахъ для несовершеннолѣтнихъ арестантовъ (для взрослыхъ въ тяжкихъ случаяхъ неповиновенія). Тѣлесныя же наказанія разсматриваются, какъ необходимая мѣра, многими австрійскими тюремными дѣятелями и писателями, напр. Гиллеръ въ своей монографіи о дисциплинарныхъ наказаніяхъ требуетъ распространенія тѣлесныхъ наказаній на всѣ тюрьмы, арестные и рабочіе дома, исключая только подслѣдственныхъ арестантовъ [7]).

---

[1]) Schwarze, Die Freiheitsstrafe. Leipzig. 1880.

[2]) Krohne. Der gegenwärtige Stand d. Gefängnisswissenschaft. Zeitschrift f. d. Strafrechtswissenschaft. B. I. стр. 53 и слѣд.

[3]) Streng, Kritik der Abhandlung Mittelstädts. Beilage zur Allzeitung 1880.

[4]) Sontag, R. Dr. Für die Freiheitsstrafen. Berlin. u. Leipzig. 1881.

[5]) Holtzendorf, C. u. Jagemann, E. Handbuch des Gefängnisswesens. Hamburg, 1888, II стр. 93—95.

[6]) Schmölder, Die Körperliche Züchtigung als richteriches Strafmittel und Disciplinarmittel in Strafanstalten. Düsseldorf.

[7]) Hiller. Die Disciplinarstrafen in den Oesterreichischen Strafanstalten und Gerichtsgefängnissen. Leipzig und Wien.

Къ защитникамъ тѣлесныхъ наказаній примыкаетъ и роф. Листъ, высказывающій въ своемъ учебникѣ положеніе, то едва ли можно обойтись безъ тѣлеснаго наказанія въ ѣхъ случаяхъ, когда, напр. приходится наказывать неиспраимыхъ преступниковъ или несовершеннолѣтнихъ, чувствуюихъ боль наказанія, но не его позорность [1]).

Наконецъ, въ 1899 г. появилась довольно обширная онографія члена судебнаго вѣдомства (Gerichts-assesor) -ра Краузе, защищающая взгляды Миттельштедта и доказывающая необходимость тѣлесныхъ наказаній [2]). За тѣлесыя же наказанія высказывается и авторъ монографіи о мертной казни и тѣлесныхъ наказаніяхъ, Квантеръ [3]).

Изъ другихъ государствъ слѣдуетъ отмѣтить Англію, въ оторой тѣлесныя наказанія сохранились какъ карательная ѣра, назначаемая по суду и какъ дисциплинарное взыскаіе. Какъ и въ Германіи, въ Англіи тѣлесныя наказанія крѣпились въ средніе вѣка [4]). Право выкупа было уничтоено еще въ XII в. [5]), и въ XIII в. по свидѣтельству Бриксона тѣлесныя наказанія стали карательной мѣрой, примѣявшейся весьма часто [6]). На ограниченіе тѣлесныхъ наказаній въ Англіи имѣла большое вліяніе церковная привилегія право клириковъ судиться исключительно въ церковныхъ удахъ, избѣгавшихъ жестокихъ тѣлесныхъ наказаній), которая постепенно распространялась и на другіе классы населенія [7]).

---

[1]) Liszt. Lehrbuch d. deutschen Strafrechts. Berlin. 1891. 4 Aufl. гр. 258. Въ послѣднемъ изданіи учебника Листъ вовсе не высказыается о тѣлесныхъ наказаніяхъ.

[2]) Dr. Krausse, Gerichts-assesor. Die Prügelstrafe. Eine Kriminal olitische Studie. Bln. 1899.

[3]) Quanter. Die Leibes und Lebensstrafen. Dresden. 1901.

[4]) Morse Earle. Curious Punishements of bygone days. 1896. Stephen. listory of criminal law.

[5]) Philips. Englische Reichs u. Rechts Geschichte. Bln. 1827, I, гр. 188.

[6]) Crabb. Geschichte des englischen Rechts. 1839 стр. 304—305.

[7]) Blakstone. Commentaire sur les lois anglaises. 1823, VI, стр. 283.

Тѣлесныя наказанія защищались и въ англійской юридической литературѣ, напр. извѣстный англійскій юристъ и философъ Бентамъ въ своемъ сочиненіи о наказаніяхъ и наградахъ требуетъ, чтобы наказаніе было экономичнымъ, т. е чтобы достигало намѣченной имъ цѣли съ наименьшей суммой страданія для преступника. Наказаніе, по его мнѣнію нужно для предупрежденія повторенія преступленій; т. е столько же для преступника, сколько и для другихъ. «Еслибы повѣшеніе куклы могло такъ же устрашить, какъ повѣшеніе преступника, говоритъ онъ, вѣшать послѣднихъ было бы безсмысленной жестокостью». Оцѣнивая тѣлесныя наказанія, онъ видитъ ихъ положительныя стороны въ значительной способности къ дѣлимости болѣзненныхъ тѣлесныхъ наказаній, въ возможности соразмѣрять ихъ съ преступленіемъ, но высказывается противъ членовредительныхъ наказаній, которыя по его взгляду прежде всего не экономичны: изувѣченныхъ приходится содержать на общественный счетъ, кромѣ того, они крайне неравномѣрны, такъ какъ, напр., далеко не все равно потерять руку художнику или какому нибудь бродягѣ, ихъ единственное преимущество въ примѣрности «поэтому членовредительныя наказанія можно употреблять только въ самыхъ важныхъ случаяхъ, какъ наказаніе дополняющее вѣчное заключеніе». Противъ болѣзненныхъ тѣлесныхъ наказаній Бентамъ возражаетъ не принципіально, а только противъ существовавшей въ его время практики: «въ Англіи, говоритъ онъ, плеть употребляется съ крайней неравномѣрностью. Отъ палача зависитъ сдѣлать наказаніе легче или тяжелѣе. Продажа снисходительности для нихъ одинъ изъ источниковъ дохода, вслѣдствіе чего преступникъ наказывается не по винѣ, а по достатку». Единственную поправку Бентамъ видитъ въ построеніи особыхъ цилиндрической формы машинъ, которыя приводили бы въ движеніе эластичныя тѣла, на подобіе вѣтвей или китовыхъ усовъ Отвѣтственный чиновникъ долженъ наблюдать за правильностью дѣйствія машинъ. Одновременное дѣйствіе нѣсколь

кихъ машинъ могло бы увеличить ужасъ сцены наказанія [1]).

Въ настоящее время тѣлесныя наказанія въ Англіи назначаются по суду для несовершеннолѣтнихъ и взрослыхъ. Высшій предѣлъ тѣлеснаго наказанія — наказаніе виновныхъ въ гарротерствѣ, за которое законъ 1863 г. назначаетъ 50 ударовъ плетьми (недостигшимъ 16 лѣтъ—25 ударовъ). Женщины не наказываются тѣлесно. Какъ дисциплинарная мѣра, тѣлесныя наказанія употребляются въ Англіи въ школахъ и тюрьмахъ [2]). Наконецъ, тѣлесныя наказанія по суду существуютъ въ Европѣ въ государствахъ Балканскаго полуострова, а въ Швеціи, Норвегіи и Даніи—для несовершеннолѣтнихъ [3]).

VI.

Всматриваясь въ ходъ исторіи тѣлесныхъ наказаній и сопоставляя прошлое съ настоящимъ, можно съ достаточной твердостью установить положеніе, что тѣлесныя наказанія были прежде одной изъ важнѣйшихъ карательныхъ мѣръ у европейскихъ народовъ, что постепенно они выходили изъ употребленія и въ настоящее время являются уже второстепеннымъ наказаніемъ и примѣняются, сравнительно съ прошлымъ, въ небольшихъ размѣрахъ. Исторія тѣлесныхъ наказаній свидѣтельствуетъ объ ихъ вымираніи—вотъ основной выводъ.

Важнѣйшія условія, отъ которыхъ находится въ зависимости распространеніе и вымираніе тѣлесныхъ наказаній—это положеніе личности въ государствѣ, состояніе культуры и цѣли, преслѣдуемыя наказаніемъ. Тѣлесныя наказанія появ-

---

[1]) Bentham. Théorie des peines et de récompenses. Paris. 1825. T. I. стр. 12, 14, 16, 18—20; 22, 35, 37—40, 47, 57—62, 68, 87—89, 91—96, 99—101, 104—107, 110—114.

[2]) Krausse. Die Prügelstrafe стр. 67 и сл.

[3]) Таганцевъ, Уголовное право, т. II, стр. 1137.

ляются въ семьѣ, въ родѣ, для подчиненныхъ лицъ и д.
рабовъ; когда же государственная власть пріобрѣтаетъ пра
и возможность наказывать по усмотрѣнію, благодаря гр
бости нравовъ, они переходятъ въ общую карательную с
стему. Высшіе, сохранившіе болѣе правъ, классы, по бол
шей части, избѣгаютъ общей участи, и тѣлесныя наказан
къ нимъ не примѣняются. Но когда государство окончател
складывается, и населеніе получаетъ возможность направи
свои силы на внутреннее развитіе, съ увеличеніемъ эконом
ческаго благосостоянія и развитіемъ образованія въ сре
нихъ и низшихъ классахъ, начинается процессъ вымиран
тѣлесныхъ наказаній, вызываемый стремленіемъ всѣхъ кла
совъ населенія пріобрѣсти гражданскую равноправность.

Приниженное положеніе личности, грубость нравовъ всл
ствіе малаго развитія культуры, стремленіе устрашить пр
ступника и отплатить ему за зло зломъ, по возможности е
большимъ, если не равнымъ, создаютъ атмосферу, въ кот
рой пышно развиваются тѣлесныя наказанія. Такъ, прин
женное положеніе личности содѣйствовало широкому прим
ненію тѣлесныхъ наказаній въ древнихъ восточныхъ десп
тіяхъ (стр. 10); въ Римѣ распространеніе тѣлесныхъ нак
заній находилось въ прямой зависимости отъ развитія
исчезновенія гражданской свободы (стр. 11). Подобны
же образомъ тѣлесныя наказанія развивались и у герма
скихъ народовъ по мѣрѣ утраты населеніемъ прежнихъ пра
и усиленія государственной власти. Словомъ, тѣлесныя н
казанія были всегда, какъ говорилось выше, участью н
свободныхъ, слабыхъ, и безправныхъ. Соотношеніе тѣлесны
наказаній съ состояніемъ культуры выражается въ томъ, ч
малокультурность даннаго общества, грубость его нраво
даетъ просторъ для проявленія жестокости въ наказаніях
а, слѣдовательно, и для примѣненія тѣлесныхъ наказан
Вмѣстѣ съ этимъ при грубости нравовъ цѣли наказан
сводятся, главнымъ образомъ, къ устрашенію и возмездію, ч
еще болѣе укрѣпляетъ примѣненіе тѣлесныхъ наказаній, п
этому тѣлесныя наказанія и распространились и утвердил

у германскихъ народовъ въ средніе вѣка, когда въ наказаніи преслѣдовались по преимуществу цѣли устрашенія и возмездія, осуществляемыя жестокими казнями, причиненіемъ преступнику возможно большаго физическаго страданія. Наоборотъ, какъ только личность гражданина пріобрѣла значеніе, возросли культура и благосостояніе населенія и расширились цѣли преслѣдуемыя наказаніемъ—тѣлесныя наказанія стали казаться слишкомъ тяжелыми, непригодными, и ихъ примѣненіе или прекратилось вовсе, или сильно ограничилось. Такъ, во Франціи тѣлесныя наказанія были уничтожены во время революціи, въ Германіи и другихъ государствахъ—съ установленіемъ конституціоннаго режима, а эти перемѣны въ общественномъ и государственномъ строѣ въ свою очередь основывались на измѣнившихся культурныхъ и экономическихъ условіяхъ жизни народовъ. Такимъ образомъ, развитіе культуры и правового строя приводитъ къ вымиранію тѣлесныхъ наказаній.

Фактъ существованія тѣлесныхъ наказаній въ цивилизованныхъ странахъ, напр. въ Англіи, не уничтожаетъ силы указаннаго вывода, такъ какъ при ближайшемъ разсмотрѣніи условій существованія въ Западной Европѣ тѣлесныхъ наказаній выясняется, что 1) процессъ вымиранія тѣлесныхъ наказаній совершается и въ странахъ ихъ сохранившихъ, такъ область примѣненія тѣлесныхъ наказаній въ Англіи въ настоящее время очень невелика сравнительно съ тѣмъ, что было столѣтіе назадъ; 2) въ культурномъ отношеніи современное европейское общество распадается на много группъ, далеко не одинаковыхъ и не однородныхъ; доказательствомъ этого могутъ служить послѣднія колоніальныя войны, которыя вели европейскія державы, особенно Англія. Медленнымъ проникновеніемъ культуры въ массы, медленнымъ измѣненіемъ взглядовъ и привычекъ можно объяснить какъ сохраненіе многого изъ давно прошедшихъ временъ, такъ и тѣлесныхъ наказаній. Еще до сихъ поръ въ Германіи и Англіи тѣлесныя наказанія считаются полезной дисциплинарной мѣрой въ школѣ и семьѣ, воспоминаніе объ ихъ прош-

ломъ значеніи еще живо, въ этомъ и слѣдуетъ искать объясненія, какъ существованія тѣлесныхъ наказаній, такъ и ихъ теоретической защиты. Но развитіе культуры сдѣлало уже очень много, уничтоживъ квалифицированныя смертныя казни и самыя тяжкія тѣлесныя наказанія. Поэтому современные сторонники устрашенія во что бы то ни стало, отстаиваютъ только болѣе широкое примѣненіе болѣзненныхъ тѣлесныхъ наказаній и то въ несравненно болѣе мягкой формѣ, чѣмъ прежде, и предлагаютъ примѣнять тѣлесныя наказанія, главнымъ образомъ, къ тѣмъ, кто, какъ предполагается, не чувствуетъ ихъ позора, т. е. защищаютъ тѣлесныя наказанія съ ограниченіями ясно говорящими, что прежняя роль тѣлесныхъ наказаній отошла безвозвратно въ область исторіи.

Но если исторія тѣлесныхъ наказаній указываетъ на ихъ вымираніе, и съ этой точки зрѣнія существованіе ихъ въ Европѣ въ настоящее время является лишь переживаніемъ то тѣмъ не менѣе нельзя не остановиться на ихъ теоретической оцѣнкѣ, не выяснить свойства тѣлесныхъ наказаній, независимо отъ выводовъ, указываемыхъ ихъ исторіей, такъ какъ они существуютъ и защищаются.

Переходя къ теоретической оцѣнкѣ тѣлесныхъ наказаній нужно имѣть въ виду, что рѣчь идетъ въ настоящее время о болѣзненныхъ тѣлесныхъ наказаніяхъ и о примѣненіи ихъ къ нѣкоторымъ разрядамъ преступниковъ, это — maximum требованій сторонниковъ ихъ, сознающихъ немыслимость полнаго возвращенія къ прошлому, и что огромное большинство криминалистовъ, какъ и авторовъ не юристовъ, касавшихся этого вопроса, высказываются противъ тѣлесныхъ наказаній [1]).

---

[1]) *Жбанковъ и Яковенко.* Тѣлесныя наказанія въ Россіи въ настоящее время. Москва. 1899. *Кистяковскій.* Элементарный учебникъ. Кіевъ. 1882, стр. 800 — 845. *Неклюдовъ.* Учебникъ уголовнаго права Бернера съ примѣчаніями. Спб. 1865 стр. 668 — 686. *Сергѣевскій.* Русское Уголовное Право. Спб. 1890, стр. 138 — 147. *Ступинъ.* Исторія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи отъ судебниковъ до настоящаго времени Владикавказъ. 1887. *Таганцевъ.* Лекціи по уголовному Праву, IV

Доводы сторонниковъ тѣлесныхъ наказаній можно раздѣлить на двѣ группы: 1) доводы основанные на несостоятельности существующей карательной системы и 2) доводы, основанные на свойствахъ тѣлесныхъ наказаній, на ихъ полезности помимо постороннихъ соображеній.

Несостоятельность современной карательной системы ставится главнымъ доводомъ въ пользу тѣлесныхъ наказаній уже въ работѣ Миттельшдтета; въ трудѣ Краузе (1899 г.) этому доводу отведено также первое мѣсто. Краузе, вслѣдъ за Миттельштедтомъ прежде всего упрекаетъ современное правосудіе въ мягкости и въ наклонности замѣнять тюремное заключеніе штрафомъ. Самое тюремное заключеніе краткосрочное и долгосрочное, по его мнѣнію, устроено такъ, что нерѣдко арестантъ оказывается въ лучшемъ положеніи, чѣмъ свободный рабочій: его прекрасно кормятъ, одѣваютъ, помѣщаютъ; между различными видами заключеній почти нѣтъ разницы и вообще тюремное заключеніе нисколько не устрашаетъ. Наконецъ, теорія исправленія преступниковъ, проводимая въ тюрьмахъ, совершенно невѣрна и невыполнима; рецидивъ растетъ, растетъ и преступность [1]).

Нельзя не замѣтить, что, указывая на недостатки тюремнаго заключенія, Миттельштедтъ и Краузе многое преувеличиваютъ и упускаютъ изъ виду, что ростъ преступности

стр. 1450—1459. *Его же.* Русское Уголовное Право т. II. Спб. 1902 стр. 1134 и слѣд. *Фойницкій.* Ученіе о наказаніи 153—162. *Шишкинъ.* О тѣлесныхъ наказаніяхъ. Ж. М. Ю. 1861. *Noelner.* Bemerkungen üb. Strafart d. Körperlichen Züchtigung. Arch. 1843, X, стр. 191—203. *Krausse.* Die Prügelstrafe. Bln. 1899. *Geib.* Lehrbuch des Strafrechts. *Jarke.* Handbuch des deutschen Strafrechts 1830. *Liszt.* Lehrbuch d. deutschen Strafrechts. *Lanjuinais.* La bastonnade et la flagellation pénale 1825. *Pape.* Ulber die Wiedereinführung d. Prügelstrafe 1853. *Schmölder.* Die Körperliche Züchtigung (1891). *Vargha.* Die Abschaffung der Strafknechtschaft. *Wrede.* Die Körperstrafe. 1898. *Hansen.* Stock. u. Peitsche 1899. *Quanter.* Die Lebens u. Leibesstrafen 1901. *Guttzeit.* Ueber Willkür und Rache bei Strafen. 1899. *Ullu.* Die Flagellomanie 1901. *Cooper.* Der Flagellantismus u die Flagellanten, 1899.

[1]) Krause. Die Prügelstrafe, стр. 1—51.

обусловливается массой причинъ, среди которыхъ недостатки тюремнаго заключенія стоятъ далеко не на первомъ мѣстѣ. Но даже, если согласиться со всѣми замѣчаніями о несостоятельности дѣйствующей карательной системы, то все-таки изъ этого еще не будетъ вытекать необходимость примѣненія тѣлесныхъ наказаній. Тюремное заключеніе слѣдуетъ улучшить, устранить его недостатки, замѣнить другими болѣе цѣлесообразными мѣрами, а не тѣлесными наказаніями, которыя постепенно утратили свое мѣсто, именно, потому что были признаны непригодными. Сначала нужно доказать, что тѣлесныя наказанія хороши и полезны сами по себѣ, а затѣмъ уже говорить о замѣнѣ ими тюремнаго заключенія, безъ этого недостатки послѣдняго не могутъ служить доводомъ въ пользу тѣлесныхъ наказаній.

И такъ, несостоятельность дѣйствующей карательной системы не можетъ считаться аргументомъ за тѣлесныя наказанія и вслѣдствіе этого центръ тяжести переносится на вторую группу доводовъ, основанныхъ на полезности тѣлесныхъ наказаній, которые сводятся къ слѣдующимъ: 1) тѣлесныя наказанія не мѣшаютъ работѣ наказаннаго и не наносятъ, такимъ образомъ, имущественнаго ущерба, какъ ему самому, такъ и его семейству; 2) тѣлесныя наказанія дешевы; 3) тѣлесныя наказанія индивидуальны, такъ какъ они всегда могутъ быть сообразованы со сложеніемъ, возрастомъ и здоровьемъ преступника; 4) тѣлесныя наказанія не представляютъ собою проявленія жестокости, они примѣняются напр. въ семьѣ къ дѣтямъ, для ихъ же блага; 5) тѣлесныя наказанія устраняютъ одинъ изъ крупныхъ недостатковъ тюремнаго заключенія, избавляя еще неиспорченныхъ новичковъ арестантовъ отъ знакомства съ закоренѣлыми преступниками; 6) тѣлесныя наказанія причиняютъ скорое и замѣтное зло преступнику и имѣютъ большое устрашительное значеніе; 7) тѣлесныя наказанія являются хорошей карательной мѣрой противъ нѣкоторыхъ грубыхъ, озвѣрѣвшихъ преступниковъ [1]).

---

[1]) Krausse. Die Prügelstrafe, стр. 82—87, 103—104.

Остановившись на ближайшемъ разсмотрѣніи этихъ доводовъ, исчерпывающихъ все, что можно сказать за тѣлесныя наказанія, нельзя не замѣтить, что они не отличаются ни силою, ни убѣдительностью. Такъ, тѣлесныя наказанія, если и не мѣшаютъ работѣ наказаннаго, то только слабыя, не требующія продолжительнаго лѣченія, а такія наказанія имѣютъ очень малое карательное значеніе и не могутъ замѣнить собой тюремнаго заключенія. Дешевизна тѣлесныхъ наказаній безспорна, но она можетъ быть принята во вниманіе лишь при наличности другихъ положительныхъ свойствъ этихъ наказаній, отсутствіе которыхъ совершенно уничтожаетъ значеніе этого преимущества. Въ этомъ отношеніи выгоды тѣлесныхъ наказаній мѣтко очерчиваются Неклюдовымъ, въ его примѣчаніяхъ къ учебнику уголовнаго права Бернера «достоинства ихъ, говоритъ Неклюдовъ, они весьма дешевы— достаточно нѣсколько десятинъ лѣса для того чтобы перепороть всѣхъ гражданъ государства; они всегда подъ рукою— наша прежняя народная юстиція наказывала просто кулаками; легъ,—отсѣкся, всталъ и ушелъ» [1])—значеніе этихъ достоинствъ очень невелико. Индивидуальными тѣлесныя наказанія назвать нельзя, потому что сообразовано съ преступникомъ и преступленіемъ можетъ быть лишь причиненіе боли, число ударовъ, а тѣлесныя наказанія слагаются изъ двухъ элементовъ причиненія боли и опозоренія, и послѣднее не зависитъ отъ силы тѣлеснаго наказанія, «для закоренѣлыхъ преступниковъ, говоритъ проф. Кистяковскій, небольшое число ударовъ (къ которому, по большей части, сводится наказаніе въ настоящее время), лишено... даже физическаго значенія, для случайныхъ правонарушителей они являются... тяжелой безчестящей карой». Возраженіе, что и другія наказанія дѣйствуютъ такъ же, не поправляетъ дѣла, такъ какъ элементъ безчестія, униженія, сильнѣе всего проявляется въ тѣлесныхъ наказаніяхъ, и потому примѣненіе ихъ чувствуется особенно тяжело менѣе испорченными преступни-

[1]) Неклюдовъ о. с. стр. 800—805.

ками [1]). Что касается до сопоставленія тѣлеснаго наказанія съ наказаніемъ дѣтей въ семьѣ, то по мнѣнію даже такого убѣжденнаго сторонника тѣлесныхъ наказаній, какъ Краузе, оно имѣетъ только историческое значеніе. Устраненіе недостатковъ тюремнаго заключенія, какъ уже было сказано, не создаетъ необходимости примѣненія тѣлесныхъ наказаній. Устрашительное значеніе тѣлесныхъ наказаній не подтверждается на практикѣ. Вообще несостоятельность устрашенія преступниковъ жестокостью наказаній достаточно доказывается исторіей наказаній; тѣмъ болѣе трудно было бы достигнуть устрашенія сравнительно слабыми тѣлесными наказаніями, единственно возможными и защищаемыми въ настоящее время. «Если, справедливо замѣчаетъ Н. С. Таганцевъ, поколеблены нынѣ доводы устрашительности смертной казни, то что же сказать объ угрозѣ 10, 20 ударами розогъ? Отмѣна публичнаго исполненія казни была въ этомъ отношеніи послѣднимъ и рѣшительнымъ ударомъ. А такая отмѣна представлялась еще болѣе необходимою, чѣмъ отмѣна публичности смертной казни; эти брызги крови, летящія изъ подъ ударовъ, крики и стоны наказываемыхъ, это торжество животной силы надъ беззащитнымъ, было такою развращающею школой для народа, что можно удивляться, какъ находились еще защитники публичности казни среди людей, повидимому, понимающихъ задачи государственной политики. Могло ли государство, запрещая кулачные бои, публичное жестокое обращеніе съ животными, сохранять публичное истязаніе людей?» [2]). Существованіе исключительныхъ преступниковъ и преступленій тоже не можетъ служить доводомъ за примѣненіе къ нимъ тѣлесныхъ наказаній, разъ вообще не доказаны ихъ пригодность и цѣлесообразность.

Впрочемъ сами сторонники тѣлесныхъ наказаній сознаютъ слабость своихъ теоретическихъ доводовъ и стараются возмѣстить ихъ практическими соображеніями. Краузе прямо

---

[1]) Кистяковскій. Учебникъ, стр. 852.

[2]) Таганцевъ. Русское уголовное Право, т. II стр. 1140.

говоритъ, что имѣютъ значеніе не теоретическіе доводы за тѣлесныя наказанія, а «то обстоятельство, что другія карательныя мѣры недостаточны противъ растущей преступности и необходимо требуется усиленіе наказаній». Выше было уже указано, что это соображеніе не можетъ быть признано аргументомъ за тѣлесныя наказанія (стр. 51).

Важнѣйшіе теоретическіе доводы противъ тѣлесныхъ наказаній, опирающіеся на долгій историческій опытъ и современное правосознаніе, могутъ быть формулированы въ такомъ видѣ: 1) тѣлесныя наказанія въ настоящее время могутъ быть примѣняемы лишь къ преступникамъ изъ низшихъ классовъ населенія, распространеніе ихъ на всѣхъ, при современныхъ условіяхъ общественнаго и государственнаго быта, совершенно немыслимо; примѣненіе же тѣлесныхъ болѣзненныхъ наказаній только къ низшимъ классамъ, по выраженію Кистяковскаго, равносильно оставленію ихъ въ рабскомъ состояніи. Этотъ политическій доводъ былъ выдвинутъ уже Миттермайеромъ, и въ настоящее время является однимъ изъ существеннѣйшихъ доводовъ противъ тѣлесныхъ наказаній. «Едва ли нужно говорить, пишетъ Н. С. Таганцевъ, насколько не соотвѣтствуетъ такое сословное неравенство понятію правосудія. Нужно ли серьезно опровергать, что проѣвшійся и пропившійся потомокъ столбоваго рода, сбирающій по дворамъ подачки, или хотя бы и титулованная, но попавшая въ списки проституированныхъ женщина, тѣмъ не менѣе сохраняютъ болѣе развитое понятіе о личномъ достоинствѣ, чѣмъ всякое лицо податнаго сословія» [1].

2) Тѣлесныя наказанія не соотвѣтствуютъ умственному и нравственному развитію современнаго общества, они являются олицетвореніемъ грубой силы, дѣйствуютъ развращающе и на наказанныхъ и на наказывающихъ, пріучая къ произволу, къ неуваженію къ закону, поддерживаютъ привычку къ кулачной расправѣ; въ исполнителяхъ они нерѣдко возбуждаютъ отвращеніе, желаніе обойти законъ, въ массѣ — ропотъ и недо-

---

[1]) Таганцевъ, Н. С. Русское Угол. право, II, стр. 1139.

вольство. Этотъ доводъ нравственнаго характера въ связи съ первымъ дѣлаетъ уже само по себѣ тѣлесное наказаніе непримѣнимымъ.

3) Сила тѣлеснаго наказанія слишкомъ много зависитъ отъ палача, его умѣнья и честности, на которую едва ли можно разсчитывать. Единственнымъ средствомъ противъ этого было бы введеніе предлагаемыхъ Бентамомъ сѣкущихъ машинъ, но и оно не уничтожаетъ вполнѣ неравномѣрности наказанія, такъ какъ одинъ и тотъ же ударъ совершенно иначе переносится слабымъ или сильнымъ человѣкомъ, взрослымъ или ребенкомъ.

4) Наконецъ, примѣненіе ихъ даже къ несовершеннолѣтнимъ и къ дѣтямъ, не только какъ наказанія по суду, но и въ качествѣ дисциплинарной мѣры, какъ выясняетъ опытъ, также не только безполезно, но и вредно, какъ и для взрослыхъ (Миттермайеръ, Ягеманъ, Нельнеръ). Современный педагогъ имѣетъ болѣе дѣйствительныя средства для воспитанія, чѣмъ розги, и въ настоящее время безъ нихъ легко обходится и учитель и воспитатель.

5) Тѣлесныя наказанія вредны для здоровья, какъ это доказывается случаями изъ дѣйствительной жизни. «Современныя намъ тѣлесныя наказанія могутъ имѣть своимъ послѣдствіемъ тяжкія физическія страданія, болѣзни, обезображиванія и даже смерть», не менѣе опасны они для психическаго здоровья наказанныхъ [1]).

Всѣ доводы, приводимые противъ тѣлесныхъ наказаній, назначаемыхъ по суду, сохраняютъ значеніе и по отношенію къ тѣлеснымъ наказаніямъ, примѣняемымъ въ качествѣ дисциплинарной мѣры гдѣ бы то ни было—въ школѣ или тюрьмѣ, и говорятъ вообще о необходимости уничтоженія тѣлесныхъ наказаній всѣхъ видовъ и формъ.

---

[1]) Жбанковъ и Яковенко. Тѣлесныя наказанія. 1899, стр. 171 и слѣд.

Резюмируя доводы за и противъ тѣлесныхъ наказаній, нельзя не придти къ заключенію, что названныя карательныя мѣры совершенно не удовлетворяютъ требованіямъ, предъявляемымъ къ наказаніямъ въ настоящее время. Наука уголовнаго права признаетъ необходимымъ, чтобы наказанія, примѣняемыя въ современномъ государствѣ по возможности обладали слѣдующими качествами: 1) чтобы они не причиняли излишняго страданія преступнику, 2) не противорѣчили нравственному чувству, 3) дѣлали для преступника возможнымъ по отбытіи наказанія возвращеніе въ общество, 4) наказанія должны быть индивидуальны, сообразоваться съ преступникомъ и преступленіемъ, 5) наказанія должны допускать возможность заглаженія причиненнаго ими вреда въ случаѣ открытія судебной ошибки, 6) наказанія не должны быть излишне дорогими [1]).

Тѣлесныя наказанія не имѣютъ почти ни одного изъ указанныхъ качествъ: они причиняютъ излишнее страданіе, противорѣчатъ нравственному чувству, опозоривая преступника, наносятъ непоправимый вредъ его положенію въ обществѣ; они не индивидуальны, связанный съ ними позоръ затрудняетъ заглаживаніе вреда въ случаѣ судебной ошибки,— въ итогѣ за ними остается одно, въ данныхъ обстоятельствахъ терящее свое значеніе, преимущество—дешевизна.

Сверхъ того, противъ тѣлесныхъ наказаній говоритъ невозможность примѣнять ихъ въ настоящее время ко всѣмъ классамъ населенія и въ то же время неудобство подвергать имъ одни какіе либо классы, нарушая этимъ основное начало равенства всѣхъ передъ закономъ; тѣлесныя наказанія не достигаютъ единственно возможной для нихъ цѣли устрашенія, напротивъ, дѣйствуютъ на наказываемыхъ и наказывающихъ развращающе; сила ихъ зависитъ отъ случайныхъ обстоятельствъ и исполнителей. Наконецъ, исторія тѣлесныхъ наказаній свидѣтельствуетъ о томъ, что они господ-

---

[1]) Н. С. Таганцевъ Русское уголовное право. II, 954 и слѣд.

ствуютъ въ эпохи, отличающіяся малымъ развитіемъ пр
свѣщенія, грубостью нравовъ, попраніемъ правъ личнос
Словомъ, противъ тѣлесныхъ наказаній говорятъ и теоре
ческіе доводы и требованія правового государственнаго стр
Поэтому сторонники тѣлесныхъ наказаній и отстаиваю
ихъ, опираясь, главнымъ образомъ, на традиціонную вѣ
въ силу устрашенія; часто защита тѣлесныхъ наказаній в
текаетъ изъ политическихъ убѣжденій, такъ какъ эти н
казанія въ силу исторически сложившихся обстоятельст
знаменуютъ собою государственный порядокъ, при которо
граждане дѣлились на высшихъ и низшихъ; защищают
тѣлесныя наказанія иногда и изъ приверженности къ д
рому старому времени, въ которомъ они играли такую ві
ную роль. По этимъ причинамъ тѣлесныя наказанія и бы
возстановлены въ Германіи во время торжества реакі
послѣ 1848 г. (см. стр. 41) поэтому же нѣкоторые рѣп
тельные защитники тѣлесныхъ наказаній не настаиваю
даже на ихъ широкомъ примѣненіи, а на томъ только, что
существовало право наказывать тѣлесно, напр. по мнѣн
Миттельштедта не такъ важно, чтобы били, какъ самъ
принципъ, чтобы могли бить, и допустимость тѣлесныхъ н
казаній онъ видитъ въ томъ, что они по завѣтамъ стара
времени употребляются въ школѣ и мастерской, слѣдов
тельно могутъ примѣняться и государствомъ (см. стр. 43)

Вотъ въ общихъ чертахъ основанія, служащія аргуме
тами за или противъ тѣлесныхъ наказаній, которые въ дос
точной степени могутъ объяснить отмѣченный выше фак
вполнѣ отрицательнаго отношенія къ тѣлеснымъ наказаніям
безспорно преобладающаго какъ среди спеціалистовъ, та
и въ обществѣ.

сторія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи.

ГЛАВА I.

Періодъ развитія и господства тѣлесныхъ наказаній.

I.

Тѣлесныя наказанія въ русскомъ правѣ нѣсколько столѣтій были центромъ системы, на которомъ зиждилась мощь уголовной юстиціи, охрана порядка и государственнаго благосостоянія. Никто не избавлялся отъ нихъ, они грозили въ столькихъ случаяхъ и по такимъ разнообразнымъ поводамъ, что мудрено было прожить въ Московскомъ государствѣ, не испытавъ въ какой либо формѣ тѣлеснаго наказанія. Были они распространены и въ западно-европейскомъ правѣ, но тамъ примѣненіе ихъ не допускалось для высшихъ сословій, они не были всеобъемлющими; отличалось западно-европейское право отъ русскаго, пожалуй, и большею изысканностью въ жестокости членовредительныхъ нанаказаній: тамъ отсѣкалось у виновныхъ все, что можно было отсѣчь; членовредительныя наказанія могли оставить преступнику почти одно обезображенное туловище, обреченное на мучительную агонію. Въ русскомъ правѣ наказанія были жестоки, почти равнялись смертной казни, но въ то же время очень просты, выражались 2—3 словами: бить кнутомъ нещадно—вотъ формула, могущая стоить жизни преступнику; на западѣ приговоры подробно и велерѣчиво описывали предстоящія мученія. Не было въ Россіи и особенныхъ церемоній при выполненіи наказаній; обстановка, заимствованная

съ запада, появилась лишь впослѣдствіи, когда рядомъ с устрашеніемъ поставлено было и опозореніе наказаннаго, д этого тѣлесное наказаніе было обыденнымъ дѣломъ, не тр бовавшимъ никакихъ особенныхъ подчеркиваній. Считалос достаточнымъ, что его совершали всенародно, на поучені и примѣръ другимъ, а въ менѣе важныхъ случаяхъ эта сто рона совершенно игнорировалась. И эта простота, это ра нодушно-спокойное отношеніе къ тѣлеснымъ наказаніям быть можетъ, не мало послужили ихъ распространенію сохраненію въ широкихъ предѣлахъ на долгое время, дѣ лали ихъ какъ бы незамѣтными, тогда какъ на западѣ н нихъ уже направлялись непрерывные удары критическо оцѣнки литературы и общественнаго мнѣнія.

Наибольшаго значенія тѣлесныя наказанія достигли в Россіи въ XVII и XVIII вѣкахъ, затѣмъ, постепенно сокра щаясь и исчезая, они дожили до нашихъ дней. Эпоху су ществованія ихъ, до настоящаго времени можно раздѣлить н 2 періода не одинаковой продолжительности: на время их развитія и процвѣтанія и постепеннаго исчезновенія, вымиранія Этимъ естественнымъ дѣленіемъ исторіи тѣлесныхъ наказаній я воспользуюсь въ интересахъ удобства изложенія. Первы періодъ развитія и процвѣтанія тѣлесныхъ наказаній про стирается, приблизительно, до половины XVIII стол., второ съ половины XVIII стол. до настоящаго времени. Но, уста навливая названные періоды, считая первый закончившимс въ царствованіе Елизаветы, второй продолжающимся и тепер я не имѣю въ виду разграничить ихъ какими либо точным датами. Между періодами процвѣтанія и вымиранія нѣтъ рѣз кихъ переходовъ: каждая послѣдующая эпоха тѣсно связан съ предыдущей; явленія, относящіяся по своему характер ко второму періоду, встрѣчаются уже до окончанія перваго и многія особенности и условія, въ которыхъ находились тѣ лесныя наказанія въ первомъ періодѣ, сохраняются и в времена ихъ вымиранія. Рѣшающее значеніе для принято мною періодизаціи имѣетъ преобладающій общій характер эпохи.

Настоящая глава будетъ занята исторіей тѣлесныхъ наазаній во время ихъ процвѣтанія, до царствованія Екатеины II, когда ясно обозначилось движеніе въ законодательтвѣ и обществѣ противъ тѣлесныхъ наказаній, вторая глава — сторіей тѣлесныхъ наказаній въ періодъ ихъ вымиранія до ослѣдняго времени.

II.

Время появленія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи, какъ въ западной Европѣ, нельзя ни опредѣлить съ удовлетвоительною точностью, ни пріурочить ихъ происхожденіе къ акой либо позднѣйшей эпохѣ, какъ это предлагается въ усской литературѣ, въ которой время появленія тѣлесныхъ аказаній связывается съ татарскимъ игомъ. «Славяно-руссы о порабощенія монголами, говоритъ проф. Максимовичъ, мѣли рѣшительное отвращеніе отъ всякаго тѣлеснаго наканія. До татарскаго періода въ этомъ отношеніи не имѣли ліянія на наше законодательство даже греко-римскіе заоны... причина (появленія тѣлесныхъ наказаній) заклюается въ чашѣ гнѣва Божія, излитой въ XIII вѣкѣ... одимъ изъ слѣдствій ига было ожесточеніе сердецъ и нравгвенное униженіе народа... При такомъ состояніи... тѣлесныя аказанія начали переходить въ свѣтское законодательство. лучаи употребленія ихъ были указываемы греко-римскими аконами» [1]). По мнѣнію проф. Леонтовича причина страшой жестокости наказаній позднѣйшаго періода заключается ъ томъ, что «монгольскіе баскаки и прочіе давители слишомъ долго практиковали надъ данниками свою національую систему страшныхъ казней, пытокъ и правежей, чтобы на не могла привиться къ русскимъ обычаямъ. Московскіе нязья могли лишь санкціонировать въ своихъ судебникахъ грамотахъ то, что издавна практиковалось въ жизни» [2]).

[1]) *Максимовичъ.* Рѣчь объ уголовномъ наказаніи въ Россіи. Кіевъ, 353, стр. 94.

[2]) *Леонтовичъ.* Къ исторіи права русскихъ инородцевъ, Одесса, 1879, :р. 271.

Такой взглядъ поддерживается и другими писателями, напр. проф. Владимірскимъ-Будановымъ, Карамзинымъ, Тобинымъ и проф. Фойницкимъ, противъ него высказались извѣстный историкъ С. М. Соловьевъ, проф. П. Д. Калмыковъ, Н. Д. Сергѣевскій и Н. С. Таганцевъ [1]), отстаивающіе мысль, что тѣлесныя наказанія существовали и до татаръ; это положеніе представится вполнѣ вѣроятнымъ, если обратиться къ разсмотрѣнію условій русской жизни до татарскаго нашествія. Мы разсмотрѣли факторы, при содѣйствіи которыхъ тѣлесныя наказанія развивались естественнымъ путемъ на западѣ; они заключались, главнымъ образомъ, въ существованіи рабства, въ укрѣпленіи государственной власти, исчезновеніи мести, неудовлетворительности системы выкуповъ и малокультурности общества. Въ подобныхъ же условіяхъ находилась и Россія въ XI и XII вѣкахъ: княжеская власть рано достигла въ ней значительной силы; князья отправляли правосудіе, по свидѣтельству арабскаго путешественника Ибнъ Вакшіа (930 г.) они могли казнить разбойниковъ [2]); такія же извѣстія сохранились и въ лѣтописи объ эпохѣ Владиміра Св. Въ *Русской* Правдѣ упоминается на ряду съ выкупами и личное наказаніе — потокъ, назначавшійся за важнѣйшія преступленія и выражавшійся въ самыхъ различныхъ формахъ: въ изгнаніи, заточеніи, въ преданіи смерти. Что власть князя была достаточно велика въ XII вѣкѣ доказывается поученіемъ Владиміра Моно-

---

[1]) Мнѣніе Максимовича поддерживаютъ:
Тобинъ. (Ж. М. Н. Пр. 1847, 6, стр. 180).
Фойницкій, И. Ученіе о наказаніи, стр. 155—162.
Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго. V, IV, стр. 217.
Будановъ. Обзоръ исторіи русскаго права. Кіевъ, 1886 г., стр. 82.
Contra: Соловьевъ. Исторія Т. IV, стр. 373.
Сергѣевскій. Русское уголовное право, стр. 141.
Таганцевъ. Русское уголовное право, II, стр. 1106.
Калмыковъ. Учебникъ уголовнаго права, 1866 г. стр. 236.
[2]) *Макушевъ.* Сказаніе иностранцевъ о Россіи. Спб. 1860 г., стр. 162.
Сергѣевичъ, В. Исторія русскаго права. Спб. 1887, стр. 663.
Хлѣбниковъ. Общество и государство въ до Монгольскій періодъ. М. 1872, стр. 119.

маха, совѣтовавшаго своимъ дѣтямъ никого не убивать и не приказывать убивать. Духовенство, проникнутое греко-римскими воззрѣніями на наказаніе, вліяло на измѣненіе прежнихъ порядковъ, какъ и на западѣ,—перенесеніемъ на русскую почву византійскихъ правовыхъ началъ въ номоканонахъ, которыми духовенство пользовалось въ своихъ судахъ; компетенція послѣднихъ была весьма обширная и распространялась какъ на духовныхъ, такъ и на свѣтскихъ лицъ [1]). До нашего времени между прочимъ дошелъ отрывокъ суднаго закона, въ которомъ за многія преступленія назначались тѣлесныя наказанія [2]). «Источники византійскаго права, замѣчаетъ проф. Шпилевскій, заговорили о новыхъ преступленіяхъ, указывали на новые виды наказаній»; значеніе византизма побудило даже Калачова [3]) къ утвержденію, что сравнительно съ нимъ татарское иго было второстепеннымъ условіемъ, что несомнѣнно преувеличено.

Существовало въ это время и рабство, и къ рабамъ примѣнялись тѣлесныя наказанія по усмотрѣнію хозяина, законъ въ это не вмѣшивался, такъ какъ холопы были собственностью: за убійство ихъ не платилось виры «а въ холопѣ и рабѣ

---

[1]) *Загоскинъ.* Исторія права Московскаго Государства. I, Казань. 1877, стр. 87, 113, 116, 216—229. *Калачовъ.* О значеніи кормчей книги въ системѣ древне-русскаго права. М. 1850, стр. 14. Дополненіе къ актамъ историческ. Т. I, стр. 4. *Будановъ.* Хрестоматія. Т. I, стр. 212—216, 226—231, 246.

[2]) Въ своемъ обиходѣ духовныя лица расправлялись иногда очень жестоко: напр. Новгородскій епископъ Лука Жидята (XI в.) приказалъ отрѣзать ложно обвинившему его холопу обѣ руки и носъ, въ XII в. на византійскій манеръ наказывалъ подчиненныхъ Владимірскій епископъ Ѳеодорецъ. Конечно, это были исключительныя случаи произвольной расправы, свидѣтельствующія, однако, о большей грубости нравовъ. Русскія достопамятности. Г. II, стр. 25. М. 1843 г. *Богдановскій.* Развитіе понятія о преступленіи и наказаніи. М. 1857, стр. 63. *Карамзинъ.* Т. II, пр 144. Полное собраніе лѣтописей, Т. VII, Воскресенскій списокъ, стр. 85.

[3]) *Шпилевскій.* Объ источникахъ русскаго права. Записки Казанскаго университета. 1862, стр. 272—294. *Калачовъ.* Дополненія къ Деппу. Архивъ III. 1861 г., отд. IV, стр. 15.

виры нѣтуть» [1]), вопросъ о правѣ могъ возникать только, когда холопъ сталкивался съ постороннимъ: если холопъ, ударивъ свободнаго человѣка, бѣжитъ къ своему господину, а тотъ не выдастъ его, то платитъ 12 гривенъ, оскорбленный же могъ убить холопа, гдѣ его застигнетъ, не платя вознагражденія. Это право мести при сыновьяхъ Ярослава было замѣнено правомъ наказать холопа тѣлесно, причемъ указывался и самый способъ: бить слѣдовало «развязавши».

Вотъ подлинный текстъ русской правды: «аже холопъ ударить свободна мужа, а убѣжить въ хоромъ, а господинъ его не выдасть, то платити зань господину 12 гривенъ, а затѣмъ аче и кдѣ налѣзеть удареныйтъ своего истьця, кто его ударилъ, то Ярославъ былъ уставилъ убити и; но сынове его по отци уставиша на куны, любо бити и розвязавше. любо ли взяти гривна кунъ за соромъ» [2]).

Тѣлесныя наказанія допускались и для временно несвободныхъ закуповъ, которыхъ хозяинъ имѣлъ право бить за дѣло, не въ пьяномъ видѣ [3]); «аще ли господинъ бьетъ закупа про дѣло, говорится въ Русской Правдѣ, то безъ вины есть; бьетъ ли не смысля, пьянъ, а безъ вины, то якоже свободному платити, тако и въ закупѣ».

Въ Русской Правдѣ говорится и о кнутѣ, въ ней есть статья («а у колокольницы бьютъ кнутомъ а за ту муку 80 гривенъ»), правда, невполнѣ для насъ понятная, но изъ которой можно заключить, что запрещалось подъ угрозой наивысшаго выкупа въ 80 гривенъ — битье кнутомъ, какъ самовольная «мука», а это наводитъ на мысль о возможности такого битья на правомѣрныхъ основаніяхъ [4]).

---

[1]) *Сергѣевичъ*, *В.* о. с. стр. 686.

[2]) *Калачовъ*. Текстъ русской правды. Москва. 1847 стр., 13—14.

[3]) Русская правда. Карамзинскій списокъ, ст. 73. *Владимірскій-Будановъ*. Хрестоматія. В. I. 1889. Русская правда. Академическій списокъ, ст. 16, 28. *Калачовъ*, о. с., стр. 13, 33.

[4]) Русская Правда. Карамз. списокъ, ст. 135. Ib. Академич. списокъ, 5. *Будановъ*, о. с. стр. 82. *Карамзинъ*. Исторія. Т. V, гл. IV, стр. 217. *Соловьевъ*, о. с. Т. IV, изд. 2-е, стр. 373. Т. I, стр. 241.

Самое наказаніе рисовалось въ тѣ эпохи не иначе какъ въ формѣ матеріальныхъ страданій, напр. въ 1093 г. лѣтописецъ отмѣчаетъ по поводу нашествія половцевъ «се бо на ны Богъ попусти поганыхъ, не яко милуя ихъ, но насъ кажа... симъ казнитъ нахожденіемъ поганыхъ се бо есть батогъ его».

Развитіе тѣлесныхъ наказаній безъ татарскаго ига представляетъ Литовская Русь, сравнительно мало пострадавшая отъ него; между тѣмъ Литовскій статутъ (XVI стол.) знаетъ какъ членовредительныя наказанія: отсѣченіе руки, уха, носа, ушей и губъ, таліонъ при тѣлесныхъ поврежденіяхъ, такъ и публичное наказаніе розгами (съ исключеніемъ высшихъсословій [1]).

Т. III, изд. 4 стр. 141. О самовольной мукѣ, безъ княжа слова, смерда или огнищанина говорится и въ другихъ мѣстахъ русской правды: «Аже смердъ мучитъ смерда безъ княжа слова, то 3 гривны продажи, а за муку гривна кунъ".

„Аще огнищанина мучитъ, то 12 гривенъ продажи, а за муку гривна кунъ". *Калачовъ.* Текстъ русской правды, стр. 4, 15, 35.

[1]) *Карамзинъ.* IX, стр. 97. Въ XVI в. въ западной Россіи въ постановленіяхъ Литовскаго статута (Статутъ велик. Княжества Литовскаго, Спб. 1811. Демченко. Наказаніе по Литовскому статуту, стр. 201—209) разныхъ редакцій членовредительныя наказанія встрѣчаются довольно часто. Во-1-хъ, тамъ проводится идея таліонапри тѣлесныхъ поврежденіяхъ (I, XXVII), введеннаго въ него закономъ Моисеевымъ „слѣдуя закону Божьему". Впрочемъ за неумышленное убійство, напр. въ дракѣ, виновный подлежалъ только штрафу. (IV, XXVII 8). Затѣмъ статутъ знаетъ отсѣченіе руки, назначаемое за обнаженіе оружія на судѣ (Art, LVII, 1), поднятіе слугой оружія на господина (Art. II, XI, 9). За покушеніе на убійство дворянину отсѣкалась рука, если онъ покушался на дворянина, за простого только платился штрафъ; если простолюдинъ покусился на дворянина—смерть, за простолюдина терялъ руку (Art, II, XI, 16, XXXIX, 3). Тоже за побои, нанесенные дворянину (Art. II. XLIX, 1). За первую кражу во дворцѣ полагалось отрѣзать ухо (Art. XIV, XXII, 1); за сводничество вдовъ и дѣвицъ—урѣзаніе носа, ушей, губъ и изгнаніе изъ города, за повтореніе—смертная казнь (Art. XIV, XXXI. 1, 2). По Литовскому статуту также были извѣстны тѣлесныя болѣзненныя наказанія, но тамъ, во-1-хъ, не употреблялся кнутъ, а во 2-хъ, шляхта, свободная политически, не допускала примѣненія къ себѣ такого унизительнаго наказанія, какъ болѣзненныя. О тѣлесныхъ наказаніяхъ говорится въ III Art. XXII; XII Art. XXIV, 6; XIV Art. VII с. XIV Art. XXVI, 4. XIV, XXVI, 6; XIV, X, 1; XIV, XI. 1; III, XXXII, 3; XII, XXIII, 1; XII, XXII, 3; II, LVI и др.

Скудость лѣтописныхъ извѣстій о карательной дѣятельности князей не можетъ быть признана доказывающей отсутствіе другихъ наказаній, кромѣ выкуповъ, которые въ такомъ случаѣ оказались бы почти внезапно исчезнувшими изъ русскаго права, безъ переходной эпохи къ личнымъ наказаніямъ. Лѣтопись отмѣчала только выдающіеся любопытные факты, а не такія мелкія событія повседневной жизни, какъ примѣненіе того или другого наказанія, мало интересовавшее лѣтописца. Конечно въ эпоху выкуповъ, какъ и повсюду, тѣлесныя наказанія считались позорными, свойственными рабамъ, и примѣненіе ихъ къ свободному и вліятельному населенію, вѣроятно, не допускалось. Тѣлесныя наказанія не были еще тогда нормальной общей карой, неудивительно поэтому, что Новгородцы при заключеніи договора съ Любекомъ отказались наказывать за воровство розгами и клейменіемъ и замѣнили ихъ выкупомъ [1]).

Соображая сказанное, можно принять въ окончательномъ выводѣ, что тѣлесныя наказанія существовали въ Россіи и до татаръ, но область примѣненія ихъ была не велика, такъ какъ въ то время господствовала еще система выкуповъ; несомнѣнно, что они примѣнялись къ холопамъ и закупамъ и, вѣроятно, къ низшимъ классамъ населенія. Защитники противоположнаго воззрѣнія указываютъ на отвращеніе славянъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ, но мы видѣли, что это общая черта, свойственная народамъ въ опредѣленномъ фазисѣ развитія; о томъ, что нерасположеніе къ тѣлеснымъ наказаніямъ не равносильно ихъ непримѣненію свидѣтельствуютъ сборники варварскихъ законовъ. Второй доводъ, присоединяемый къ первому—это жестокость монгольскихъ правителей (проф. Леонтовичъ) и униженіе и раззореніе Россіи татарскимъ завоеваніемъ. Этотъ доводъ нельзя не признать существеннымъ: завоеватели Россіи были дикимъ, жестокимъ народомъ, деспотически управляемымъ ханами и знатью, тѣлесныя наказанія считались у нихъ обычными: въ ордѣ наказаніе пал-

---

[1]) *Максимовичъ.* о. с. Кіевъ. 1853, стр. 93.

жами, назначаемое по усмотрѣнію знатныхъ, было въ большомъ ходу, кромѣ того существовали жестокія смертныя казни и пытки. Марко Поло сообщаетъ, что наказанія палками нерѣдко доходили до забиванія на смерть. Тѣлесныя наказанія по словамъ Плано-Карпини до 100 ударовъ выполнялись ударами большой палкой по спинѣ, всякое оскорбленіе и неисполненіе воли начальства каралось тѣлесно. Асцелинъ, посѣтившій орду, какъ Плано-Карпини въ XIII в., передаетъ объ обычной казни—сдираніи кожи [1]).

Но значеніе ига въ исторіи тѣлесныхъ наказаній заключается не въ жестокостяхъ татаръ у себя дома, такъ какъ, завоевавъ Россію, ханы оставили за ней самоуправленіе и ограничились только требованіемъ дани. Особенно тяжело было иго первые 20 лѣтъ, съ хана Берке (1262 г.) почувствовалось облегченіе. Въ XIII вѣкѣ, по свидѣтельству Соловьева, на сѣверѣ не было уже постоянныхъ ханскихъ чиновниковъ, баскаковъ; о нихъ упоминается только въ Курской области подъ 1284 г. «Съ удаленіемъ баскаковъ, говоритъ названный историкъ, численниковъ и сборщиковъ князья совершенно освобождались отъ татарскаго вліянія на внутреннія распоряженія, но и во время присутствія ихъ... вліянія на внутреннее управленіе не видно». Оставались лишь очень тяжелыя, правда, но временныя посѣщенія русскихъ земель ханскими чиновниками, сопровождавшіяся грабежами и убійствами [2]). Слѣдовательно, если-бы въ Россіи не нашлось подходящей почвы для развитія тѣлесныхъ наказаній, то вліяніе татаръ и ограничилось бы учиненными ими раззореніемъ и неистовствами, за этими предѣлами сохранились бы старые

---

[1]) *Березинъ, И.* Очеркъ внутренняго устройства орды. Спб. 1863, стр. 67.

Марко-Поло. Описаніе путешествія въ татарію. Спб. 1863, стр. 67.

Путешествіе къ татарамъ Спб. 1825 г.

Путешествіе Плано-Карпини, стр. 111, 116.

Путешествіе Асцелина, 235.

[2]) *Соловьевъ.* Т. IV, стр. 193—194.

Полное Собраніе Лѣтописей. Т. IV, стр. 39, 49, 50 и слѣд.

порядки; но значеніе татарскаго ига и громадно въ томъ отношеніи, что оно содѣйствовало развитію факторовъ, обусловившихъ пышный расцвѣтъ тѣлесныхъ наказаній, образцы которыхъ давала татарская юстиція, оно было содѣйствующей силой для развитія тѣлесныхъ наказаній, но не было ихъ единственнымъ источникомъ и причиной ихъ появленія въ Россіи. Татары безпощадно раззорили край, наиболѣе богатое и вліятельное населеніе, изъ котораго составлялись вѣча и на которое опирались различныя партіи, которое могло имѣть свое мнѣніе и заставить прислушаться къ нему князей,— было истреблено или лишено всего имущества, изъ свободныхъ русскіе сдѣлались рабами татаръ, обязанными данью. Князья оказались намѣстниками могущественныхъ государей, власть ихъ зависѣла отъ хана, противиться которому не могла ни одна русская волость. Въ свою очередь высшій служилый классъ, въ виду полной потери значенія народныхъ массъ, сталъ въ зависимость отъ власти князя, что еще болѣе усилило послѣднюю: въ поддержаніи ея былъ и личный интересъ бояръ, имѣвшихъ кормленія, и не всегда пользовавшихся расположеніемъ подчиненнаго имъ населенія, которое нерѣдко возмущалось противъ бояръ-намѣстниковъ (напр. въ 1304 г. въ Костромѣ побили бояръ, въ 1305 г.—въ Новгородѣ). Результатомъ такого положенія вещей было то, что князья могли наслѣдовать ханскія права со сборомъ дани включительно, и подъ вліяніемъ татарскаго ига начался быстрый процессъ закрѣпощенія всѣхъ классовъ населенія, рука объ руку съ которымъ развивались и тѣлесныя наказанія.

III.

Итакъ, слѣдуетъ признать, что тѣлесныя наказанія существовали въ Россіи до татаръ, и что татарское иго было лишь однимъ изъ условій, при наличности которыхъ тѣлесныя наказанія скоро пріобрѣли въ Россіи очень большое значеніе. Выше было сказано, что развитіе и распространеніе тѣлесныхъ наказаній находится въ зависимости отъ мно-

гихъ условій, среди которыхъ важнѣйшими являются приниженное положеніе личности въ государствѣ, существованіе класса несвободныхъ, грубость нравовъ и цѣли, преслѣдуемыя наказаніемъ (главнымъ образомъ, устрашеніе и возмездіе). Обратимся теперь къ разсмотрѣнію, насколько эти условія осуществлялись въ Россіи въ періодъ быстраго и изумительнаго роста тѣлесныхъ наказаній и дѣлали его вполнѣ понятнымъ и неизбѣжнымъ, были какъ бы воздухомъ, въ которомъ могли крѣпнуть и развиваться тѣлесныя наказанія.

Благодаря татарскому игу въ положеніи князей, какъ сказано, произошелъ крупный переворотъ, кореннымъ образомъ измѣнившій положеніе княжеской власти, получившей неслыханное дотолѣ значеніе. «Въ частномъ быту, говоритъ Н. И. Костомаровъ, хозяинъ по отношенію къ невольному человѣку назывался государемъ, тотъ его холопомъ, тоже сдѣлалось и въ государствѣ: великій князь, называвшійся прежде господиномъ, сталъ называться государемъ, а его служилые люди—холопами». Сила великаго князя Московскаго отразилась и на наказаніи имъ враговъ, принадлежавшихъ къ противнымъ Москвѣ партіямъ, сдѣлавшихся какъ бы государственными преступниками: въ 1393 г. въ Торжкѣ убили сторонника Москвы, нѣкоего Максима, и великій князь «разгнѣвался зѣло... повелѣ привести къ себѣ убійцъ (70 человѣкъ) и... ихъ казни многими казньми». Бракъ Іоанна III съ Софіей Палеологъ придалъ, какъ указываетъ Карамзинъ, особый блескъ и величіе престолу Московскаго князя; окончательное сверженіе татарскаго ига еще болѣе усилило его власть и значеніе [1]). Въ XVI в. если власть московскихъ князей относительно уклада государственной жизни и не была такъ значительна, то по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ она была такъ велика, что казалась иностранцамъ тираніей. «Москвитяне, утверждаетъ папскій

[1]) *Костомаровъ, Н.* Начало единодержавія въ древней Руси. стр. 77, 105 Полн. Собр. лѣтописей. т. VII и VIII. Продолженіе лѣтописи по Воскресенскому списку, годъ 6901. *Карамзинъ.* Т. V, стр. 50. *Дьяконовъ, М.* Власть Московскихъ государей. Спб. 1889. стр. 65 и слѣд.

посолъ Фульвій Руджіери (1568 г.) вполнѣ подчинены своему князю, жестоко казнящему ослушниковъ своей воли и поддерживающему повиновеніе силой и страхомъ (e si mantiene l'obedienza con la forza e col timore)». То же, еще въ болѣе рѣзкой формѣ, повторяетъ посланникъ императора Максимиліана II, Пернстейнъ (1575 г.). Іоаннъ Грозный открыто заявлялъ, что онъ имѣетъ неограниченное право казнить и жаловать своихъ слугъ, не давая отчета никому, кромѣ Бога, и понятіе о правосудіи во времена Грознаго было очень относительнымъ: «какъ угодно государю, такъ и рѣшаетъ судъ, сообщаетъ Барберини, оттого часто бываетъ, что одинъ за бездѣлицу отдается на съѣденіе медвѣдямъ, другой хотя въ чемъ большемъ провинится, о томъ даже и не разговариваютъ» [1]). Въ домостроѣ Сильвестра царскій гнѣвъ и опала считались наравнѣ съ другими стихійными бѣдствіями знаками гнѣва Божья, сопротивляться которому безполезно, можно только молиться [2]). Смутное время не поколебало основъ, на которыхъ держалась верховная власть, къ концу XVII в. она пользовалась такой же силой и авторитетомъ, какъ и въ XVI в. До 1680 г. въ челобитныхъ сохранялась фраза: «чтобы государь пожаловалъ, умилосердился, какъ Богъ». Раболѣпство въ восточномъ вкусѣ поражало иностранцевъ: «самые турки, пишетъ Корбъ, не изъявляютъ съ болѣе отвратительной покорностью своего приниженія передъ скипетромъ султановъ» [3]).

---

[1]) *Карамзинъ*, т. VII, стр. 121. *Герберштейнъ*. Записки о Московіи (съ изд. 1556 г.). Спб. 1866, стр. 28. Извлеченіе изъ донесенія Ф. Руджіери, бывшаго папскимъ нунціемъ при Королѣ Польскомъ. Historica Russiae Monumenta. I. Спб. 1841, стр. 209. Сказаніе о Россіи. Ib. стр. 225. *Дьяконовъ*: о. с. стр. 139.

[2]) Домострой. XVIII, стр. 39. Сказанія стр. 20. Monumenta' Т. II. Начертанія неизвѣстнаго.

[3]) *Корбъ*. Дневникъ поѣздки въ Московское государство Игнатія Христофора Гваріента, веденный секретаремъ посольства Георгіемъ Корбомъ. Чтенія Москов. Импер. Истор. Об—ва, 1867 г. іюль—сентябрь, стр. 278. *Соловьевъ*. т. XIII, стр. 341.

Вліяніе византійскихъ возрѣній не уменьшалось, а постепенно увеличивалось и послѣ татарскаго ига: татары не умалили значенія духовенства, напротивъ поддерживали его, увеличивали его привилегіи, напр. митрополитъ Петръ получилъ отъ хана Узбека ярлыкъ, въ которомъ митрополиту предоставлялось управлять своими людьми и судить ихъ во всѣхъ дѣлахъ, не исключая уголовныхъ, всѣ церковные люди должны были повиноваться ему. Усиленіе церковнаго вліянія сказалось въ XV вѣкѣ и на характерѣ борьбы съ ересями. Въ 1416 г. митрополитъ Фотій писалъ о еретикахъ: «отжените ихъ отъ своея православныя вѣры... прочее же по лукавствію ихъ сотворитъ Господь, якоже самъ вѣсть», черезъ 60 лѣтъ, въ 1490 г. мы находимъ другой образъ дѣйствія въ дѣлѣ о ереси жидовствующихъ: Новгородскій архіепископъ Геннадій пишетъ митрополиту, что, согласно его совѣту, всѣхъ нераскаянныхъ жидовствующихъ передалъ княжескому намѣстнику Юрію Захарьевичу, который велѣлъ ихъ «казнить градскою казнью по указу великаго князя, какъ написано въ царскихъ правилахъ» [1]; здѣсь уже представители церкви пользуются полнымъ содѣйствіемъ свѣтской власти и наказываютъ еретиковъ такъ, какъ это предписывается царскими византійскими законами. Въ XVII в. вліяніе духовенства еще возвысилось, особенно въ первой половинѣ, когда патріархъ былъ соправителемъ царя. Котошихинъ говоритъ, что «патріархи, митрополиты, архіепископы, епископы и монастыри вѣдаютъ своихъ подданныхъ крестьянъ противъ того жъ какъ вѣдаютъ по царскому дому его крестьянъ, во всякихъ дѣлахъ и податяхъ, кромѣ разбойныхъ и иныхъ великихъ уголовныхъ дѣлъ». Кромѣ того, тѣ же духовныя власти пользовались довольно обширной юрисдикціей какъ въ дѣлахъ подвѣдомственнаго имъ духовенства, такъ и въ нѣкоторыхъ, переданныхъ духовному суду дѣлахъ и преступленіяхъ свѣтскихъ лицъ, напр. сюда относились пре-

---

[1]) *Соловьевъ*, т. VI, стр. 300. Акты историческіе, т. I, № 21, 34, 380. *Загоскинъ*, о. с. стр. 21, [illegible]

ступленія противъ нравственности, въ приговорахъ о которыхъ выписывались градскіе законы. Такъ въ 1689 г. въ дѣлѣ о растлѣніи нищей дѣвки Өеклицы выписаны для свѣдѣнія соотвѣтствующія статьи «изъ правилъ св. апостоловъ и царскихъ книгъ и закона градскаго». Но не только въ духовныхъ судахъ упоминаются и примѣняются византійскіе законы, воздѣйствіе ихъ замѣтно и на свѣтскомъ законодательствѣ; оно было значительно въ Уложеніи 1649 г. Въ новоуказанныхъ статьяхъ 1669 г. дѣлаются ссылки на градскіе законы, по нимъ измѣняется напр. понятіе о свидѣтеляхъ, о повальномъ обыскѣ. «Борьба (съ началами русскаго права) была не безуспѣшна для византизма», замѣчаетъ проф. Загоскинъ. Въ грамотахъ 2 половины XVII в. часто встрѣчаются ссылки на градскіе законы даже не въ важныхъ или не касающихся церкви дѣлахъ, напр. въ грамотѣ губному старостѣ Переяславля Рязанскаго въ 1669 г. о кражѣ жеребенка предписывается учинить указъ «по нашему государя указу и по Уложенію и по градскимъ законамъ» [1]), тоже повторяется въ грамотѣ воеводѣ Переяславля Рязан. въ 1690 г. по дѣлу о покраденномъ имуществѣ.

Само духовенство, согласно съ началами греко-римскаго права и практикой русскихъ судовъ и властей, широко употребляло въ своей средѣ тѣлесныя наказанія. Наказанія эти за важные проступки по суду или въ дисциплинарномъ порядкѣ были очень часты, и иногда очень жестоки, такъ напр. Коломенскій архіепископъ Іосифъ наказывалъ своихъ подчиненныхъ шелепами, плетьми, держалъ на цѣпи; поповъ били плетьми нагихъ, и самъ архіепископъ приговаривалъ

[1]) *Котошихинъ*. О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, изд. 2. Спб. 1859. глава XI. *Калачовъ*. О значеніи кормчей, стр. 10. Акты Холмогорско-Устюжской епархіи XCIX. 1689. января 30—іюля. 11. Рус. истор. Библіотека, т. XII, стр. 948, 953—954. *П. С. З.* (Полное Собраніе Законовъ Россійской имперіи) 441. Новоуказныя статьи. 1669 г. 28, 34. *Загоскинъ*, о. с. стр. 129. Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи 1, стр. 288—89. Царская грамота. 1669, окт. 15.

«бей гораздо, мертвые наши». До какихъ предѣловъ могли доходить битье и истязаніе въ монастыряхъ показываетъ любопытное письмо архіепископа Сибирскаго и Тобольскаго Нектарія къ покровителю его при дворѣ Михаила Өеодоровича, въ которомъ съ умиленіемъ говорится объ истязаніяхъ, понесенныхъ имъ отъ настоятеля Ниловой пустыни во спасеніе его грѣшной души: «... всего было 1430 боевъ въ 2 года... училъ клюкою и остномъ, прободалъ и мелномъ, коимъ въ жерновѣ мелютъ муку, и пестомъ и кочергой и поварнями и рогатками (что растворъ на хлѣба бьютъ)... и не только древомъ, но и желѣзомъ, за власы рваніемъ и кирпичемъ—всѣмъ душу спасалъ». Жестоко обращались духовныя власти съ подчиненными и въ XVIII столѣтіи. Въ 1753 г. московскій архіерей Платонъ писалъ, что настоятели жестоко поступаютъ съ монахами, какъ злодѣевъ бьютъ, обнажа передъ мірскими людьми,—и запретилъ наказывать тѣлесно безъ согласія всей братіи или главныхъ изъ нея [1]).

Татарское иго отразилось и на внутреннемъ состояніи русскаго общества, на его культурѣ.

До татарскаго нашествія Россія развивалась, какъ и другія страны. Родовые порядки и родовая юстиція смѣнялись въ ней государственными началами, складывалась верховная власть, исчезло право мести, на ряду съ выкупами появлялись государственныя наказанія; свободное населеніе сохраняло еще въ значительной мѣрѣ свою силу и значеніе; нравы и обычаи были не мягче и не жесточе, чѣмъ бываютъ въ переходныя эпохи вообще. Владычество татаръ гибельно отразилось на народной нравственности, выше мы указали послѣдствія ига для экономическаго и политическаго быта Россіи. Понятно, что въ такой обстановкѣ, когда ханское управленіе стало давать тонъ, нравы грубѣли.

---

[1]) *Соловьевъ*, т. XIII, стр. 145, XXIII, 250. Примѣненіе наказаній въ средѣ духовенства Бѣлгородской епархіи въ XVIII вѣкѣ проф. *А. Лебедева*. Русская Старина. 1892. т. 73, стр. 313—314.

Князья боролись за свои волости, не разбирая средствъ, «проклятыя» грамоты стоили не больше всякихъ другихъ; образованіе, только начавшее распространяться съ принятіемъ христіанства, оказалось въ крайне тяжелыхъ условіяхъ: сношенія съ образованными народами были почти прерваны, собственныя средства были слишкомъ ничтожны и слабы. Результаты этого оказались печальными, и нужны были реформы Петра I., чтобы двинуть Россію на путь, по которому шли и другіе народы, ввести ее въ кругъ цивилизованныхъ націй. Внутреннее состояніе русскаго общества съ XIV вѣка соотвѣтствовало этимъ условіямъ: въ немъ было распространено пьянство, развлеченія народа и высшихъ классовъ были очень грубы: кулачные и палочные бои, кончавшіеся смертью многихъ бойцовъ, составляли обыденное явленіе; иностранцы постоянно жаловались на обманы русскихъ и продажность чиновниковъ [1]). Тоже наблюдается въ XVII в. и позже. Въ дневникѣ Корба, относящемся къ первымъ годамъ царствованія Петра I, часто встрѣчаются описанія буйныхъ сценъ на пирахъ, гдѣ бывало слишкомъ много выпито. Въ Преображенскомъ царь и приближенные, случалось, исполняли работу палачей. Въ 1722 г. царица Прасковья, вдова царя Ивана Алексѣевича, ночью явилась въ Преображенскій приказъ, велѣла жестоко истязать стряпчаго Деревнина, била его, а служители жгли его свѣчами, обливали голову крѣпкой водкой и поджигали. Драки и ссоры даже въ высшемъ обществѣ и администраціи не были рѣдкостью, напр. въ 1748 г. пензенскій воевода и его товарищи напали на присланнаго для ревизіи полковника То-

---

[1]) *Середонинъ, С.* Сочиненія Флетчера. Спб. 1891 г. стр. 167. *Костомаровъ, Н.* Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII вв. Спб. 1887 г. стр. 203.

[1]) *Любичъ-Романовичъ.* Сказанія иностранцевъ о Россіи. Спб. 1843. Путешествіе Барберини въ 1565 г. стр. 33. *Соловьевъ,* т. IV, стр. 371. *Владимірскій-Будановъ.* Обзоръ исторіи русскаго права. Кіевъ. 1886. стр. 26.

стого, били его людей плетьми, приступали къ его квартирѣ «со многолюдствомъ, съ барабаннымъ боемъ и колокольнымъ набатомъ, ночнымъ временемъ» [1]).

Семейный бытъ и семейныя отношенія были проникнуты грубостью. Сильвестръ рекомендуетъ въ своемъ Домостроѣ для сохраненія порядка «смотря по винѣ и по дѣлу наказывать и раны возлагать», а въ случаѣ надобности обращаться къ плети. Какъ далеко отъ этого скромнаго идеала домашняго правосудія отстояла дѣйствительность, видно изъ отрицательныхъ совѣтовъ Домостроя объ умѣренности наказанія: «а про всякую вину по уху, ни по виденію не бити, ни подъ сердцемъ кулакомъ, ни пинкомъ, ни посохомъ не колоть», такъ какъ отъ такихъ исправительныхъ мѣръ бываетъ «слѣпота, глухота» и т. п. Особенно важной считалась палка, тѣлесное наказаніе въ воспитаніи. Домострой въ поэтическихъ образахъ рисуетъ благія послѣдствія битья «не ослабляй бія младенца» рекомендуется въ немъ по Ветхому Завѣту, «но сокруши ему ребра въ юности», иначе сынъ выростетъ и не будетъ повиноваться родителямъ. Весь авторитетъ родительской власти сводился къ страху, возможности другихъ основъ для повиновенія не подозрѣвалось. Книжники XVII в. называли жезлъ «насадителемъ добродѣтели» «его же потребу самъ Богъ всемогущій образно показалъ есть»; въ честь розги написалъ умилительное стихотворенье воспитатель дѣтей Алексѣя Михайловича Симеонъ Полоцкій. То же восхваленіе розги повторяется и въ сборникахъ XVIII вѣка [2]).

---

[1]) *Корбъ*. Чтенія. 1867. январь—мартъ, стр. 173; іюль—сентябрь. стр. 227; 1866 г. октябрь—декабрь, стр. 93. *Соловьевъ*, т. XVIII, 2 изд. стр. 192. *Болтинъ*. Примѣчанія къ исторіи Россіи Леклерка. II, 247. Историко-юридическіе акты переходной эпохи XVII—XVIII в. Чтенія, 1886, кн. 3, стр. 251.

[2]) *Костомаровъ*, о. с., стр. 148. Домострой Сильвестра. Временникъ Импер. Москов. Об-ва, 1849. XXXVIII, стр. 67—68. Гл. XVIII, стр. 24. *Жмакинъ*. Русское общество въ XVI в. Древняя и Новая Россія. 1878 г., т. 2, стр. 244. Памятники старипнаго русскаго воспитанія. Чтенія. 1861, іюль-сентябрь, стр. 47-49. *Соловьевъ*, т. XIII, стр. 178, т. XX, стр. 230—242. *Ровинскій*, Народныя картины, т. IV, стр. 336.

Несмотря на принятыя Петромъ Великимъ энергичныя мѣры, просвѣщеніе распространялось медленно, чувствовался недостатокъ въ людяхъ, обладающихъ самыми необходимыми познаніями; при общемъ господствѣ невѣжества эти знанія и цѣнились не высоко. Отсутствіе ученыхъ людей и неуважительное отношеніе къ нимъ хорошо иллюстрируетъ положеніе докторовъ въ первой половинѣ XVIII в. Ихъ было такъ мало, что практикой съ успѣхомъ занимались самозванцы, противъ которыхъ принимались строгія мѣры: запрещалось подъ угрозой тѣлеснаго наказанія лѣчить безъ свидѣтельства медицинской канцеляріи, и назначался даже штрафъ съ больныхъ за обращеніе къ подобнымъ лицамъ, но въ то же время и настоящіе доктора чувствовали себя плохо: въ 1737 г. президенту медицинской канцеляріи былъ представленъ докладъ, въ которомъ сообщалось, что лѣкаря не слушаютъ своего начальства, всецѣло завися отъ штабовъ, которые употребляютъ ихъ за камердинеровъ, заставляютъ заправлять парики, а неподатливыхъ штрафуютъ и безчестятъ [1].

Распространенію тѣлесныхъ наказаній содѣйствовало и зависимое, приниженное положеніе низшихъ классовъ населенія. Въ западно-европейскомъ правѣ тѣлесныя наказанія переходили на свободныхъ при неимѣніи ими средствъ для уплаты выкупа. Остатки такого замѣстительства сохранились и въ русскомъ правѣ XVII вѣка, по которому штрафъ при несостоятельности обыкновенно превращался въ тѣлесное наказаніе. По уложенію 1649 г. за безчестіе боярина, стольникъ, стряпчій или московскій дворянинъ, которымъ нечѣмъ платить за безчестіе,—наказывались кнутомъ. Указомъ 1647 г. за укрывательство бѣглыхъ назначено 100 руб. штрафа, а «скудныхъ» приказывалось бить кнутомъ. Въ 1687 г. несостоятельныхъ обидчиковъ... крестьянъ бобылей и посадскихъ, которымъ платить нечѣмъ за безчестіе служилыхъ людей, предписано не ставить на правежъ, а бить батогами [2].

---

[1]) *Соловьевъ*, т. XXII, стр. 273, т. XX, стр. 257–258. П. С. З. 9717, 1750.

[2]) Дополненіе къ актамъ историческимъ. III, № 21, годъ 1647. П. С. З. 1238, г. 1687.

Обычность этой замѣны подтверждается и Котошихинымъ. И впослѣдствіи таможеннымъ уставомъ 1755 г. (ст. 6) назначались плети купеческому приказчику, не могущему уплатить взысканія.

Положеніе многочисленнаго несвободнаго класса въ Россіи не вызывало никакихъ особенныхъ мѣропріятій со стороны законодателя, вѣрнѣе сказать, законодательство было направлено исключительно на охрану господскихъ, помѣщичьихъ интересовъ. Число несвободныхъ значительно возросло съ прикрѣпленіемъ къ землѣ въ концѣ XVI вѣка крестьянскаго населенія, постепенно слившагося съ прежними холопами; употребленіе самыхъ жестокихъ тѣлесныхъ наказаній было безспорнымъ правомъ господъ. Еще двинская грамота 1398 г. ограждаетъ вполнѣ хозяина отъ всякихъ послѣдствій наказаній: «а огрѣшится господарь, говорится въ ней, ударитъ своего холопа или рабу и случится смерть, въ томъ намѣстники не судятъ и вины не емлютъ». Въ XVI в. тѣлесныя наказанія, какъ дисциплинарная мѣра для рабовъ, считались не только законными, но и безусловно необходимыми: «Аще тя не слушаетъ рабъ, поучали въ то время, казни его плетью... ослабиши ли руку ему и учнетъ искать свободы» [1]). Въ XVIII в. этотъ порядокъ мало измѣнился. По прежнему помѣщичій бытъ характеризовался, какъ замѣчали современники, битьемъ всѣхъ подвластныхъ, начиная съ приживалокъ и кончая крѣпостными. По пунктамъ для управленія имѣніемъ, составленнымъ гр. Румянцевымъ, видно, что плети и батоги были обычной принадлежностью хозяйства, и въ этихъ сравнительно мягкихъ пунктахъ за оскорбленіе дворянина предписывалось бить виновнаго, пока обиженный будетъ доволенъ. Какъ объ исключеніи говорится о помѣщикахъ, которые обращались съ прислугой «болѣе ласкою, чѣмъ обыкновенной дворянской властью». Тяжелое положеніе кре-

---

[1]) *Будановъ*. Хрестоматія, стр. 129. *Жмакинъ*, о. с., стр. 246. *Костомаровъ*, о. с., стр. 164.

стьянъ вызывало значительныя волненія и бунты, для усмиренія которыхъ требовалось военная сила [1]).

Таково было состояніе русскаго общества съ XIV до половины XVIII ст., въ которомъ все основывалось на страхѣ и битьѣ въ разнообразныхъ формахъ; на первомъ планѣ стояла сила: С. М. Соловьевъ вѣрно опредѣляетъ его, какъ «юное представлявшее такъ мало сдержекъ для всякаго сильнаго, что тотъ могъ увлекаться своимъ положеніемъ и считать себѣ все позволеннымъ въ отношеніи менѣе сильныхъ». Это значеніе сильнаго человѣка сказывается, напр., въ челобитной игумена Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря Іоанну Грозному о поведеніи постригшагося въ ней по неволѣ знатнаго боярина: «старецъ Александръ, жалуется игуменъ, монастырь пустошитъ, игумена и старцевъ соборныхъ бранитъ... прочую братью колетъ остномъ и бьетъ плетьми» [2]).

Битье считалось нормальнымъ лѣкарствомъ и способомъ устранить всевозможные непорядки. Неудивительно, что тѣ же взгляды русскіе люди проводили и въ наказаніи, которое было тогда однимъ изъ надежнѣйшихъ средствъ для поддержанія порядка и охраненія престижа государства, а послѣдній поддержать было нужно, потому что, несмотря на централизацію и неограниченную силу высшей власти, всемогущей по принципу, правительство и въ XVII и въ XVIII вѣкахъ не безъ труда сдерживало безпокойные элементы; оно было недостаточно сильно и въ мѣстномъ управленіи. Проектъ Уложенія 1754 г. подтверждаетъ фактъ, что изъ сената и коллегій въ подчиненныя мѣста посылалось по 4, 5 и больше подтвердительныхъ указовъ «а по онымъ дѣйствительнаго исправленія не чинилось». Взяточничество и продажность лицъ, сталкивавшихся въ силу служебныхъ или другихъ отноше-

---

[1]) *Соловьевъ,* т. XXII, стр. 266, т. XX, стр. 226—227, т. XXIII, стр. 123, 124. *Семевскій, В.* Крѣпостные при Екатеринѣ II. Рус. Стар. 1876, т. 17, стр. 603—604.

[2]) *Соловьевъ,* т. VII, стр. 111, т. XI, стр. 275. *Аристовъ.* Невольное и неохотное постриженіе. Древн. и Нов. Россія. 1878, т. II, стр. 227.

ній съ казеннымъ интересомъ, достигла громадныхъ размѣровъ [1]).

Правительство должно было бороться съ непорядками, удерживать на службѣ государству и его интересамъ и высшіе и низшіе классы. По воззрѣніямъ тѣхъ эпохъ средствомъ для этого представлялся страхъ, устрашеніе, которые выражались въ жестокихъ мѣрахъ, охватывающихъ всѣ области жизни и дѣятельности. «Жесточь», была принципомъ всякаго, и частнаго и государственнаго порядка: напр. бояринъ Хитрово просилъ князя В. Голицына развѣдать, не отъ жесточи ли его управляющаго побѣжало изъ его Курской деревни 6 семей крестьянъ: «а онъ въ епифановской моей деревнишкѣ многихъ жесточью своей разогналъ... не пьянствомъ, не корысти ради, а безмѣрною жесточью». Такъ же дѣйствовала и государственная власть, она старалась привести въ повиновеніе, заставить соблюдать свои велѣнія страхомъ наказанія: въ наказѣ 1670 г. верхотурскому воеводѣ предписывалось: «унимать отъ всякаго воровства и побѣга... чинить жестокое наказаніе... а беречь не учнетъ... казну истеряетъ... самому быть въ жестокомъ наказаніи»; въ 1699 г. въ наказныхъ статьяхъ Тюменскому воеводѣ велѣно: «воровъ отъ всякаго злодѣйства унимать и смирять жестоко... отнюдь не спускать и, смотря по человѣку и по намѣренію, самымъ жестокимъ наказаніямъ или смертью во образъ и страхъ другимъ смирять». Слова: «жестоко, нещадно, безъ пощады и всякаго милосердія» встрѣчаются на каждомъ шагу въ памятникахъ, становятся обычнымъ выраженіемъ офиціальныхъ документовъ. «Во всемъ свѣтѣ, пишетъ Крижаничъ, нѣтъ такого крутого правительства, какъ въ Россіи... всякое мѣсто наполнено кабаками, заставами, откупщиками, цѣловальниками, выемщиками, тайпыми доносчиками: люди

---

[1]) Проектъ 1754 года. 52, 10. Уложеніе, 1649, гл. X, 91. *Котошихъ*, о. с., стр. 99. *Соловьевъ*, т. XVI, стр. 11, 20, 210, т. XXIII, стр. 249, т. XXII, стр. 189, т. XXI, стр. 303 и слѣд. Доклады, т. I, г. 1711, № 81, 186, 193 и 534, т. V, г. 1715, № 570, стр. 430. П. С. 3. 11, 337, 1760.

отовсюду и вездѣ связаны... все должны дѣлать со страхомъ и трепетомъ... укрываться отъ толпы правителей или палачей»... [1]). Устрашеніе нѣсколько смягчалось стремленіемъ извлечь пользу изъ работоспособности преступника, обратить и его на службу государству. Обѣ эти цѣли могли достигаться тѣлесными наказаніями, главнымъ образомъ болѣзненными, такъ какъ они были устрашительными и сохраняли рабочую силу, — они и являлись орудіемъ государственнаго управленія.

Въ царствованіе Петра Великаго, во время начавшихся реформъ и преобразованій, для правительства потребовалось еще больше, чѣмъ прежде усилій сдержать общество и направить его на намѣченный волею законодателя путь, — для этого у Петра Великаго подъ рукою было испытанное московское средство — устрашеніе, жесточь, и онъ воспользовался имъ еще шире, чѣмъ дѣлалось это въ прежнее время. Приказывая маіору Долгорукову жечь казачьи городки и людей рубить «дабы тѣмъ удобнѣе оторвать охоту» къ приставанью къ мятежникамъ, Петръ прибавилъ въ приказаніи и мотивы для такого дѣйствія «ибо сія сарынь ничѣмъ кромѣ жесточи не можетъ унята быть» [2]). Но возлагая надежды на страхъ и жесточь, Петръ Великій упустилъ изъ виду, что Москва дошла въ этомъ направленіи почти до предѣловъ возможнаго, что русскіе люди успѣли уже привыкнуть къ самымъ страшнымъ угрозамъ, что боязнь кнута или казни перевѣшивалась чрезмѣрной тягостью существованія низшихъ сословій, требованіями рекрутчины или фанатизмомъ. Устрашеніе, сохранившееся и при преемникахъ Петра, оказывалось поэтому безсильнымъ тамъ, гдѣ успѣхъ его всего болѣе интересовалъ правительство. Яркій примѣръ этого представляютъ указы, имѣвшіе цѣлью предупредить побѣги изъ арміи. Въ 1705 г.

---

[1]) Временникъ. 7—8. М. 1750. Письма къ кн. В. В. Голицыну. Смѣсь, стр. 70. *Соловьевъ*, т. XIII, стр. 185. Дополненіе къ актамъ истор. VI, 7, г. 1670.

[2]) *Филипповъ*. О наказаніи по законодательству Петра Великаго, въ связи съ реформою. М. 1891, стр. 143.

издается указъ о наказаніи солдатъ за побѣги «казнить смертью, повѣсить», одного изъ трехъ бѣглыхъ по жребію. Смертная казнь грозитъ и укрывателямъ. Черезъ 5 мѣсяцевъ приказывалось вѣшать одного изъ 10: очевидно, строгость не помогала, а между тѣмъ велась тяжелая Шведская война, и Петру Великому нужны были солдаты. Указы 1715 и 1718 гг. совсѣмъ отмѣняютъ смертную казнь дезертирамъ, объявляя, что она была заимствована изъ законовъ иностранныхъ государствъ, «гдѣ люди наемные служатъ», и не подходитъ къ русскимъ условіямъ; вмѣсто смертной казни назначается жестокое наказаніе. Но въ теченіе долгихъ лѣтъ правительство имѣло время убѣдиться на опытѣ въ безплодности грозныхъ указовъ [1]): «жесточь» не удерживала солдатъ и рекрутъ; ловить бѣглыхъ было не легко, да и наказывать пойманныхъ по артикулу — казнить, бить кнутомъ, ссылать въ каторгу — невыгодно, такъ какъ это ослабляло численность войска, и вотъ на ряду съ угрозами предпринимались попытки поправить дѣло милосердіемъ, подъ прозрачной дымкой котораго ясно сквозитъ сознаніе безсилія въ борьбѣ со зломъ, принявшимъ значительные размѣры: въ 1713 г. появляются указы съ назначеніемъ срока для добровольной явки дезертировъ, освобождающей ихъ отъ всякаго наказанія. Длинная вереница этихъ повелѣній тянется черезъ весь XVIII в.; въ первыхъ указахъ бѣглые предупреждаются, что «милосердіе Его Величества дается имъ послѣднее», затѣмъ эта оговорка исчезаетъ. Но и милостивые указы дѣйствуютъ плохо: побѣги продолжаются, охотниковъ возвращаться въ полки не много, и въ указахъ начинаютъ появляться убѣжденія, не имѣющія ничего общаго съ ха-

---

[1]) П. С. З. 5050, г. 1726, 5290, г. 1728, 5347, г. 1728, 5774, г. 1731, 5782, г. 1731, 6591, г. 1736, 7630, г. 1738, 6740, г. 1739, 9577, г. 1742, 10737, г. 1757, 10987, г. 1759. П. С. З., годъ 1705, № 2019, 2031, 2062, 2078, 2068, 2900, г. 1715, 3136, г. 1716. П. С. З. 11618, 11618, 11720, г. 1762, 11894, г. 1763, 11919, 12266, г. 1764, 12451, г. 1765, 12757, г. 1766, 12968, г. 1767, 13134, г. 1778.

рактеромъ правительственной дѣятельности: указъ 1719 г. уговариваетъ дезертировъ обратиться къ долгу «убоясь не только здѣшней казни, но и суда Божія». Увѣщанія становятся еще трогательнѣе и подробнѣе въ царствованіе Анны Іоанновны, въ эпоху бироновщины, когда тягости военной службы возросли, «жесточъ» усилилась; бѣжали не только солдаты, но и кадеты: въ 1733 г. состоялся указъ, по которому за первый и второй побѣгъ, кадетъ отсылался для ученія въ гарнизонную школу, за 3-й наказывался по усмотрѣнію императрицы. Въ 1732 г. объявлялось, что обратившіеся къ долгу будутъ во всемъ прощены, приверстаны въ полки, даже попрекать ихъ побѣгомъ никто не будетъ; указывалось на то, что «неусыпными трудами» императрицы всѣ неисправности въ дачѣ жалованья, мундира и аммуниціи уничтожены; съ «не малымъ неудовольствіемъ» гласилъ указъ, императрица вынуждена была слышать, что ея подданные бѣгутъ отъ военной службы за границу. Но прежняя практика показала, что неудовольствіе императрицы, хотя бы и «не малое» не помогаетъ дѣлу, и солдаты увѣщеваются тѣмъ, что за границей «благочестивыхъ церквей греческаго исповѣданія не имѣется... что они... въ вѣчную душевную погибель, а когда пойманы будутъ и смертной карѣ себя ввергаютъ». Членовредители-рекруты убѣждались тѣмъ, что они не знаютъ, какой тяжкій грѣхъ «есть преступленіе, а наипаче, что лишить себя добровольно нѣкоторыхъ чувствъ, чего и у варваровъ не водится» [1]).

Тонъ милостивыхъ и увѣщательныхъ указовъ, такъ мало соотвѣтствовавшихъ духу уголовной юстиціи того времени,

---

[1]) П. С. Зак., 2755, г. 1713, дек. 18. Именной, 2859, г. 1714, нояб. 18. Именной, 3134, г. 1717, дек. 16, 3445, г. 1719, окт. 30. Указъ военной Коллегіи, 3859, г. 1721, ноября 29. Именной, 4652, г. 1725, февр. 9, 5050, г. 1726, 5301, г. 1728, 5954, г. 1732, 6024, г. 1732, 6586, г. 1734, 6657, г. 1734, 6675, г. 1735, 6854, г. 1731, 8788, г. 1743, 8270, г. 1740, 7630, г. 1738, 7743, г. 1739, 7903, г. 1739, 10889, г. 1758, 19987, г. 1759, 11387, г. 1761, 11729, г. 1761, 6046, г. 1732.

не былъ вполнѣ искреннимъ: правительство вынуждалось къ уступкамъ и не всегда исполняло свои обѣщанія: въ 1727 г., въ царствованіе Петра II былъ изданъ манифестъ о фальшивыхъ монетчикахъ, въ которомъ обѣщалось прощеніе всѣмъ, принесшимъ свои вины, подъ условіемъ учиненія присяги «чтобы впредь весьма того не дѣлать», въ секретныхъ же пунктахъ указа предписывалось: «не чинить свободы явившимся, но ради пропитанія ссылать ихъ въ Сибирь» [1]).

Все изложенное доказываетъ, что на фундаментѣ, заложенномъ въ эпоху татарскаго ига, при стеченіи многихъ чрезвычайно благопріятныхъ условій, могло и должно было скоро подняться величественное зданіе тѣлесныхъ наказаній, долгое время остававшихся олицетвореніемъ русской юстиціи.

IV.

Съ XIV столѣтія примѣненіе тѣлесныхъ наказаній въ Россіи стало распространяться очень быстро. Вышеуказанныя особенности государственнаго и общественнаго быта благопріятствовали этому, жестокость тѣлесныхъ наказаній по взглядамъ тѣхъ эпохъ содѣйствовала устрашенію, наконецъ, тѣлесныя наказанія были очень просты и почти ничего не стоили. Неудивительно поэтому, что уже въ XV—XVI вв. кнутъ и батоги стали господствующимъ наказаніемъ, въ XVII в. примѣненіе ихъ было столь обычнымъ, что Уложенію 1649 г. оставалось лишь санкціонировать практику, зарегистровать важнѣйшія преступныя дѣянія и неизбѣжное возмездіе за нихъ (кромѣ немногочисленныхъ сравнительно преступленій, караемыхъ смертью и членовредительными наказаніями)—кнутъ и батоги. Но и уложеніе, какъ указано ниже, при разсмотрѣніи отдѣльныхъ видовъ тѣлесныхъ наказаній, назначая кнутъ въ 140 статьяхъ, не исчерпывало всѣхъ случаевъ его примѣненія: практика шла дальше. Обширный кругъ дѣйствія кнута, потребность приспособить его

---

[1]) П. С. З., 5089, г. 1727, 6395, г. 1733.

къ индивидуальнымъ особенностямъ дѣла и мѣста удовлетворялись различными варіаціями этого наказанія.

Примѣнялись въ эту эпоху и разнообразныя членовредительныя наказанія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ приближавшіяся къ смертной казни (напр. отсѣченье руки и ноги). Но въ концѣ XVII ст. примѣненье ихъ начало сокращаться, такъ какъ въ это время обратилъ на себя вниманіе крупный недостатокъ членовредительныхъ наказаній—вредъ, наносимый ими работоспособности преступника: въ западной Европѣ въ XVII вѣкѣ ихъ и считали непригодными, потому что они взваливаютъ на общество бремя содержанія изувѣченнаго, не могущаго зарабатывать себѣ пропитанія; въ Россіи эта сторона членовредительныхъ наказаній стала чувствоваться со времени сибирской ссылки, требовавшей сильныхъ и здоровыхъ людей. Потребности ссылки и вызвали указъ 1680 г., по которому слѣдовало воровъ за 2 татьбы «учиня наказаніе ссылать въ Сибирь на вѣчное житье, а казни не чинить»; въ 1691 г. ссылка назначается и за третью татьбу вмѣсто смертной казни.

Закрѣпощеніе всѣхъ классовъ населенія государствомъ привело къ тому, что тѣлесныя наказанія пріобрѣли всеобъемлющее значеніе: никакое положеніе не спасало отъ нихъ, въ этомъ смыслѣ всѣ были равноправны, всѣ несли службу и подвергались однѣмъ и тѣмъ же карамъ. Уже въ XV в. отъ тѣлесныхъ наказаній не избавлялись ни бояре, ни духовенство: въ 1488 г. били кнутомъ на торгу князя Ухтомскаго и архимандрита Чудова монастыря; въ 1495 г. въ Псковѣ были наказаны кнутомъ 2 священника, не поставившіе ратниковъ съ церковныхъ земель. Въ XVII в. кнутъ грозилъ воеводамъ за выпускъ изъ тюрьмы воровъ или закрѣпощеніе ихъ; въ 1647 г. бояринъ Стрѣшневъ за долголѣтнее знакомство съ вѣдунами подвергся жестокому наказанію и ссылкѣ въ Сибирь[1]).

---

[1]) *Карамзинъ*. Т. V, стр. 208. *Соловьевъ*. Т. V, стр. 278. *Рейцъ*. Опытъ исторіи Россійскаго государства и гражданскихъ законовъ. М. 1836, стр. 199. *Есиповъ*, *Т.* Колдовство къ XVII и XVIII вѣкахъ. Древн. и Нов. Россія. 1878 г. III стр. 65. Уложеніе. 1649, гл. X, 104.

Положеніе высшихъ и низшихъ классовъ въ Москвѣ, отсутствіе уваженія къ правамъ личности совершенно уничтожали позорящее значеніе тѣлесныхъ наказаній, которое они всегда сохраняли въ западной Европѣ. Эта особенность уже въ XVI в. поражала иностранцевъ: «Великій князь, говоритъ Барберини (1565 г.) приказываетъ сѣчь, растянувъ на землѣ, знатнѣйшихъ бояръ... Нѣтъ почти ни одного не высѣченнаго чиновника, но они не гонятся за честью и больше чувствуютъ побои, чѣмъ знаютъ, что такое стыдъ». Стрюйсъ, жившій въ Россіи въ XVII в., дѣлаетъ то же замѣчаніе объ отсутствіи у русскихъ сознанія позорности даже публичнаго битья кнутомъ. Противоположное мнѣніе высказываетъ Олеарій, говоря, что прежде съ наказаннымъ обходились такъ же какъ со всѣми, но теперь (1-ая половина XVII в) начинаютъ смотрѣть на нихъ съ нѣкотораго рода презрѣніемъ; подтвержденій этому мнѣнію мы не встрѣчали, напротивъ, памятники указываютъ, что государство, требовавшее только службы, относилось къ наказаннымъ кнутомъ такъ же какъ и къ другимъ; кнутъ не вліялъ на общественное положеніе наказаннаго и во второй половинѣ XVII в., что было бы едва ли возможно, если бы къ нимъ относились съ презрѣніемъ. Напр. указами 1650, 1654, 1655 г.г. велѣно бѣглыхъ ратныхъ людей бить кнутомъ и высылать на службу въ тѣ же полки.

Тѣлесныя наказанія [1]) цѣнились лишь по свойству причиняемыхъ страданій, степень боли была ихъ единственной мѣркой. Понятно поэтому, что высшіе служилые классы старались избѣжать не тѣлесныхъ наказаній, царившихъ безраздѣльно повсюду, но тяжелыхъ тѣлесныхъ наказаній, стремились сбавить себѣ тяжести. Такія воззрѣнія на наказаніе уже издавна приводили къ установленію нѣкоторыхъ оттѣнковъ въ наказаніи высшихъ и низшихъ. Во второмъ судеб-

---

[1]) *Берхгольцъ*, Дневникъ, веденный въ Россіи въ царствованіе Петра Великаго М. 1887—63 г. Ч. I. стр. 317. Бумаги изъ архива Французск. Мин. Ин. Д. 1681—1717. Сб. Р. И. О—ва Т. 34, стр. 282.

никѣ (ст. 28) приказывалось дьяку записывать «исцовы и отвѣтчиковы рѣчи» по дѣлу, слушанному великимъ князем или боярами и отложенному, и скрѣпить запись своею подписью и печатью, если этого не сдѣлано и списокъ найдутъ у подъячаго безъ подписи и печати дьяка, подъячаго бьютъ кнутомъ, а со второго доправляютъ искъ и пошлины. За неправый судъ по Уложенію 1649 г. думные люди подвергались штрафу и лишались чести, другіе наказывались кнутомъ; дьяковъ за волокиту велѣно бить батогами, подъячихъ—кнутомъ; за невѣрное написаніе суднаго списка Уложеніе 1649 г. карало дьяка торговою казнью, подъячаго—отсѣченіемъ руки. За оскорбленіе словомъ патріарха стольникъ, стряпчій или московскій дворянинъ подвергались битью батогами, лица низшаго званія—торговой казни. Общественное положеніе наказаннаго имѣло такое же вліяніе и въ другихъ случаяхъ, обусловливая извѣстное снисхожденіе, напр. въ 1627 г. воевода Устюга Великаго спрашивалъ у царя, что дѣлать съ земскимъ судейкой, арестованнымъ за безчинство, такъ какъ самъ воевода посадилъ его въ тюрьму, а кнутомъ бить не смѣлъ; велѣно было бить батогами и изъ тюрьмы выпустить [1]). Подобное же снисхожденіе дѣлалось и для мѣстниковъ: ихъ наказывали вмѣсто кнута батогами, напр, въ 1649 г. битъ въ разрядѣ Мих. Плещеевъ вмѣсто кнута батогами, а записано, что битъ кнутомъ и въ тюрьму посланъ; въ 1650 г. князь Алек. Лыковъ за мѣстничество битъ батогами въ подклети думныхъ дьякомъ Гавреневымъ [2]). Болѣе снисходительное битье являлось, такимъ образомъ, какъ бы привилегіей высшихъ классовъ.

V.

Царствованіе Петра Великаго еще увеличило значеніе тѣлесныхъ наказаній: появились неслыханныя до тѣхъ поръ наказанія: шпицрутены, кошки, линьки, стали примѣняться

[1]) Судебникъ Ивана IV ст. 58. Уложеніе 1649 г. Гл. IX, 5. Гл. X, 12, 16, 20. Изъ рукописей Е. В. Барсова, Чтенія, 1883 янв—мартъ, стр. 9.

[2]) П. С. Зак. № 3, 29 62. 1649 г. 27, 1650 г. 1652.

свѣтскихъ судахъ плети, впервые въ законѣ было упомято сѣченіе лозами. Назначеніе этихъ наказаній всеѣло обусловливалось усмотрѣніемъ: били за все, за что находили нужнымъ. Масса указовъ грозила кнутомъ за проупки, созданные реформами, о которыхъ не имѣли понятія XVII в. Государство по прежнему смотрѣло на подданыхъ, какъ на крѣпостныхъ, обязанныхъ ему службою и казывало за уклоненіе отъ нея тѣлесно. И послѣ Петра еликаго законодательство долгое время сохраняло отпечакъ случайности, указы вызывались потребностями или еланіями минуты, критерій тяжести преступленія отсутвовалъ: въ 1736 г. запрещено фабрикантамъ подъ смертю казнью сплавлять серебряныя монеты въ позументы; въ 738 г. жестокимъ наказаніемъ угрожалось за совершенно вое правонарушеніе: ловлю соловьевъ около С.-Петерурга и во всей Ингерманландіи. Смертная казнь и битье сподствовали повсемѣстно: въ этомъ случаѣ соблюдалось льшое однообразіе. Вѣрную картину юстиціи разсматриемаго періода рисуетъ донесеніе Якутскаго воеводы (отъ 713 г.), описывающее его карательную дѣятельность (наазаніе бунтовщиковъ): главнаго казнили смертью, а «товащей тутъ же на плахи клали и, снявъ съ плахъ, на козлѣ утомъ били, и щеки бунтовщикамъ орломъ орлили, а иныхъ въ на козлѣ кнутьемъ и по улицѣ въ проводку водили... стальныхъ били нагихъ батожьемъ». Какъ показываетъ исокъ наказаній въ Нижнемъ-Новгородѣ въ царствованіе нны Іоанновны, въ 1732 г., было казнено 20 разбойниковъ, 5 бито кнутомъ и сослано въ вѣчную каторгу, 85 наказано утомъ и батогами. Въ 1735 г. казнено 94 чел., бито утомъ (съ ссылкой и самостоятельно)—197 чел., въ 1736 г. знено 120, наказано 157. Въ 30—40-хъ годахъ XVIII олѣтія встрѣчаются случаи сожженія и закопанія живыхъ землю [1]).

[1]) П. С. З. 6910, г. 1736. № 1756. г. 1738. *Филиппова*, о. с. р. 336. Памятники Сибирской исторіи. I. № 123. стр. 15—17. *Соловьевъ*, т. XX, стр. 219—220.

Жестокость наказаній въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ выработала особо спокойное отношеніе къ нимъ. Съ кнутомъ на столько осваивались, что по словамъ Стрюйса (1699 г.) онъ видѣлъ человѣка, еще не выздоровѣвшаго отъ наказанія кнутомъ, который попрежнему не платилъ пошлины, т. е. долженъ былъ готовиться къ новому истязанію. Корбъ разсказываетъ, что при немъ царь приказалъ сѣчь крестьянина, не признававшагося въ укрывательствѣ бѣглаго, съ головы до пятокъ ужасной суковатой вѣтвью, но изувѣченный крестьянинъ продолжалъ запираться. «До такой степени, прибавляетъ Корбъ, велико въ москвитянахъ упорство, что никакія истязанія... не могутъ принудить ихъ къ признанію»[1]. Несостоятельность устрашенія, вызывавшаго крайнюю жестокость наказаній вообще, заставляла смягчать ихъ, такія смягченія и помилованія время отъ времени встрѣчаются и въ XVII в., въ XVIII правительство старалось взять въ свои руки контроль надъ примѣненіемъ, по крайней мѣрѣ, строжайшихъ наказаній: въ 1726г. приказано подавать въ Верховный Тайный Совѣтъ доношенія изъ сената о колодникахъ, осужденныхъ на смертную казнь или политическую смерть. Въ царствованіе Елизаветы (1753—54 г.г.) такой же порядокъ введенъ снова: въ сенатъ приказано представлять экстракты о приговорахъ къ смертной казни, которую потомъ велѣно замѣнять кнутомъ и каторгой. Къ концу этого періода встрѣчаются и непосредственныя смягченія наказаній, назначенныхъ по буквѣ закона: въ 1756 г. велѣно представлять въ Сенатъ о подлежащихъ наказанію за малыя вины въ соляныхъ дѣлахъ, такъ какъ Сенату сдѣлалось извѣстно, что одному крестьянину вольноторговцу, взявшему за 5 фунт. соли 5 коп. вмѣсто $4^1/_2$ съ $^1/_8$ долей, за $^3/_8$ копейки учинено было наказаніе кнутомъ и имѣнье отписано; въ 1762 г. за небольшой обмѣръ въ $47^1/_2$ коп. по соляной торговлѣ сенатъ вмѣсто кнута и конфискаціи назначилъ одному наказаніе

---

[1]) *Стрюйсъ*. Путешествіе. Р. Архивъ, 1880 г., кн. I, стр. 59. *Корбъ*, Чтенія. 1867. Іюль—Сентябрь, стр. 285.

атожьемъ, а другому вмѣнилъ въ наказанье держаніе подъ араулом[1]).

Смягченіе выразилось и въ измѣненіи наказанія мало-ѣтнихъ при Елизаветѣ, хотя указанія на такія смягченія стрѣчаются и раньше, напр. указомъ 1740 г. освобождены тъ штрафа не бывшіе у присяги церковники, не имѣвшіе во время я принесенія 15 лѣтъ; въ 1740 г. дѣвка Анна Иванова за оджогъ избы по малолѣтству и иностранству ея освобождена отъ мертной казни (ей было 15 лѣтъ), велѣно было «учинить кестокое наказаніе плетьми и сослать въ дальній монастырь ъ работу». Но общаго закона не было до указа 1742 г., огда по частному случаю убійства малолѣтнею дѣвочкою 14 л.) сенату былъ поставленъ вопросъ вообще о наказаніи алолѣтнихъ, и результатомъ его явился упомянутый указъ. Зъ самомъ представленіи сенату проектировалось виновную «по глупости и младоумію наказать лозами нещадно и отдать ъ монастырь». Сенатъ установилъ срокъ малолѣтства въ 7 лѣтъ; малолѣтнихъ за святотатство, убійство, поджоги редписывалось бить плетьми на публичномъ мѣстѣ и, заковавъ въ ножныя желѣзы, ссылать въ дальніе монастыри на 5 лѣтъ въ работу; за неоднократные разбои, кражи и т. п. ины, подлежащихъ смертной казни, наказывать на публичомъ мѣстѣ плетьми или батогами, смотря по лѣтамъ, и аключать въ монастырь на 7 лѣтъ. За вины, за которыя одлежатъ пыткѣ и наказанію кнутомъ, вмѣсто кнута—бить летьми или батогами, смотря по лѣтамъ и винѣ. Но этотъ казъ вызвалъ протесты духовенства: синодъ нашелъ, что аньше 17 лѣтъ человѣкъ «можетъ вступать въ бракъ по равиламъ св. отецъ и тако меньше 17 лѣтъ человѣку доольный смыслъ имѣть можно, а по указу Ея Императорскаго Величества къ присягѣ велѣно приводить съ 12 лѣтъ» отому, какъ говорится дальше, «по довольномъ разсужденіи»

[1]) *Сергѣевскій.* Смертная казнь при Елизаветѣ Петровнѣ. Журн. 'г. и Гр. Пр. 1890. I, стр. 51 и слѣд. П. С. З. 4964, г. 1726. 11.569 г. 762.

сенатъ и синодъ согласились считать предѣльнымъ возраст
12 лѣтній и такихъ освобождать отъ смертной казни, на
занія кнутомъ и пытки, и поступать по вышеписанны
правительствующаго сената съ коллегіями мнѣніямъ (т.
по указу 1742 г.). Но въ другихъ указахъ и послѣ 174
возрастъ малолѣтнихъ устанавливался гораздо выше въ в
того, что 12 лѣтній соотвѣтствовалъ не столько дѣйствит
ному положенію вещей, сколько теоретическимъ разсужденія
Въ генеральномъ учрежденіи о рекрутскомъ наборѣ 1757
малолѣтство опредѣляется въ 16 лѣтъ. Неудивительно
этому, что въ проектѣ 1754 г. повторяются постановл
указа 1742 г., а вторая комиссія опредѣляетъ возра
малолѣтнихъ отъ 10 до 15 л., а не до 12[1]).

Наконецъ, въ царствованіе же Елизаветы Петровны
1757 г. рваніе ноздрей и клейменіе для женщинъ б
отмѣнены.

Тѣлесныя наказанія при Петрѣ Великомъ распрост
нялись попрежнему на всѣхъ, напр. въ 1714 г. биты к
томъ 2 сенатора Волковъ и Опухтинъ, имъ жгли, *кро*
того, языки каленымъ желѣзомъ. Позднѣе наиболѣе знат
преступники стали избавляться отъ тѣлесныхъ наказаній
ссылкѣ: безъ нихъ были сосланы Ѳеодосій Яновскій, Девіе
Меншиковъ, Биронъ, Минихъ, Остерманъ и Головкинъ[2]),
это не было еще твердо установившимся обычаемъ, что дока
вается наказаніемъ кнутомъ даже знатныхъ дамъ, Лопухи
и Бестужевой при Елизаветѣ Петровнѣ. Признаніе тѣ
ныхъ наказаній позорными стало замѣчаться только во в
рую половину царствованія Петра Великаго и то только
носительно тягчайшаго наказанія кнута. Такъ Указъ 170
предписываетъ бить бѣглыхъ кнутомъ и посылать ихъ на
лѣтъ въ каторгу, а потомъ «быть имъ въ солдатахъ въ пр
нихъ полкахъ». Въ 1684 г. Кикинъ былъ битъ кнутомъ

---

1) П. С. З. 1757 г., 10.686.

2) П. С. З. 4717, г. 1725. *Соловьевъ*. Т. XVI, стр. 238. Т. Х
стр. 43, 164—165.

редъ стрѣлецкимъ приказомъ за растлѣніе, а въ 1704 г. завѣдывалъ всѣми рыбными промыслами въ Россіи [1]). Это положеніе измѣнилось со введеніемъ въ русское право наказаній, лишающихъ чести въ западно-европейскомъ смыслѣ. Шельмованіе упоминается уже въ 1714 г. по указу о запрещеніи взятокъ и посуловъ, по которому виновный долженъ быть «жестоко наказанъ, шельмованъ, имѣнья лишенъ и смертью казненъ». Воинскимъ Уставомъ шельмованіе опредѣляется окончательно [2]). Наказанія, лишающія чести, были перенесены съ запада, оттуда же вмѣстѣ съ ними перенеслось и укрѣпилось сознаніе позорности тѣлесныхъ наказаній. Вначалѣ эта позорность, конечно, проникла въ очень скромныхъ размѣрахъ, да и предубѣжденія противъ тѣлесныхъ наказаній не могъ имѣть самъ законодатель; поэтому при Петрѣ Великомъ безчестящимъ дѣлается лишь наказаніе кнутомъ, совершаемое всенародно рукою палача, съ которымъ, кромѣ физическаго страданія, соединяется и позоръ.

Въ указѣ 1721 г. Петръ Великій объяснилъ, что шпицрутены употребляются для офицеровъ и рядовыхъ, ссылаемыхъ въ каторгу, потому, что если они освободились бы по отбытіи урочныхъ лѣтъ (послѣ наказанія кнутомъ) «то за такимъ порокомъ, что были въ катскихъ рукахъ, невозможно ихъ въ прежнюю службу употреблять»,—въ виду этого военныхъ и стали наказывать кнутомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда возвращеніе на службу было для нихъ невозможно, т. е. при вѣчной каторгѣ. Этимъ порядкомъ былъ сдѣланъ важный шагъ, намѣтившій дальнѣйшее развитіе понятія позорности тѣлесныхъ наказаній: прикосновеніе палача стало безчестящимъ. Однако прежніе взгляды

---

[1]) Сказанія о Россіи. Monumenta. Т. I, стр. 33. *Стрюйсъ*, о. с., стр. 59. *Олеарій*. Подробное описаніе путешествія Гольштинскаго посольства въ Московію и Персію. М. 1870 г., стр. 303. Дополненія къ актамъ истор. IX, 59. 1680, марта 13. Царская грамата. П. С. З. 128, 1654 г. 154. 1655. Указъ. 2031, г. 1705. 2068, г. 1705.

[2]) П. С. З. 2871, г. 1714. *Латкинъ*. Лекціи по внѣшней исторіи русскаго права, стр. 213.

не могли измѣниться сразу, даже высшая администрація была въ состояніи тотчасъ примѣниться къ новому рядку: въ 1722 г. Петръ Великій долженъ былъ писать нату, чтобы не опредѣляли на службу въ военную колле бывшаго офицера Языкова «явно наказаннаго, яко вора Поворность наказанія была признана, главнымъ образ для военныхъ, что объясняется введеніемъ Воинскаго Уст составленнаго по западно-европейскимъ военнымъ закон духовенство, напр., въ царствованіе Петра наказывалось томъ по старому, что не влекло безчестія: въ 1724 г ложное показаніе о ревизскихъ душахъ велѣно нещ бить кнутомъ и духовныхъ и свѣтскихъ свидѣтелей, выхъ только снесшись съ архіереемъ, при этомъ ничего говорилось о лишеніи сана, слѣдовательно, кнутъ не вл на возможность продолжать пастырское служеніе[2]).

При преемникахъ Петра Великаго въ указахъ пост но выдвигается позорность битья кнутомъ, исполнявша всегда рукою палача, несовмѣстимость его со считавш тогда наиболѣе почетной военной службой: предписыва годныхъ для военной службы наказывать плетьми, негодн кнутомъ, напр., въ указѣ 1745 года говорится: «кто кнут не сѣченъ, годныхъ написать въ Астраханскій гарнизон которые въ службу не годны, или кнутомъ сѣчены возвра помѣщикамъ, или записать въ подушный окладъ, гдѣ они ж пожелаютъ».

Понемногу и общество стало смотрѣть на наказаніе в томъ, какъ на обезчещивающее, крайне тяжелое для высш сословій: на проявленіе подобнаго настроенія можно ука въ эпоху, ближайшую къ царствованію Петра Великаго: 1727 г. А. Чоглоковъ, бывшій при Петрѣ комендантомъ Олонцѣ просилъ дать ему указъ изъ сената о непорица его понесеннымъ наказаніемъ, ссылаясь на то, что Пе

---

[1]) П. С. З. 3136, г. 1717. 3760, г. 1721. Указы и повел Сборникъ Р. И. Об-ва, стр. 492.

[2]) П. Собр. Зак. 4520, годъ 1724.

простилъ его и возвратилъ ему конфискованное имущество [1]).

Объ отношеніи къ другимъ тѣлеснымъ наказаніямъ въ въ началѣ XVIII в. всѣ свидѣтельства согласны въ томъ, что никому изъ русскихъ не приходило въ голову считать ихъ позорящими. Берхгольцъ не безъ удивленія разсказываетъ по этому поводу, что актеръ, получившій за разноску афишъ по городу около 200 батоговъ, игралъ опять со знатными дамами; здѣсь, прибавляетъ онъ, это ни по чемъ и считается дѣломъ весьма обыкновеннымъ—и, дѣйствительно, было бы страннымъ со стороны дамъ измѣнять отношенія къ побитому, когда ихъ собственные отцы и мужья легко могли подвергнуться такому же исправительному внушенію со стороны его царскаго величества. Французскій резидентъ де-Леви передаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, что «передъ отъѣздомъ изъ С.-Петербурга (3 января 1718 г.) царь пригласилъ къ себѣ въ 4 часа утра нѣсколькихъ знатнѣйшихъ сановниковъ и, принявъ ихъ поочередно, велѣлъ каждаго наказать батогами [2])».

Періодъ развитія и господства тѣлесныхъ наказаній не отдѣляется, какъ уже сказано, отъ слѣдующаго рѣзко очерченной линіей: стадіи перехода между различными эпохами подготовляются задолго до ихъ наступленія, и во время процвѣтанія тѣлесныхъ наказаній появлялись уже нѣкоторые симптомы, предвѣстники иного будущаго, не колебавшіе, однако, установившихся порядковъ. Такимъ симптомомъ было, кромѣ измѣненія взглядовъ общества и законодательства на значеніе наказанія рукой палача, начавшееся въ царствованіе Петра Великаго, исчезновеніе членовредительныхъ наказаній, что дѣлаетъ исторію тѣлесныхъ наказаній съ половины XVIII вѣка исторіей болѣзненныхъ тѣлесныхъ нака-

---

[1]) Протоколы, журналы, указы, Верховнаго Тайнаго Совѣта. Сборникъ Ист. Общ., т. 69.

[2]) *Берхгольцъ*. Дневникъ, веденный въ Россіи въ царствованіе Петра Великаго М. 1857—63 г. Ч. I, стр. 317. Бумаги изъ архива Французск. Мин. Ин. Д. 1681—1717. Сб. Р. И. Об-ва Т. 34, стр. 282.

заній. Послѣднія, отличаясь отъ членовредительныхъ по способу причиненія страданій, различаются отъ нихъ и по значенію въ карательной системѣ и по живучести. Являясь грубымъ проявленіемъ чувства мести, выражавшейся въ идеѣ таліона, членовредительныя наказанія держались лишь до тѣхъ поръ, пока культура общества не достигла нѣкоторой высоты, тогда ихъ недостатки и безполезная жестокость такъ рѣзко бросались въ глаза, что для уничтоженія ихъ не требовалось особенныхъ усилій, они исчезали безъ борьбы, незамѣтно, какъ исчезаютъ ночныя тѣни передъ разсвѣтомъ. Другое дѣло болѣзненныя тѣлесныя наказанія: будучи также порожденіемъ жестокости и владычества силы, они сходили съ исторической сцены не сразу, а медленно, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій; въ этомъ отношеніи ихъ исторія совершенно расходится съ исторіей членовредительныхъ наказаній. Болѣзненныя наказанія процвѣтаютъ уже въ одно время съ первыми, что не мѣшаетъ имъ не только на долго пережить ихъ, но и пріобрѣсти еще большее, чѣмъ прежде значеніе: членовредительныя наказанія замѣняются болѣзненными, область дѣйствія послѣднихъ расширяется: упадокъ членовредительныхъ наказаній содѣйствуетъ, такимъ образомъ, распространенію и процвѣтанію болѣзненныхъ.

Сокращеніе примѣненія членовредительныхъ наказаній при Петрѣ продолжалось, какъ и раньше (стр. 86), прежде всего изъ желанія сохранить работоспособность преступника. Стремленіе получить выгоды, утилизировать силы преступника на пользу государства было доведено до крайности въ царствованіе Петра Великаго: этимъ началомъ стушевывались даже устрашительныя цѣли: арестанты посылаются на всевозможныя государевы работы въ Азовъ, въ Рогервикъ, въ С.-Петербургъ, гдѣ вмѣстѣ работаютъ и свободные и тяжкіе преступники; старыхъ преступниковъ, непригодныхъ для каторжныхъ работъ, велѣно было отправлять въ монастырскій приказъ и употреблять на посильныя работы въ кандалахъ [1]).

---

[1]) П. С. З. № 846, 1680 г. № 1413. 1691 г., 1179 г. 1707.

и членовредительныя наказанія, несмотря на то, что удерживаются Воинскимъ Уставомъ, на практикѣ примѣняются рѣже: употребляются, главнымъ образомъ, вырѣзаніе ноздрей, клейменіе. Работоспособность преступника сохранила свое значеніе и позднѣе: при Елизаветѣ Петровнѣ отсѣченіе руки отмѣняется за убійство, совершенное русскими въ Финляндіи, чтобы преступники могли употребляться на работы. Въ то же время реформы Петровскаго царствованія, вліяніе западныхъ началъ не могли съ теченіемъ времени не отразиться на взглядахъ и чувствахъ общества. Прежняя грубая жестокость стала казаться излишней: въ 1728 г. было приказано уничтожить въ С.-Петербургѣ столбы, на которыхъ выставлялись части тѣла казненныхъ. Во времена Елизаветы членовредительныя наказанія, стали рѣдкими, и примѣненіе ихъ не встрѣчало одобренія. Болотовъ, описывая членовредительное наказаніе, свидѣтелемъ котораго ему пришлось быть въ 1757 г., замѣчаетъ: «могу сказать, что я не могъ смотрѣть безъ отвращенія на сіе кровопролитіе и не могу оное безъ внутренняго содроганія сердца и понынѣ вспомнить» [1]).

Членовредительныя наказанія не упоминаются въ проектахъ уголовнаго Уложенія 1754—66 г. за исключеніемъ случаевъ вырыванія ноздрей. Статья о тѣлесныхъ поврежденіяхъ, за которыя Уложеніе 1649 г. назначало таліонъ, сохраняя почти слово въ слово диспозицію Уложенія 1649 г., назначаетъ за совершеніе названнаго преступленія не таліонъ, а кнутъ съ вырѣзаніемъ ноздрей и ссылкой въ каторгу вѣчно. То же самое и въ постановленіяхъ о разбойникахъ, ворахъ и татяхъ, вездѣ членовредительныя наказанія замѣнены кнутомъ и ссылкою, и иногда смертною казнью, изъ чего можно заключить, что на практикѣ въ 1750—60 гг. такая замѣна уже совершилась: иначе трудно объяснить уничтоженіе этого вида наказанія въ проектѣ 1754 г., которымъ строгость карательныхъ мѣръ вообще не уменьшалась.

---

[1]) Записки А. Болотова. Т. I. Спб. 1870, стр. 479.

Безусловное осужденіе членовредительныхъ наказаній находимъ и въ наказѣ Императрицы Екатерины II: «вс наказанія, говорится въ немъ (ст. 96), которыми тѣло чело вѣческое изуродовать можно, должно отмѣнить», эта стать говоритъ, въ сущности, только о законодательной отмѣнѣ такъ какъ на практикѣ съ половины XVIII в. членоврели тельныя наказанія (кромѣ вырыванія ноздрей) примѣнялис лишь въ исключительныхъ обстоятельствахъ, напр. во врем Пугачевскаго бунта.

ГЛАВА II.

Періодъ вымиранія тѣлесныхъ наказаній.

I.

Ставя гранью второго періода исторіи тѣлесныхъ наказаній царствованіе Екатерины II, я руководствовался основной, если такъ можно выразиться, тенденціей законодательства, что отнюдь не значитъ, что старыя начала русской жизни, имѣвшія вліяніе на развитіе тѣлесныхъ наказаній, перестали уже существовать, — кое что изъ нихъ уцѣлѣло даже и до нашего времени; эпоха Екатерины II настолько близко соприкасалась съ предшествовавшими и была такъ органически связана съ ними, что говорить о коренномъ различіи нѣтъ никакихъ основаній.

Какъ и въ первомъ періодѣ, въ русскомъ правѣ сохраняло свое мѣсто устрашеніе; въ первые годы царствованія Екатерины II попадаются даже гиперболическія угрозы, какъ и въ старыхъ указахъ; въ манифестахъ о наполненіи судебныхъ мѣстъ достойными и честными людьми говорится: «если кто отважится коснуться лихоимству... таковый нечестный и неблагодарный и яко заразительный членъ общества не только изъ числа честныхъ, но и изъ всего человѣчества истребленъ будетъ» [1]).

---

[1]) П. С. З. 11998, г. 1763. Устрашеніе не было позабыто и въ царствованіе Николая I: въ манифестѣ 1 января 1826 г. (П. С. З. I. 29, г. 1826) о дарованіи народу облегченій, послѣ перечисленія милостей, оказанныхъ преступникамъ, выражалась надежда, что „умягченіемъ наказаній не ослабнетъ спасительный страхъ закона". Но сохранившись въ принципѣ, устрашеніе въ 1/2 XIX вѣка многое утратило изъ средствъ,

Устрашеніе въ прежнемъ духѣ господствовало и въ недолгое царствованіе Павла I, особенно при усмиреніи крестьянскихъ волненій, вызванныхъ слухами о близкомъ освобожденіи. Кн. Репнинъ доносилъ 15 февраля 1797 года изъ Орловской губерніи: «за упорственное сопротивленіе войскамъ Вашего Императорскаго Величества наказаны силою оружія и преданы яко изверги огню и мечу; тѣла ихъ, справедливо погибшія... недостойныя погребенія общаго съ вѣрными подданными зарыты въ особую яму... домы ихъ истреблены до основанія такъ, что остатковъ онаго не видно». Изъ Калужской губерніи вице-губернаторъ Митусовъ доносилъ, что у него «до оружія не доходило... по прибытіи... не нашедъ никого изъ крестьянъ, пересѣкъ кнутомъ женъ ихъ и средняго возраста дѣтей. Въ страхъ имъ, дабы вызвать ихъ, сожогъ особо стоящую клеть, но изъ за сего никого изъ скрывающихся не явилось» [1]).

Какой характеръ желала придать карательной дѣятельности часть русскаго общества въ шестидесятыхъ годахъ XVIII стол., выясняется провинціальными дворянскими наказами въ коммиссію 1767 года. Алатырское дворянство било челомъ, чтобы увѣщанія не только разбойнику и смертоубійцѣ, но и всякому вору оставить, а распрашивать ихъ, какъ злодѣевъ и казнь чинить по всей строгости прежнихъ законовъ. Темниковское дворянство высказалось рѣшительно противъ новыхъ направленій и поручало просить: «не дозволено ли будетъ съ оными злодѣями по прежнимъ строгимъ государственнымъ узаконеніямъ поступать и что въ городахъ оныхъ воровъ слѣдовать пристрастными распросами и пытать дозволить,

---

бывшихъ въ его распоряженіи. Прежняя строгость наказаній стала теперь немыслимой: при Петрѣ Великомъ, напр., за продажу недоброкачественныхъ продуктовъ возможно было назначать кнутъ, плети, ссылку, въ 1842 г. эти проступки наказывались только штрафомъ и закрытіемъ торговаго заведенія (за 3-й проступокъ), (П. С. З. 15: 915, г. 1842). Времена и люди измѣнились.

[1]) Крестьянское движеніе при Императорѣ Павлѣ I. Р. Арх. 1867, стр. 531, 545, 558, 559.

дабы на то смотря другіе то чинить не могли, въ томъ бы безстрашное благоденственное житіе имѣли». Елецкое дворянство желало даже не только пытокъ, но и смертной казни для всѣхъ смертоубійцъ, воровъ и разбойниковъ; въ такомъ же духѣ выражалось и Орловское и Бѣлевское дворянство. Правда, были и болѣе умѣренные наказы: Свіяжское дворянство просило только отдавать, въ солдаты или ссылать воровъ, не чиня пытокъ, Трубчевское поручало просить, чтобы дворянамъ, кромѣ разбоя и другихъ важныхъ преступленій, наказаній тѣлесныхъ не чинить, наказывая за погрѣшности по ихъ благородству арестомъ и содержаніемъ на сухоядепіи, а не тюрьмою, гдѣ содержатся по важнымъ дѣламъ воры и преступники [1]).

Медленно и мало чувствительно происходили перемѣны во внутреннемъ состояніи общества, въ которомъ и теперь еще существуютъ теченія, поддерживающія тѣлесныя наказанія. Полицейскій и строго сословный строй государства сохранялся въ царствованіе Екатерины въ неприкосновенности. Какъ относилась администрація къ задачамъ управленія, выясняется изъ наказа, даннаго главной полиціей своему депутату въ комиссіи 1767 г.: «начальникъ полиціи, говорится въ немъ, долженъ вперять... въ разумъ не только полицейскимъ служителямъ, но и всѣмъ гражданамъ отвращеніе къ порокамъ». За непорядки и озорничество полиція, желая имѣть право наказывать тѣлесно и заключеніемъ, просила: «дабы она и въ храмахъ Божіихъ имѣла доступъ надзирать за входящими на молитву жителями, дабы оные подобающую благопристойность сохраняли», и чтобы непочитающіе родителей наказывались не только по просьбѣ послѣднихъ, но и когда полиція сама усмотритъ такое непочтеніе, чего «яко вреднаго обществу она сносить не должна безъ ограниченія» [2]).

---

[1]) Депутатскіе наказазы. Сб. Р. И. Об-ва. Т. 68, стр. 117, 356, 453, 470, 478, 523, 34—38, 612—614, 514.

[2]) Наказъ выборнымъ главной полиціи. Сб. Р. Ист. Общ., т. 49, стр. 298 и слѣд.

Положеніе низшихъ классовъ и крѣпостныхъ оставалось по прежнему весьма тяжелымъ: въ 1764 г. Новгородскій губернаторъ Сиверсъ докладывалъ императрицѣ о крѣпостныхъ, какъ о «несчастныхъ существахъ». Сама императрица, возражая на извѣстную книгу Шаппъ Д'Отероша, должна была ограничиться лишь замѣчаніемъ, что «наши нравы улучшаются», и есть много домовъ, въ которыхъ сочли бы безчеловѣчнымъ обходиться съ людьми сурово, и что жестокость существуетъ и въ другихъ странахъ [1]). Въ 1802 г. слѣдователи по дѣлу Орлова о жестокомъ обращеніи съ крѣпостными выяснили, что «цѣпи, желѣза, рогатки, колодки—обыкновенныя наказанія... въ другихъ случаяхъ наказанія изобрѣтаются съ такимъ свирѣпствомъ, что безъ содроганія и выразить невозможно». Неудивительно, что въ царствованіе Николая I насчитывалось 556 крестьянскихъ волненій, охватывавшихъ иногда значительныя районы, и что, по мѣрѣ хотя и медленнаго измѣненія правосознанія въ массѣ, гнетъ крѣпостничества дѣлался нестерпимымъ, вызывалъ все больше и больше протестовъ [2]).

Не легко было и положеніе солдатъ въ XVIII в. и въ XIX в. до конца царствованія Николая I: «обхожденіе съ нижними чинами», отмѣчаетъ въ воспоминаніяхъ С. П. Шиповъ... «было не только чрезмѣрно строгое, но безразсудно жестокое. Нельзя теперь себѣ представить тѣхъ истязаній, коимъ, за маловажныя вины, а иногда и безъ вины, подвергался тогда солдатъ» (до 1817 г.). У Аракчеева, служившаго олицетвореніемъ палочнаго режима, были такіе командиры, какъ полковникъ Фрикенъ, который «вырывалъ у солдатъ клочьями волосы, билъ эфесомъ сабли по головѣ, а о палкахъ и говорить нечего: онѣ пробивали спины до костей». «По понятіямъ лицъ, стоявшихъ во главѣ администраціи,

---

[1]) *Антидотъ*. XVIII вѣкъ. Сборникъ Бертенева, стр. 330. *Соловьевъ*, т. XXVI, стр. 137.

[2]) Древняя и Новая Россія. 1876, т. III, стр. 263, 273, 274. П. С. З. 20, 263, 26, 603, г. 1817, 2725, г. 1829. Борьба крѣпостныхъ. Р. Старина. 1887, стр. 418—427.

пишетъ кн. Голицынъ о царствованіи Николая I, тѣ, которые били палками и сѣкли... снискивали себѣ извѣстность людей твердыхъ, способныхъ и достойныхъ» [1]).

Жестокость и произволъ достигали столь значительныхъ размѣровъ, что еще въ послѣдній годъ царствованія Александра I, пришлось сдѣлать повсемѣстно подтвержденіе, чтобы, «нигдѣ ни подъ какимъ видомъ... ни въ высшихъ, ни въ низшихъ мѣстахъ никто не дерзалъ ни дѣлать, ни допускать, ни исполнять никакихъ истязаній» [2]). Привычка бить вошла съ одной стороны въ плоть и кровь представителей администраціи, съ другой—долговременный опытъ научилъ низшія сословія переносить начальственныя распоряженія; протестовъ было сравнительно мало, и указы оставались мертвой буквой. Да и высшіе классы общества, въ массѣ малокультурные и воспитанные въ атмосферѣ битья (за исключеніемъ болѣе развитаго меньшинства, значеніе котораго постепенно усиливалось) спокойно относились къ привычной обстановкѣ; ихъ требованія ограничивались узко-сословными интересами; за этими рамками жестокость карательной системы не обращала на себя ихъ вниманія.

Такимъ образомъ и во второмъ періодѣ (отчасти и до настоящаго времени) сохранились прежнія условія, благопріятствующія удержанію тѣлесныхъ наказаній. Но наряду съ ними въ этотъ періодъ успѣли проявиться и иныя течеи силы, благодаря которымъ вымираніе тѣлесныхъ наказаній въ XIX в. могло пойти довольно быстрымъ ходомъ.

Несмотря на сохраненіе старыхъ порядковъ, общество уже во второй половинѣ XVIII вѣка представляло и замѣтныя отличія отъ прежняго: просвѣщеніе и культура, хотя

---

[1]) Воспоминанія С. П. Шипова. Р. Арх. 1878, т. 2, 158. *Голицынъ*. Тѣлесныя наказанія. Р. Стар. 1890, т. 66, стр. 76 и 80. Матеріалы къ новѣйшей отечественной исторіи. Гр. Аракчеевъ и военныя поселенія. Спб. 1871, стр. 5. *Граббе, А. К.* Гр. А. Л. Аракчеевъ. Р. Стар. 1875 г., т. 12, стр. 103.

[2]) П. С. З, 30, 563, г. 1825. Воспоминанія П. Т. Морозова. Рус. Ар. 1875 г., стр. 244, 245.

медленно, но проникали въ высшіе слои, являлись русскіе ученые, образованные люди, нравы смягчались, выростали новыя понятія о правахъ личности, въ извѣстной степени поддерживаемыя и правительствомъ, въ этихъ новыхъ теченіяхъ общественной мысли и нравственности и слѣдуетъ искать источника оппозиціи существующему, протеста противъ варварской жестокости наказаній, проведенія мысли объ ихъ позорности и безполезности. Отличіе двухъ поколѣній XVIII вѣка не ускользнуло отъ современниковъ, даже не принадлежащихъ къ числу привычныхъ и внимательныхъ наблюдателей общественной психологіи. Свидѣтельство объ этомъ уцѣлѣло въ запискахъ Порошина, передающаго разсказъ одного генерала о томъ, какъ съ молоду онъ былъ не чистъ на руку и стянулъ что-то у фельдмаршала Шереметева, который и отдулъ его батожьемъ. Тотъ же генералъ разсуждалъ у Разумовскаго: «какіе недотыки нынѣ люди стали: нельзя и выбранить, а бывало де палочьемъ дуютъ, дуютъ, да и слова сказать не смѣешь» [1].

Новое проявляло несомнѣнные признаки существованія: противъ установленнаго порядка стали энергично высказываться, напр. Болтинъ писалъ: «развѣ нѣтъ средствъ, кромѣ дыбы, кнута и подобныхъ мучительствъ? И по нынѣ еще изъ умовъ нѣкоторыхъ не истребилось сіе неистовое мнѣніе». «Неистовое мнѣніе» о пользѣ истязаній и позора не истребилось, къ сожалѣнію, и много позднѣе того времени, когда жилъ Болтинъ. И. Лопухинъ, находя наказанія слишкомъ жестокими, высказывалъ мнѣніе, что «цѣлью наказанія всегда должно быть исправленіе, а не месть одна и терзаніе» [2].

Въ царствованіе Николая I болѣе просвѣщенная часть русскаго общества относилась уже вполнѣ отрицательно какъ ко всей системѣ управленія, основанной на устарѣвшихъ на-

---

[1] *Соловьевъ*, т. XXVI, стр. 247—248.

[2] Вопль старшпнаго судьи. И. Лопухина. Чтенія, 1862 г., т. 2, стр. 151.

чалахъ, такъ и къ злоупотребленію силой и битьемъ въ особенности. «Печальное зрѣлище», пишетъ въ своемъ интересномъ дневникѣ (1841 года) проф. Никитенко «представляетъ современное общество: въ немъ нѣтъ ни великодушныхъ стремленій... ни правосудія, ни чести»; въ 1845 г. тѣ же жалобы: «1812 г. не оставилъ никакихъ слѣдовъ въ народномъ духѣ... страшный гнетъ, безмолвное раболѣпство,—вотъ что пожала Россія на этой кровавой нивѣ»... Другой современникъ, не профессоръ, а служащій, сенаторъ Н. Н. Лебедевъ, писалъ о наказаніяхъ: «дурная система наказаній; по своду только и слышится плеть, да кнутъ, ссылка, да каторга. Гласности никакой».

Рѣшительный ударъ прежнему порядку былъ нанесенъ освобожденіемъ крестьянъ 19 февраля 1861 г. и послѣдующими реформами судебной и земской. Съ этого времени условія, содѣйствовавшія сохраненію тѣлесныхъ наказаній утратили прежнее значеніе, и на очередь сталъ вопросъ объ ихъ существованіи, о прекращеніи сложившагося съ половины XVIII в. раздѣленія русскихъ подданныхъ на два класса—подлежащихъ и неподлежащихъ тѣлеснымъ наказаніямъ.

Вымираніе тѣлесныхъ наказаній шло, такимъ образомъ, подъ вліяніемъ указанныхъ факторовъ (признанія правъ личности, развитія культуры, расширенія цѣлей, преслѣдуемыхъ наказаніемъ) путемъ признанія ихъ позорными и образованія вслѣдствіе этого привилегіи изъятія для высшихъ классовъ и, наконецъ, путемъ ослабленія тѣлесныхъ наказаній на почвѣ общаго смягченія нравовъ и распространенія просвѣщенія.

II.

Въ эпоху царствованія Екатерины II и Павла I (1762—1801 г.) стало замѣтнымъ вымираніе тѣлесныхъ наказаній, вслѣдствіе признанія ихъ позорящими и отрицательнаго отношенія къ нимъ общества и самой императрицы.

Въ предыдущей главѣ было указано (стр. 93), что наказаніе кнутомъ стало безчестящимъ, что создало для прави-

тельства необходимость прибѣгать къ этому наказанію лишь въ важныхъ случаяхъ, сократить область его примѣненія, чтобы не лишать себя права воспользоваться наказанными въ цѣляхъ военной службы, поэтому кнутъ начинаетъ замѣняться во многихъ случаяхъ плетьми, кошками, на которыя была перенесена обстановка битья кнутомъ, всенародно и рукою палача, а это въ свою очередь вызвало признаніе и названныхъ тѣлесныхъ наказаній безчестящими. Результатомъ этого и явились указы 1761 и 1775 г., по которымъ наказанія батожьемъ, кошками и плетьми признаны «не исправленіями, а сущей казнью» и приравнены по порядку вступленія въ законную силу къ кнуту [1]). Отъ времени Павла I сохранились 2 любопытные указа, доказывающіе, что и вообще тѣлесныя наказанія, стали считаться позорными: въ 1798 г. съ Петровской лаконичностью былъ отданъ приказъ: «прогнанныхъ сквозь строй, хотя бы одинъ разъ кирасиръ писать уже въ извозчики, а не въ кирасиры», въ 1799 г. повелѣвалось «впредь виновныхъ, приговариваемыхъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ, никогда не назначать въ воинскую службу»; *оба* эти указа не отличались ясностью и едва ли долго примѣнялись на практикѣ, но они интересны, какъ указаніе на то, что для возвышенія престижа службы въ арміи изъ нея нашли нужнымъ удалить всѣхъ, на комъ лежало пятно безчестія— тѣлеснаго наказанія. При Екатеринѣ II впервые было высказано въ законѣ мнѣніе о непригодности тѣлесныхъ наказаній, хотя и не судебныхъ, а дисциплинарныхъ для дѣтей: въ планѣ Воспитательнаго Дома, составленномъ извѣстнымъ филантропомъ Бецкимъ, тѣлесныя наказанія запрещались для служителей «дабы юношество не пріучать къ суровости». Въ 1767 г. запрещеніе тѣлесно наказывать дѣтей мотивируется тѣмъ, что «по физикѣ доказано, что бить дѣтей... существенное зло». Въ 1766 г. въ новомъ уставѣ Кадетскаго корпуса говорилось: «благородную душу должно воздерживать опасе-

---

[1]) П. С. З. 5528 г. 1730. 7903, г. 1739, 9912, т. 1751, 9928, 9207, г. 1745, 16,513, г. 1787.

ніемъ... безчестія, а не страхомъ тѣлеснаго и вредительнаго наказанія» [1]).

Насколько серьезно измѣнились въ половинѣ XVIII в. взгляды общества на тѣлесныя наказанія, видно изъ замѣчаній о нихъ князя Щербатова: «Петръ, не разбирая ни роду, ни чиновъ, бивалъ приближенныхъ къ нему. Не можетъ сіе въ нашихъ обычаяхъ, имъ же введенныхъ, не странно казаться, и многіе изъ насъ восхотятъ скорѣе смертную казнь... нежели жить послѣ палокъ или плетей, хотя бы сіе и священными руками и подъ очами помазанника Божія учинено. Всякій вѣкъ имѣетъ свои нравы... а при Петрѣ Великомъ вѣкъ былъ таковъ, что побои не инако какъ по болѣзни почитали, не считая ихъ себѣ въ безчестье, хотя бы тѣ и кацкими руками были учинены. Колико находимъ мы въ разрядныхъ книгахъ, что иного высѣкли плетьми, отсылали къ тому головой, съ кѣмъ мѣстничался, или иного за какое неисполненіе приводили подъ висѣлицу и били чрезъ кацкія руки по щекамъ, именъ я не упоминаю, дабы не сдѣлать огорченія потомкамъ... А однако сіи тогда наказанія не безчестили, и они попрежнему въ чины и должности употреблялись» [2]).

Князь Щербатовъ не точно указываетъ на то, что при Петрѣ наказаніе рукою палача не безчестило (кнутъ), въ остальномъ приведенный отрывокъ можетъ послужить лучшимъ комментаріемъ отношенія къ тѣлеснымъ наказаніямъ съ половины XVIII в.; нѣтъ надобности говорить, что оно не измѣнилось и въ позднѣйшее время.

Изъ сознанія позорности тѣлесныхъ наказаній выработалось и второе условіе, содѣйствовавшее ихъ исчезновенію и бывшее логическимъ выводомъ изъ перваго,—изъятіе отъ тѣлесныхъ наказаній (привилегія). Когда тѣлесныя наказанія стали налагать на подвергшагося имъ неизгладимое клеймо

---

[1]) П. С. З. 11,908, г. 1763; 12,747, 1766 г.; 12,957, 1767 г.

[2]) *Щербатовъ.* Разсмотрѣніе о порокахъ и самовластіи Петра. Чтенія 1860. 1, стр. 15—16.

позора, высшіе вліятельные классы, по понятнымъ причинамъ, начали употреблять всѣ усилія, чтобы избѣжать ихъ и сохранить неприкосновенной свою честь, идея которой была неизвѣстна въ Московскомъ государствѣ; тамъ человѣкъ могъ лишаться званія, чина, напр. изъ высшаго разряда служилыхъ попасть въ низшій,—и только. Шельмованіе расширило это понятіе уже съ царствованія Петра Великаго, но не слѣдуетъ думать, что въ это время понятіе о чести совпадало съ современнымъ, т. е. соединялось съ представленіемъ о достоинствѣ человѣка, независимо отъ сословія и положенія, занимаемаго имъ на іерархической служебной лѣстницѣ. При Петрѣ I, какъ и въ Москвѣ, честь, что естественно вытекало изъ существовавшихъ воззрѣній, была служилая, т. е. право на почетъ обусловливалось чиномъ. Въ спорѣ съ Шафировымъ членъ иностранной коллегіи Степановъ писалъ: «Шафировъ могъ говорить, что онъ побилъ бы меня, то бъ мнѣ можно за его благодѣянія ко мнѣ снесть. Я о моей персонѣ и говорю, только характеръ канцеляріи совѣтника не допускаетъ, что не токмо побои, но и брани терпѣть» [1]). Слѣдовательно, защищался только совѣтникъ канцеляріи, а Степанова бить было можно. Въ Воинскомъ и Морскомъ Уставахъ наказуемость въ зависимости отъ чина проведена довольно послѣдовательно: въ нихъ видно желаніе освободить офицеровъ отъ тѣлеснаго наказанія, покрайней мѣрѣ, за менѣе важные проступки, такъ какъ на западѣ офицеры дворяне вовсе не подвергались тѣлеснымъ наказаніямъ,—это было приспособленіе западныхъ началъ къ русскимъ условіямъ. Рядовымъ назначались обыкновенно, шпицрутены, кошки, тогда какъ офицерамъ—штрафъ, служба за рядоваго, лишеніе чина, вычетъ изъ жалованья, отставка безъ абшида. С. М. Соловьевъ говоритъ, что малый чинъ не защищалъ передъ большимъ, гражданскіе чины давали почетъ меньше чѣмъ военные, отсюда стремленіе чиновниковъ называться

---

[1]) *Соловьевъ*. Исторія XVI, стр. 176.

военными чинами, вызвавшее указъ 1736 г., запрещавшій это подъ страхомъ лишенія чина [1]).

На ряду со служебной честью появилось понятіе о сословной, т. е. достоинство человѣка стало охраняться независимо отъ его чина, но смотря по тому, къ какому сословію онъ принадлежалъ. Начатки этого порядка наблюдаются тоже въ царствованіе Петра Великаго. Раньше, въ Москвѣ, преимущество высшихъ классовъ выражалось въ смягченіи тѣлесныхъ наказаній, теперь—въ отсутствіи его, различіе несомнѣнно коренное. Прежде всего изъ массы населенія выдѣлились знатные, къ которымъ правительство считало долгомъ отнестись съ извѣстнымъ уваженіемъ. Въ 1708 г. предписывалось съ неявившихся на службу знатныхъ брать штрафъ, малознатнымъ чинить наказаніе, и сверхъ того брать штрафъ; за подачу запрещенныхъ челобитныхъ знатные лишались чина и имѣнія, изъ нижняго чина и подлые—жестоко наказывались кнутомъ; то же подтверждено и указомъ 1740 г. Понятіе знатности опредѣляется со временемъ точнѣе, замѣняется понятіемъ «состоящихъ въ рангахъ»; такъ напр. состоящіе въ рангахъ за корчемство лишались имѣнія, подлые подвергались тѣлесному наказанію (указъ 1751 г.). Но табель о рангахъ включала въ себѣ такіе незначительные чины, что дарованіе имъ всѣмъ привилегіи изъятія отъ тѣлесныхъ наказаній едва ли могло казаться нужнымъ и приличнымъ, поэтому къ рангамъ прибавляются ограничивающія это понятіе дополненія. Въ таможенномъ уставѣ 1755 г. говорится о взысканіи штрафа съ состоящихъ на службѣ въ рангахъ изъ дворянъ [2]), словомъ имѣетъ значеніе сословная точка зрѣнія на честь. Стремленіе дворянства и болѣе вліятельныхъ классовъ населенія освободить себя отъ

---

[1]) Воинскіе артикулы 10, 38, 45, 47, 48, 64, 69, 85, 113, 114, 117, 141, 181. Военно-морской уставъ, кн. IV, ч. I, 5, 7, 9, 10, 18, 19, 25, 27, 34, 36. Кн. V, 11 и т. д. П. С. З. 3755, г. 1721. *Соловьевъ*, т. XX, стр. 258. П. С. З. 7021.

[2]) П. С. З. 2199, г. 1768, 3261, г. 1718, 8113 г. 1740. П. С. З. 9928 г. 1751, 10486, г. 1755.

тѣлесныхъ наказаній сказывается вполнѣ ясно въ проектѣ Уложенія 1754 г., гдѣ постоянно выдѣляются персоны, состоящія въ первыхъ 8 классахъ, дворяне и знатные купцы.

Освобожденіе отъ тѣлесныхъ наказаній стало въ это время завѣтнымъ желаніемъ дворянства, и когда въ 1763 г. въ комиссіи, образованной для пересмотра манифеста о вольностяхъ дворянства 1762 г.[1]), былъ составленъ проектъ дворянскаго права, о тѣлесныхъ наказаній не было забыто: комиссія, указывая на процвѣтаніе лифляндскаго и шведскаго дворянства, пришла къ выводу, что «причины для которыхъ шляхетство воспитываетъ своихъ дѣтей съ великимъ попеченіемъ суть: 1) отмѣнность въ произведеніи по достоинству его противу худородныхъ, 2) шляхтичъ никогда тѣлесно наказываемъ въ службѣ не бываетъ, тѣмъ меньше къ палачу въ руки не приходитъ, ниже имѣніе его конфискуется, развѣ преступленіе его столь тяжкое, что тому или другому необходимо подверженъ, 3) законы такъ утверждены, что служба не отягчительною дворянину кажется. Наконецъ, каждый службу свою покинуть можетъ, когда ему угодно». Слѣдовательно, свобода отъ тѣлесныхъ наказаній считалась комиссіей однимъ изъ важнѣйшихъ условій для процвѣтанія дворянства. Согласно съ этимъ взглядомъ въ § 13 проекта права дворянскаго и предполагалось постановить: «чтобы ни по какому доносу и подозрѣнію дворянинъ никакимъ образомъ штрафованъ не былъ, покуда передъ судомъ изобличенъ и виновенъ не явится, и чтобы въ отличность разночинцамъ отъ всякаго тѣлеснаго истязанія былъ онъ свободенъ». Изъ поясненія къ приведенной статьѣ проекта видно, что подъ свободою отъ тѣлесныхъ истязаній понималось какъ освобожденіе отъ тѣлесныхъ наказаній, такъ и отъ пытки, что считалось необходимымъ, такъ какъ «мучительство въ благородно-рожденномъ, по одному сумнительству и подозрѣнію ему приключенное, можетъ его, яко честолюбиваго, привести къ от-

---

[1]) *В. Н. Латкинъ.* Учебникъ исторіи русскаго права періода имперіи. Спб. 1899, стр. 127.

аянью и животъ свой вовсе пренебречь, а потому и исторнуть изъ него клевету на себя, дабы скорѣе смертію прекратить свое безчестіе, чему многіе уже на свѣтѣ и примѣры казалися» [1]).

Предположенія комиссіи перешли и въ проектъ Уложеія 1754—1766 г., въ его послѣднюю редакцію; въ III части проекта (о состояніяхъ подданныхъ вообще) подробно еречисляются привилегіи высшихъ сословій дворянства и натныхъ купцовъ по освобожденію ихъ отъ тѣлесныхъ наазаній: «дворянъ, говорится въ проектѣ, ни по какимъ преступленіямъ не пытать и пристрастному допросу не подверать, но изобличать ихъ однимъ свидѣтельствомъ и другими вными подозрѣніями и доказательствами, или въ дѣлѣ соміительномъ приводить ихъ къ присягѣ. Да и по изобличеніи икакого ихъ природѣ неприличнаго наказанія напр. кнутомъ, летьми, кошками и батогами, имъ не чинить и на казенную аботу не ссылать, имѣнія ихъ ни по какимъ дѣламъ на Іасъ не отписывать». Въ главѣ о купцахъ также постаовляется: «знатныхъ изъ нихъ купцовъ, т. е. первой гильіи кромѣ криминальныхъ преступленій и до учиненаго ими натнымъ безчестія, также гостей и первой гильдіи купцовъ ичѣмъ на тѣлѣ не наказывать» [2]). Соотвѣтственно этимъ бщимъ положеніямъ по II части названнаго проекта Уложенія (въ его 3-ей редакціи 1766 г.), система изъятій достигаетъ полной опредѣленности: наказаніе распадается на самостоятельные вида: 1) для привилегированныхъ и 2) ля подлыхъ, причемъ для первыхъ наказаніе вообще смягается съ совершеннымъ исключеніемъ тѣлесныхъ, напр. при бнаженіи оружія во дворцѣ привилегированнымъ назначается ѣчное житье въ Сибири, подлымъ же—плети и ссылка; за сору и брань—первымъ арестъ и безчестіе, подлымъ плети

---

[1]) Сборникъ русскаго историческаго общества, т. VII, стр. 243, 254.

[2]) Проектъ Новаго Уложенія, составленный законодательной коммисэй 1754—1766 г., ч. III, подъ редакц. В. Н. Латкина. Спб. 1893. ава XXII, 15, XXIII, 15.

(23,₂,₃). За насильное ополченіе—благородныхъ лишать чина на годъ или ссылать на годъ, простымъ—кнутъ; за подметныя письма о поджогахъ — первымъ назначалось лишеніе всѣхъ чиновъ и ссылка, вторымъ — кнутъ и ссылка; за похвальбу поджогомъ—тюрьма, лишеніе чина, подлымъ—плети, и т. д. Правда о дворянахъ не упоминается въ главахъ о ворахъ и татяхъ, гдѣ щедро назначаются тѣлесныя наказанія, но изъ того, что законъ постоянно говоритъ въ этой главѣ объ отдачѣ виновныхъ тѣмъ, чьи они люди (гл. 33,₄,₅), видно, что рѣчь идетъ не о благородныхъ.

Желаніе дворянства получило осуществленіе съ изданіемъ жалованной грамоты дворянству (1785 г.), въ которой привилегія изъятія отъ тѣлесныхъ наказаній формулирована въ извѣстномъ выраженіи: «тѣлесное наказаніе да не коснется благороднаго». На ряду съ дворянствомъ, по жалованной грамотѣ городамъ отъ тѣлесныхъ наказаній были изъяты именитые граждане и купцы первой и второй гильдіи [1]); понятіе сословной чести въ этихъ актахъ было уже вполнѣ воспринято законодательствомъ. Но жалованная грамота не создавала новаго, она только подтверждала практику: въ царствованіе Екатерины и до 1785 г. тѣлесныя наказанія для дворянъ и именитаго купечества по высочайшимъ конфирмаціямъ замѣнялись, обыкновенно, другими. По дѣлу о заговорѣ Гурьевыхъ и Хрущова, виновныхъ, вмѣсто смертной казни, сослали въ Камчатку и Иркутскъ (вѣчно). Въ 1768 г. Батюшковъ лишенъ чиновъ и сосланъ. Поручикъ Чефоридзевъ, замѣшанный въ дѣлѣ Мировича (хотя не сильно), вмѣсто смертной казни лишенъ чиновъ и отданъ въ солдаты въ отдаленный гарнизонъ. Въ 1775 г. подпоручикъ, подчинившійся изъ страха самозванцу, былъ наказанъ лишеніемъ чиновъ и дворянства. Конфирмируя приговоръ по дѣлу Дубровина и Кузнецова, императрица (1768 г.) отмѣнила тѣлесное наказаніе: Кузнецова велѣно сослать въ крѣпость Св. Димитрія и изъ имѣнія взять 3.000 руб. (вмѣсто кнута,

---

[1]) П. С. З. 16,188, г. 1785.

ссылки въ Сибирь и конфискаціи), Дубровина, приговореннаго къ плетямъ и ссылкѣ въ Оренбургъ, выслать на 10 лѣтъ изъ Орла и взять съ него 1.000 руб. штрафа.

Но принципіальное, выраженное въ законѣ, освобожденіе дворянства и купечества отъ тѣлеснаго наказанія не только санкціонировало практику, оно имѣло вліяніе и на дальнѣйшее движеніе законодательства. Признаніе тѣлесныхъ наказаній безчестящими, недопустимыми для лицъ, занимающихъ болѣе или менѣе высокое положеніе, вообще сдѣлало ихъ удѣломъ мелкихъ людей, на честь которыхъ не стоило обращать вниманія,—и, естественно, все, что поднималось надъ уровнемъ «подлой», сѣрой, безправной массы, стало стремиться занять такое же положеніе, какъ и названныя высшія сословія, а это стремленіе неминуемо вызывало дальнѣйшее распространеніе привилегій и слѣдовательно, стѣсненіе круга лицъ, къ которымъ тѣлесныя наказанія могли примѣняться. Освободивъ отъ тѣлесныхъ наказаній дворянъ и купцовъ, Екатерина II не обратила вниманія на духовенство, она оставила для него тѣлесныя наказанія, установивъ только частичныя смягченія: въ 1771 г. былъ изданъ Синодскій указъ духовнымъ властямъ о ненаказываніи священнослужителей тѣлесно, подтвердительно къ указу 1767 г., въ которомъ повелѣвалось, чтобы наказаніе для духовенства «всегда были соображаемы съ человѣческими немощами и добрымъ въ священствѣ поведеніемъ», почему и было предписано: «священникамъ и іеромонахамъ никакихъ на тѣлѣ наказаній не чинить» [1]). Слѣдовательно не всѣ высшія сословія получили привилегію, и духовенство, естественно, стремилось уравнять свое положеніе съ дворянствомъ и купечествомъ, что и было достигнуто въ царствованіе Павла I.

Въ царствованіе же Екатерины II въ дополненіе къ закону 1744 г. были сдѣланы значительныя облегченія для несовершеннолѣтнихъ указомъ 1763 г., который, однако, велѣно было держать въ тайнѣ и «отнюдь въ доношеніяхъ и

[1]) П. С. З. 12.909, г. 1767, 13.609, г. 1771.

сообщеніяхъ онаго не включать» — [1]), ограниченіе, вызванное желаніемъ сохранить во всей силѣ угрозу закона. Перечисленными мѣропріятіями исчерпываются всѣ ограниченія тѣлесныхъ наказаній, сдѣланныя Екатериною II, хотя императрица, не сочувствовала жестокости наказаній и поэтому отъ нея можно было ожидать болѣе рѣшительныхъ шаговъ противъ тѣлесныхъ наказаній.

Екатерина II была хорошо знакома съ произведеніями французскихъ философовъ XVIII в., въ ранней молодости она уже говорила о себѣ, какъ о «философѣ въ 15 лѣтъ»; вліяніе новыхъ гуманныхъ идей энциклопедистовъ ярче всего сказалось въ ея Наказѣ, въ которомъ главною цѣлью наказанія она ставитъ не страхъ (чѣмъ ниспровергалась вся прежняя русская практика), но стыдъ: «послѣдуемъ природѣ, давшей человѣку стыдъ, читаемъ мы въ Наказѣ, вмѣсто бича, и пускай самая большая часть наказанія будетъ безчестіе, въ претерпѣніи наказанія заключающееся». «Стыдъ не является слѣдствіемъ наказанія только въ тѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ мучительское владѣніе, которое налагаетъ одни и тѣ же наказанія на людей беззаконныхъ и добродѣтельныхъ» [1]).

Сообразно со взглядами на устыдительное значеніе наказанія въ 1774 г. за кражу казенныхъ денегъ ассессоръ Шишкинъ вмѣсто смертной казни былъ лишенъ дворянства, выведенъ на площадь передъ коллегіями съ надписью на груди: «воръ и похититель казенныхъ денегъ», поставленъ на $^1/_4$ часа у позорнаго столба и сосланъ въ Сибирь. Такая же выставка у позорнаго столба въ связи со сложной обрядностью была примѣнена при наказаніи извѣстныхъ Салтычихи и Жуковыхъ.

Кромѣ того, слѣдуя принципамъ энциклопедистовъ, императрица не могла иначе, какъ съ полнымъ осужденіемъ относиться къ жестокости наказаній. Въ отзывѣ на книгу

---

[1]) П. С. З. 12.949, г. 1767. Наказъ комиссіи о составленіи проекта новаго Уложенія. 88, 89.

Шаппъ Д'Отероша Екатерина II утверждаетъ, что жестокость наказаній заимствована русскими. Розги и кнутъ перешли къ намъ отъ римлянъ, говоритъ она, какъ и всѣ подобные ужасы заимствованы нами отъ другихъ народовъ. Сохранилась собственноручная записка Екатерины II о средствахъ помощи народу въ годину бѣдствій, въ которыхъ не маловажное мѣсто занимаетъ смягченіе наказаній [1]). Жестокость тѣлесныхъ наказаній и заставляла императрицу высказываться противъ нихъ, когда она находила это возможнымъ: въ 1771 г. она издала повелѣніе, запрещавшее бить придворныхъ служителей, гдѣ ясно выразились ея взгляды на тѣлесное наказаніе: «Мы имѣвъ въ омерзѣніи» гласитъ указъ, «всѣ суровости отъ невѣжества рожденныя и выдуманныя... повелѣваемъ... ливрейныхъ служителей нашихъ ничѣмъ не бить»; въ 1765 г. по поводу дѣла купца Ребякина, обвинявшагося въ произнесеніи непристойныхъ словъ и наказаннаго только недѣльнымъ арестомъ, императрица писала московскому главнокомандующему фельдмаршалу П. С. Салтыкову: «Спасибо графу П. С., что онъ какъ мало возможно сѣчетъ. Изволь и впредь такъ поступать», и прибавляетъ, что боялась, какъ бы купца не наказали кнутомъ [2]).

Но дѣятельность императрицы отличалась нѣкоторою двойственностью: философскіе принципы уживались со старыми порядками, отвергаемые въ теоріи средства и пріемы допускались въ дѣйствительности. Разгадка этого лежитъ въ сознаніи необходимости считаться съ окружающей обстановкой, нѣкоторомъ недовѣріи къ прочности своего положенія, желаніи сообразоваться съ господствующимъ настроеніемъ придворныхъ сферъ, для которыхъ старые порядки были устоями незыблемости и твердости государства и опасенія которыхъ какъ бы оправдывались внутренними безпорядками, серьезно

---

[1]) П. С. З. 12 600, г. 1766, 14.171, г. 1774, 15.946, г. 1784. Антидотъ, XVIII вѣкъ, кн. 4. М. 1869, стр. 294. Бумаги Императрицы Екатерины II. Сборн. Р. Ист. Об-ва, т. 42. Спб. 1885 г. № 605.

[2]) П. С. З. 13.603, г. 1771. Письма Екатерины II къ фельдмаршалу гр. П. С. Салтыкову. Р. Арх. 1886 г., кн. 3. № 59, стр. 35.

озабочивавшими Екатерину II, написавшую, вѣроятно, въ одну изъ горькихъ минутъ: «Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ Россіи было много государей—тирановъ. Народъ по природѣ безпокоенъ, неблагодаренъ, изобилуетъ доносчиками и людьми подъ предлогомъ усердія, старающимися устроить свои дѣла».

Этой двойственностью и можно объяснить нѣкоторые факты, несогласные со взглядами Императрицы. Такъ въ 1763 г. она приказывала ген. м. Порошину принять въ писцы нѣкоего полицейскаго секретаря Худенева и удерживать его отъ дерзостныхъ разговоровъ; а въ случаѣ надобности «смирять его по важности преступленія и наказывать на тѣлѣ» [1]).

Особенно тяжелымъ для Екатерины II было время Пугачевскаго бунта, и при слѣдствіи о немъ употреблялись пристрастные допросы, а при наказаніи — смертная казнь и членовредительныя наказанія, и сама императрица, отправляя 25 апрѣля 1774 г. капитановъ гвардіи Лунина и Маврина въ Казань для слѣдствія надъ бунтовщиками, только рекомендовала, «чтобы они сколько возможно при слѣдствіи отъ пристрастныхъ допросовъ воздерживались», что, конечно, далеко отъ полнаго запрещенія ихъ. Въ 1768 г. по дѣлу о возмущеніи фабричныхъ села Покровскаго императрица приказывала Чичерину: «сіе дѣло примѣрнымъ надо сдѣлать, и для того поворотитесь попроворнѣе и покруче». По всей вѣроятности императрицѣ было извѣстно, какія средства употреблялись тогдашнимъ генералъ-полицiймейстеромъ, и какъ мало соотвѣтствовали они правиламъ и духу Наказа 1766 г. [2]). Этими обстоятельствами и объясняется то, что система тѣлесныхъ наказаній не была реформирована въ царствованіе Екатерины II, — реформа казалась не соотвѣтствующей народнымъ нравамъ и строю общества, основанному на крѣ-

---

[1]) Сборникъ Русскаго Ист. Общ., т. VII, стр. 267.

[2]) Бумаги Имп. Екатерины II. Сб. Р. И. Об-ва, т. 42, 421, 456, 1885 г. Подлинныя бумаги и письма Имп. Екатерины II. Чтенія. 1860, 2, стр. 70.

постномъ правѣ; но царствованіе Екатерины имѣетъ тѣмъ не менѣе громадное значеніе, какъ эпоха, въ которую впервые положены начала изъятій, благодаря чему законодательство получило рѣшительный толчекъ, двинувшій его на путь уничтоженія тѣлесныхъ наказаній. Направленіе его пріобрѣло ясность и опредѣленность, возвратъ къ прежнему сталъ невозможнымъ, что блестяще было доказано слѣдующимъ царствованіемъ и мимолетнымъ успѣхомъ, начавшейся въ немъ реакціи въ пользу возвращенія къ началамъ Петровскихъ законовъ. Павелъ I, подозрительный и недовѣрчивый, быстро мѣнявшій свои рѣшенія, не стѣснявшійся противорѣчіями, отдаваемыхъ имъ повелѣній, долженъ былъ произвести на русское общество, привыкшее къ сдержанному и умѣлому управленію, тяжелое впечатлѣніе. «Время было самое ужасное, читаемъ въ запискахъ Д. Б. Мертваго, государь былъ на многихъ въ подозрѣніи. Тайная канцелярія была занята дѣлами болѣе вотчинной. Знатныхъ сановниковъ почти ежедневно отставляли отъ службы и ссылали на житье въ деревняхъ. Государь занялся церковными дѣлами, преслѣдовалъ раскольниковъ, разбиралъ основанія ихъ сектъ; многихъ брали въ Тайную канцелярію, брили бороды, били и отправляли на поселеніе. Словомъ, ежедневный ужасъ» [1]). Попрежнему на первомъ планѣ стало ослушаніе повелѣній, и создавались совершенно новыя, иногда весьма строго наказуемые, проступки. Въ 1799 г., напр. императоръ замѣтилъ: «что гг. офицеры ведутъ себя весьма неблагопристойно тамъ, гдѣ требуется благопристойность, и до такого невѣжества уже дошло, что во дворцѣ, въ караульномъ домѣ сидятъ въ шляпахъ и кушаютъ», за такое преступленіе назначалась ссылка въ Сибирь въ дальніе гарнизоны. Въ 1798 г. Павелъ I усмотрѣлъ развратные проступки брестскаго городничаго Пирха, который «забывъ всѣ обязанности своего служенія... публично ходилъ въ круглой шляпѣ и фракѣ», за что былъ наказанъ еще весьма милостиво: «выкинуть изъ службы». У самого

---

[1]) Записки Д. Б. Мертваго. Р. Архивъ, 1867, стр. 118.

Павла I, вѣроятно по примѣру Петра I, въ кабинетѣ, какъ свидѣтельствуетъ близко стоявшій къ нему генералъ Котлубицкій, была трость изъ воловьихъ жилъ для расправы съ приближенными. Этой тростью императоръ, почти на глазахъ у названнаго генерала, изволилъ собственноручно дать 40 ударовъ своему любимцу гр. Кутайсову, приказавъ только предварительно снять ленту [1]).

Возвращеніе назадъ въ области примѣненія тѣлесныхъ наказаній, оказавшихся въ полномъ соотвѣтствіи съ началами управленія, произошло быстро и рѣзко: еще 4 декабря 1796 г. въ силу жалованной грамоты были наказаны только ссылкой, лишеніемъ чиновъ и дворянства привилегированные, виновные въ кражѣ денегъ изъ заемнаго банка, даже непривилегированные участники были освобождены отъ кнута «изъ единственнаго человѣколюбія и милосердія».

Вскорѣ по вступленіи на престолъ новаго императора синодъ обратился съ ходатайствомъ объ освобожденіи духовенства (священнослужителей) отъ тѣлесныхъ наказаній [2]). «Не благоугодно ли будетъ Его Императорскому Величеству, говорилось въ представленіи, изъ высочайшаго милосердія повелѣть, чтобы судимыхъ въ преступленіяхъ, изъ священнаго сана впредь тѣлесно не наказывали, а отсылали по лишеніи чиновъ въ работу вѣчно или на время... ибо чинимое имъ наказаніе въ виду самыхъ тѣхъ прихожанъ, кои получали отъ нихъ спасительныя тайны, располагаетъ народныя массы къ презрѣнію священнаго сана». Императоръ согласился на исполненіе желанія духовенства и утвердилъ докладъ 9 декабря 1796 г., но дѣйствіе новой привилегіи было очень непродолжительно: 9 декабря духовенство было освобождено отъ тѣлесныхъ наказаній, а уже 3 января 1797 г. Павелъ положилъ на сенатскомъ докладѣ по дѣлу отставнаго пра-

---

[1]) П. С. З. 19.131, г. 1799. 18. 606, г. 1798. Разсказы генерала Котлубицкаго Р. Арх. 1866, стр. 1324. Разсказы о старинѣ. Р. Арх. 1868, стр. 1171.

[2]) П. С. З. 17.624, г. 1796.

порщика Рожнова, осужденнаго за произнесеніе непристойныхъ словъ противъ императора, слѣдующую резолюцію: «какъ скоро снято дворянство, такъ ужъ и привилегія до него не касается, почему и впредь поступать» [1]). Этой конфирмаціей уничтожались всѣ раньше дарованныя привилегіи, и тѣлесныя наказанія заняли то же положеніе, что и въ началѣ XVIII в.: бить могли всѣхъ безъ различія.

Но и во время Павла I было сдѣлано все же одно смягченіе тѣлесныхъ наказаній: въ 1798 г. было предписано не наказывать тѣлесно преступниковъ, достигшихъ 70 лѣтняго возраста, не клеймить ихъ, а ограничиваться ссылкой безъ наказанія [2]).

Однако, возвращеніе къ традиціямъ минувшихъ временъ не имѣло глубокихъ корней, оно поддерживалось единственно волею императора и опиралось на легко измѣняющіе свое настроеніе административные круги. «Въ сенатѣ, пишетъ объ этомъ времени И. Лопухинъ,... большаго труда стоило мнѣ успѣвать въ пощадѣ человѣчества,... потому что другіе были убѣждены, что Государю угоденъ судъ самый строгій». Лопухинъ воспользовался слухами о своей близости къ императору и благодаря этому могъ избавлять «отъ жесточайшихъ наказаній». «Ну, а послѣ нѣсколькихъ соглашеній, прибавляетъ онъ, трудно было не соглашаться: разнообразныя рѣшенія закономъ воспрещаются. Во все царствованіе Павла ни одинъ дворянинъ не былъ приговоренъ 5 Департаментомъ Сената къ тѣлесному наказанію, и вообще наказанія смягчались» [3]).

III.

Система Павла I сошла съ нимъ въ могилу. Немедленно, по вступленіи на престолъ, новый императоръ объявилъ въ манифестѣ, что будетъ царствовать по правиламъ

---

[1]) П. С. З. 17.612, г. 1796, 17.797, г. 1797.
[2]) П. С. З., 1798 г. № 18758.
[3]) Записки Лопухина. Рус. Арх. 1884, ст. 67—68.

своей Бабки, и съ 1801 г. законодательная отмѣна тѣлесныхъ наказаній пошла непрерывно. Въ 1801 г. были возстановлены статьи жалованныхъ грамотъ дворянству и городамъ, дарующія свободу отъ тѣлесныхъ наказаній и освобождено отъ нихъ духовенство, чтобы «укоренить въ немъ самомъ чувство почтенія къ себѣ и ужасъ къ пороку, которое служителямъ Всевышняго должно быть свойственно».

Александръ I, какъ и Екатерина II, по убѣжденію, былъ противъ жестокости наказаній, его личная мягкость проявлялась, напр. въ дѣлахъ объ оскорбленіи Величества, онъ весьма недвусмысленно высказался и на счетъ кнута (см. ниже), не отмѣненнаго въ его царствованіе изъ опасенія, что простой народъ сочтетъ это за отмѣну всѣхъ наказаній. Такія же опасенія слышались при появленіи каждаго законодательнаго акта, нарушавшаго привычный, хотя бы и несостоятельный порядокъ, а Александръ I не отличался энергичнымъ и рѣшительнымъ характеромъ и предпочиталъ держаться полумѣръ и компромиссовъ. Эта черта его характера сказалась, напр., и на отношеніи къ жестокому обращенію съ солдатами: совершенно не сочувствуя ему, Александръ I писалъ въ 1804 г. инспектору по кавалеріи Боуру, что «сія метода, бывъ столько же вредна для службы, сколько противна здравому разсудку, введена... или отъ непониманія или наклонности къ жестокости»... Но послѣ столь сильнаго вступленія императоръ въ концѣ рескрипта ограничивается рекомендаціей Боуру обратить вниманіе на то, чтобы «гдѣ можно» обходились безъ побоевъ и вдобавокъ «сохранить сіе повелѣніе въ одномъ только своемъ свѣдѣніи» [1]). И это было еще въ первые годы царствованія, когда императоръ думалъ о значительныхъ внутреннихъ преобразованіяхъ; еще

---

[1]) П. С. З. 19,856 и 19,885, 19,901, г. 1801. По дѣлу о богохульствѣ и дерзкихъ словахъ противъ Его Особы, императоръ утвердилъ приговоръ о наказаніи за первое „прощая совершенно въ словахъ, произнесенныхъ на мой счетъ". П. С. З, 26.602, г. 1817; 27.705, г. 1819; Чтенія. 1871, т. 2, смѣсь, стр. 22—25. Императоръ Александръ Павловичъ и его время. Рус. Старина, 1881 г., стр. 659.

меньшаго можно было ожидать во вторую половину, когда Александръ I обратилъ вниманіе, главнымъ образомъ, на вопросы внѣшней политики, а во внутреннемъ управленіи огромное значеніе получилъ Аракчеевъ. Но если крупныхъ измѣненій въ системѣ наказаній быть не могло, то все таки были устранены по личному желанію Императора нѣкоторые вопіющіе недостатки: отмѣнено въ 1817 году рванье ноздрей, введена опредѣленность въ назначеніи наказанія кнутомъ и плетьми обозначеніемъ числа ударовъ, исчезли въ приговорахъ устрашительныя выраженія: нещадно и жестоко,—продожалась и Екатерининская политика изъятій и привилегій. Такъ въ 1808 г. изъяты отъ тѣлесныхъ наказаній жены священниковъ, въ 1811 г.—простые монахи [1]).

Наиболѣе выдающимся фактомъ въ исторіи тѣлесныхъ наказаній въ царствованіе Александра I и была только что упомянутая отмѣна рванья ноздрей и обсужденіе вопроса объ уничтоженіи кнута, что представляетъ несомнѣнно новое явленіе. До этого тѣлесныя наказанія отмѣнялись по соображеніямъ сословной чести, въ формѣ привилегій. При Александрѣ I впервые зашла рѣчь объ отмѣнѣ ихъ по чрезмѣрной жестокости. Въ этомъ нельзя не видѣть, кромѣ личныхъ взглядовъ Императора, и извѣстнаго вліянія роста русской культуры, по крайней мѣрѣ, въ высшихъ слояхъ русскаго общества, лучшіе представители котораго, какъ и въ эпоху Екатерины II, высказывались противъ жестокости въ наказаніяхъ.

Въ первые годы XIX стол. по дѣлу о двухъ крестьянахъ, невинно осужденныхъ за убійство, графъ С. Румянцевъ высказалъ мнѣніе, что «торговая казнь, да рванье ноздрей и штемпелеваніе по лицу» должны исполняться не иначе, какъ по меморіи сената съ Высочайшаго утвержденія. Министръ коммерціи Н. Румянцевъ прямо заявилъ о желательности отмѣны «мучительныхъ истязаній» [2]).

---

[1]) П. С. З. 23.027, г. 1808; 24.739, г. 1811.

[2]) Чтенія, 1860 г., 4, стр. 292—5. Таганцевъ. Лекціи, стр. 1415.

Въ 1817 г. по Высочайшему повелѣнію въ Москвѣ былъ образованъ Комитетъ для сужденія объ отмѣнѣ наказанія кнутомъ и вырыванія ноздрей. Предсѣдательствованіе въ немъ было возложено на Московскаго генералъ-губернатора графа Тормасова и въ составъ его входили графъ Аракчеевъ, Новосильцевъ, князь Голицынъ, оберъ-прокуроръ Посниковъ и статсъ-секретарь Марченко.

Предсѣдатель сообщилъ Комитету мнѣніе Императора Александра I о предметѣ разсужденія Комитета, которымъ судьба кнута и рванія ноздрей была предрѣшена, а именно Александръ I находилъ, что тѣлесныя наказанія кнутомъ и рваніе ноздрей съ поставленіемъ знаковъ, «сопряжены съ безчеловѣчною жестокостью, каковой нѣтъ примѣровъ ни въ одномъ европейскомъ государствѣ,—что жестокость сія, будучи отдана, такъ сказать, на произволъ палача, не токмо не удовлетворяетъ цѣли правосудія, которая при опредѣленіи наказанія требуетъ, чтобы оно было въ точной соразмѣрности съ преступленіемъ, но большею частію находится съ оною въ противоположности—и наконецъ, что таковое ужасное наказаніе, отъ котораго преступникъ, нерѣдко, въ мучительнѣйшихъ страданіяхъ оканчиваетъ жизнь, явно противорѣчитъ уничтоженію смертной казни» и предписывалъ Комитету обсудить, какъ замѣнить это наказаніе другимъ, «которое бы, не имѣя въ себѣ ничего безчеловѣчнаго, не менѣе того устрашало преступленіе и служило для другихъ предохранительнымъ отъ впаденія въ оное примѣромъ».

Комитетъ призналъ, что законъ не долженъ мстить за преступленія, что въ наказаніи имъ преслѣдуются 2 цѣли—исправленіе и устрашеніе не только преступника, но и всѣхъ другихъ, видящихъ его наказаніе. Къ этому Комитетъ присоединялъ ставшія общими съ XVIII ст. замѣчанія, что «чѣмъ кровопролитнѣе казни, тѣмъ народъ равнодушнѣе на нихъ взираетъ; особливо, когда при совершеніи оныхъ ничто, кромѣ кровопролитія не дѣйствуетъ на воображеніе» и что главная причина преступленій «заключается большею частью въ надеждѣ на средства, коими можно избѣжать наказанія

или смягчить суровость онаго». На этомъ основанiи Комитетъ, согласно съ мнѣнiемъ Императора, полагалъ, что «лютая казнь кнута и вырѣзанiя ноздрей ни въ какомъ отношенiи не соотвѣтствуютъ симъ основанiямъ, которыя составляютъ прямую цѣль наказанiй, и заключили всѣ единогласно, что казнь сiя должна быть уничтожена, и что человѣчество и самый законъ христiанскiй того требуютъ, и возникающее образованiе и умягченiе нравовъ отвращаютъ могущiе предстоять тому препоны». Комитетъ, слѣдовательно, всецѣло раздѣлялъ взглядъ Императора и сочувствовалъ его желанiю уничтожить наказанiе кнутомъ и вырыванiе ноздрей. Но здѣсь тотчасъ же являлось препятствiе: несвоевременность отмѣны, боязнь, чтобы она не повлiяла дурно, не отразилась на увеличенiи преступленiй. Этотъ аргументъ «несвоевременности» и въ позднѣйшее время составлялъ послѣднее, но довольно вѣрное оружiе въ рукахъ лицъ, не сочувствовавшихъ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказанiй и не бывшихъ въ состоянiи отстаивать ихъ соображенiями по существу. Комитетъ находилъ, что «должно приступить къ сей перемѣнѣ съ величайшею осторожностiю, дабы скорымъ отмѣненiемъ оной и переходомъ отъ жестокаго наказанiя къ меньшему не произвесть вредныхъ и даже пагубныхъ послѣдствiй, отъ ложныхъ понятiй и кривыхъ толковъ возникнуть могущихъ.

«Законы издаются для обществъ, они должны сообразоваться съ понятiемъ и нравами тѣхъ, для кого оные составляются. Въ Россiи дворянство, духовенство и двѣ первыя гильдiи купечества избавлены отъ всякаго тѣлеснаго наказанiя; а потому наказанiе кнутомъ и вырѣзыванiе ноздрей относится единственно къ простому народу, менѣе прочихъ состоянiй просвѣщенному.—Слова выражаютъ понятiе о вещахъ и часто бываютъ приняты за самую вещь. — Въ понятiяхъ черни, наказанiя за тяжкiя преступленiя и кнутъ — суть почти однозначущiя слова; слѣдовательно, по обнародованiи вдругъ указомъ или манифестомъ (который тотчасъ примутъ за милостивый) о уничтоженiи наказанiя кнутомъ,

весьма справедливо опасаться должно, чтобы простой народъ не почелъ, что всякое наказаніе уничтожено. Легко себѣ представить, какія отъ того послѣдствія произойти могутъ, прежде нежели успѣть можно всѣхъ вразумить: ибо ни указомъ, ни манифестомъ нельзя опредѣлить всѣ роды и степени преступленій и соразмѣрныя онымъ наказанія безъ того, чтобы таковый указъ или манифестъ не составилъ самъ собою почти цѣлаго уголовнаго уложенія. Но ежели отмѣненіе наказанія кнутомъ послѣдуетъ чрезъ изданіе уголовнаго уложенія, въ коемъ кнутъ не будетъ уже болѣе орудіемъ казни, то безъ сомнѣнія, что перемѣна сія не произведетъ никакого пагубнаго послѣдствія, и всякій, видя въономъ подробное опредѣленіе родовъ и степеней преступленій съ слѣдующими за оныя наказаніями, приметъ сію перемѣну за необходимое и естественное послѣдствіе перемѣны законовъ и приноровленія оныхъ къ настоящимъ нравамъ».

Поэтому Комитетъ предположилъ, сохранивъ клейменіе, немедленно отмѣнить рванье ноздрей «такъ какъ оно установлено было въ одну осторожность отъ побѣговъ наказанныхъ преступниковъ во время ихъ пересылки и по новому устройству внутренней стражи пресѣчены всѣ средства къ таковому побѣгу», а «относительно наказанія кнутомъ, оставить оное до времени въ своей силѣ» и поручить черезъ Государственный Совѣтъ Комиссіи для составленія Законовъ въ проектѣ Уголовнаго Уложенія замѣнить наказаніе кнутомъ съ вырѣзаніемъ ноздрей «вѣчнымъ заточеніемъ или каторжною работою въ оковахъ съ обыкновеннымъ сѣченьемъ у позорнаго столба, какъ во всѣхъ европейскихъ державахъ дѣлается — безъ употребленія столь ужаснаго орудія, каковъ есть кнутъ, котораго наименованіе одно даетъ уже невыгодное понятіе объ образованности народа». Комиссія тоже должна была по мнѣнію Комитета опредѣлить «съ точностью обряды, которые при объявленіи приговора преступнику, мрачною и печальною торжественностью своею, приводя въ содроганіе сердца и поражая ужасомъ умы зрителей отвращали бы ихъ какъ отъ преступниковъ, такъ и отъ самаго

преступленія» [1]). На основаніи этого рѣшенія и состоялся въ 1817 же году законъ объ отмѣнѣ рванія ноздрей.

Какъ видно изъ приведенныхъ отрывковъ протокола засѣданій Комитета, уже въ то время начали измѣняться въ правительственныхъ кругахъ взгляды на устрашеніе: устрашеніе посредствомъ «одного кровопролитія» стало признаваться безполезнымъ, такое признаніе является очень важнымъ фактомъ, такъ какъ русская судебная практика давала возможность удостовѣриться на опытѣ въ дѣйствительности или недѣйствительности жестокихъ наказаній. Комитетъ выдвигалъ другую сторону устрашенія, сравнительно мало испытанную въ Россіи, но давно и также неуспѣшно примѣняемую въ Западной Европѣ: «мрачные и торжественные обряды» что знаменовало собою послѣднюю стадію господства устрашенія, — черезъ нѣсколько десятилѣтій и эти обряды были признаны не только безполезными, но и вредными, дѣйствующими развращающе на зрителей. Затѣмъ наиболѣе характерно въ протоколѣ — это, какъ было сказано, признаніе кнута слишкомъ жестокимъ наказаніемъ, несоотвѣтствующимъ состоянію культуры, взглядамъ общества, недостойнымъ «просвѣщеннаго народа», которое стало вообще основнымъ аргументомъ сначала противъ кнута, потомъ и другихъ тѣлесныхъ наказаній и ссылка на «несвоевременность», которая, какъ говорилось выше, тоже встрѣчалась въ протоколѣ засѣданій Комитета 1817 г.

Кромѣ отмѣны рванія ноздрей въ царствованіе Александра I произошли еще менѣе крупныя смягченія тѣлесныхъ наказаній, вызванныя соображеніями человѣчности. Въ 1822 г. запрещено наказывать кнутомъ преступника въ нѣсколькихъ мѣстахъ (см. ниже главу о кнутѣ), и въ 1822 г. же Бѣлорусскій военный губернаторъ сдѣлалъ представленіе Министру Юстиціи о томъ, что когда женщины, кормящія младенцевъ, «какъ весьма часто случается наказываются тѣлесно,

[1]) Архивъ Государственнаго Совѣта. Протоколы общихъ собраній 1824 г. 24 ноября, № 3.

порча молока подвергаетъ сихъ младенцевъ болѣзнямъ, отъ коихъ многіе изъ нихъ умираютъ и предполагалъ поэтому откладывать исполненіе наказанія до отнятія младенцевъ отъ груди». Представленіе было передано въ Комиссію для составленія Законовъ, которая и признала необходимымъ узаконить предлагаемое смягченіе. Срокъ кормленія младенца, согласно мнѣнію медиковъ, опредѣлили въ среднемъ въ $1-1^1/_2$ года, съ отступленіями въ лиіту другую сторону по обстоятельствамъ каждаго случая. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта (10 февр. 1824 г.) и было предписано отсрачивать въ такихъ случаяхъ наказаніе на $1^1/_2$ года[1]).

Согласившись отложить отмѣну кнута до изданія новаго Уложенія, Александръ I не оставлялъ мысли о необходимости возможно скорѣе уничтожить это наказаніе и въ виду крайней медленности работъ по уголовному уложенію приказалъ внести на обсужденіе Государственнаго Совѣта мнѣніе Комитета 1817 г. По прочтеніи этого мнѣнія, какъ записано въ протоколѣ засѣданія Государственнаго Совѣта, графъ Аракчеевъ[2]) объявилъ, что «какъ до свѣдѣнія Государя Императора предварительно уже были доведены сужденія Государственнаго Совѣта по сему предмету, бывшія въ послѣднихъ засѣданіяхъ онаго при разсмотрѣніи проекта уголовнаго уложенія, то Его Императорское Величество повелѣть соизволилъ внести помянутое мнѣніе бывшаго въ Москвѣ комитета въ Государственный Совѣтъ, дабы оный могъ видѣть, что вниманіе Его Величества уже давно обращено было на означенный предметъ».

При обсужденіи вопроса объ отмѣнѣ кнута была разсматриваема и извѣстная записка о кнутѣ, какъ орудіи наказанія одного изъ просвѣщеннѣйшихъ представителей александровской эпохи—адмирала Мордвинова, представлявшая очень рѣзкую, но внимательную оцѣнку этого наказанія и послужившая въ качествѣ важнаго матеріала при составленіи Уложенія 1845 г.

---

1) Архивъ Государственнаго Совѣта, 1822 № 25 по Арх. 247.

2) Архивъ Государственнаго Совѣта. Протоколы общихъ собраній. 1824 г. № 3.

Въ своей запискѣ адмиралъ Мордвиновъ указывалъ, что «съ того знаменитаго для человѣчества и правосудія времени, когда европейскіе народы отмѣнили пытки, истребили они и орудія, коими мученія производимы были. Одна Россія сохранила у себя кнутъ, орудіе, въ употребленіи бывшее при пыткахъ, коего одно наименованіе поражаетъ ужасомъ народъ россійскій и даетъ поводъ иностраннымъ заключать, что Россія находится еще въ дикомъ состояніи, безъ просвѣщенія и нравственныхъ понятій о человѣкѣ, существѣ въ высшей степени чувствительномъ.

Кнутъ есть мучительное орудіе, которое раздираетъ человѣческое тѣло, отрываетъ мясо отъ костей, мещетъ по воздуху кровавые брызги и потоками крови обливаетъ тѣло человѣка. Мученіе лютѣйшее всѣхъ другихъ извѣстныхъ, ибо всѣ другія, сколь бы болѣзненны они ни были, всегда менѣе бываютъ продолжительны, тогда какъ для 20 ударовъ кнутомъ потребенъ цѣлый часъ, и когда извѣстно, что, при многочисліи ударовъ, мученіе несчастнаго преступника, иногда невиннаго, продолжается отъ восходящаго до заходящаго солнца [1]).

При кровавомъ, паче отвратительномъ зрѣлищѣ таковаго мученія, пораженные ужасомъ зрители приводимы бываютъ въ то изступленное состояніе, которое не дозволяетъ ни мыслить о преступникѣ, ни разсуждать о содѣланномъ имъ преступленіи. Каждый зритель видитъ лютость мученія и невольно болѣзнуетъ о страждущемъ, себѣ подобномъ. Меньшей степени было бы его пораженіе, менѣе лютѣйшимъ нашелъ бы онъ наказаніе, когда бы видѣлъ острый ножъ въ рукахъ палача, которымъ бы онъ разрѣзывалъ тѣло человѣческое, вмѣсто того, что онъ пролагаетъ полосы ударами терзающаго кнута. При наказаніи кнутомъ многіе изъ зрителей плачутъ, многіе

---

[1]) Въ первоначальной редакціи къ этому мѣсту была сдѣлана еще одна весьма интересная приписка: «сила кнута есть столь велика, что возможно оными сокрушить каменную стѣну. Искусство палача дознается, когда онъ ударомъ кнута вырываетъ кирпичъ изъ стѣны; а тайнымъ назначеніемъ, когда двумя ударами онъ можетъ умертвить человѣка».

даютъ наказуемому милостыню, многіе, если не всѣ, трепещутъ и негодуютъ на жестокость мученія.

Кнутъ, по своему составу, по долговременности своего дѣйствія, по глубокимъ язвамъ, имъ содѣлываемымъ, и по преданію преступника на волю палача въ умѣренности или жестокости наказанія, не долженствовалъ бы быть орудіемъ исправительнаго наказанія. Онъ былъ и есть орудіе мученія, которое донынѣ было частымъ и особымъ зрѣлищемъ для россійскаго народа и которое потому только существовало, что вышнія правительственныя лица никогда ни присутствовали при сихъ безчеловѣчныхъ и предосудительныхъ для вѣка нашего истязаніяхъ.

Доколѣ кнутъ существовать будетъ въ Россіи, втуне мы заниматься будемъ уголовнымъ уставомъ. Съ кнутомъ въ употребленіи напрасны будутъ уголовные законы, судейскіе приговоры и точность въ опредѣленіи наказанія. Дѣйствіе законовъ, исполненіе приговора и мѣра наказанія останутся всегда въ рукахъ и волѣ палача, который стами ударами содѣлаетъ наказаніе легкимъ, десятью—жестокимъ и увѣчнымъ, если не смертельнымъ. Какъ сила наказанія зависитъ отъ палача, то обыкновенно онъ торгуется съ присужденнымъ къ оному, и требованія его всегда бываютъ велики. Есть примѣры, что платили ему до 10 т. рублей, чтобы не изувѣчить или менѣе мучительнымъ сдѣлать наказаніе.

Законъ христіанскій, нами исповѣдуемый, возбраняетъ мученія, научаетъ кротости и милосердію и началомъ всѣхъ добродѣтелей предпоставилъ любовь къ ближнему, къ человѣку, который носитъ на себѣ печать величія и благости Творца».

По этимъ основаніямъ адмиралъ Мордвиновъ предлагалъ уничтожить наказаніе кнутомъ, замѣнивъ его выставкой у позорнаго столба съ дополнительными обрядами, имѣющими цѣлью возбудить чувство презрѣнія къ преступленію, такъ какъ, по его мнѣнію, усиленіе ссылки въ каторгу дополнительнымъ тѣлеснымъ наказаніемъ не болѣе, какъ излишняя и потому безполезная жестокость.

«И для чего терзать, писалъ Мордвиновъ, тѣло того, который лишается свободы, осуждается вѣчно въ тяжкую работу и который съ потерею всѣхъ правъ гражданскихъ и съ расторженіемъ всѣхъ связей семейственныхъ и родственныхъ, изъ человѣка, коему природа предопредѣлила наслажденія жизни, превращается въ существо, какъ бы, въ составѣ своемъ сокрушенное, духомъ и тѣломъ, уже страждущее и вѣчно на страданіе осужденное?» [1]).

Но въ Государственномъ Совѣтѣ результаты обсужденія цѣлесообразности и полезности примѣненія кнута были нѣсколько иные, чѣмъ въ Комитетѣ 1817 г. Тамъ члены единогласно пришли къ заключенію о непригодности этого наказанія, здѣсь, несмотря на ясно выраженное мнѣніе Императора и краснорѣчивую записку адмирала Мордвинова, сторонники прежней системы наказаній не нашли возможнымъ согласиться на предполагаемую реформу: изъ 18 присутствовавшихъ членовъ 4 высказались за сохраненіе кнута, одинъ не подалъ голоса, что указывало на существованіе весьма стойкаго меньшинства.

Разсужденія о кнутѣ [2]), впрочемъ, какъ и въ 1817 г., не имѣли ближайшихъ результатовъ, такъ какъ Государственный Совѣтъ ограничился постановленіемъ: «мнѣніе сіе передать члену Совѣта по Департаменту законовъ тайному совѣтнику Сперанскому съ тѣмъ, чтобы присоединить оное для соображенія къ проекту отъ Комиссіи законовъ по сему предмету представленному» [3]).

IV.

Царствованіе Николая I было послѣднимъ, въ которомъ карательная система основывалась на тѣлесныхъ наказаніяхъ, потерявшихъ въ 1845 г., съ отмѣной кнута, значительную

---

[1]) Архивъ гр. Мордвиновыхъ, т. IV. Чтенія. 1859, IV. Смѣсь, стр. 23.

[2]) Таганцевъ. Русское Уголовное Право, II, стр. 1109.

[3]) Архивъ Государственнаго Совѣта. Протоколы общихъ собраній, 1824 г. № 3.

долю жестокости, но не умалившихся по числу случаевъ п[
мѣненія. Тѣлесное наказаніе, считалось безусловно необ[
димымъ, какъ наказаніе по суду и какъ дисциплинар[
взысканіе и то, что тѣлесныя наказанія потеряли при [
колаѣ I въ интенсивности, они сохранили въ экстенсивно[
Уступка духу времени была сдѣлана въ смягченіи наказа[
(отмѣнѣ кнута, въ урегулированіи числа ударовъ пле[
сознаніе опасности, представляемой тѣлесными наказанія[
повело къ ряду узаконеній, обезпечивающихъ соотвѣтс[
наказанія съ силами преступника, самый же принципъ о[
вался непоколебленнымъ, что объясняется господствующ[
въ представителяхъ администраціи убѣжденіемъ въ цѣл[
образности такого порядка и личными взглядами Импера[
Николая I, сознавшаго необходимость реформъ, но под[
живавшаго старое изъ боязни вызвать опасное политиче[
броженіе. Средствомъ поддержать начавшее давно разруша[
зданіе была строгость и сила; ими пользовались въ широ[
размѣрахъ, чтобы воспрепятствовать проявленію непріят[
направленій общественной мысли, хотя становившаяся
болѣе и болѣе ясной непригодность старыхъ наказаній
ставляла иногда прибѣгать даже къ обходу закона. Н[
въ 50 годахъ самъ Императоръ Николай I приказалъ н[
зать провинившагося на смотру солдата, приговореннаг[
3000 шпицрутеновъ, только «примѣрно», т. е. его провел[
зеленой улицѣ, но шпицрутенами не били, а только каса[
тѣла.

Въ 40—50 годахъ, по свидѣтельсву кн. Имеретинс[
солдаты, по крайней мѣрѣ, гвардейскіе тяготились шпи[
тенами. «Большинство било очень легко... не взирая на стр[
приказаніе; не только офицеры, но даже фельдфебеля смот[
сквозь пальцы на исполненіе, многіе отворачивались» [1])

Но все же прежняя система считалась непоколебим[

---

[1]) За много лѣтъ. Воспоминанія неизвѣстнаго. Рус. Старина, 1[
іюль, стран. 112. Воспоминанія кн. Имеретинскаго. Рус. Стар. 1[
стр. 29.

защищалась даже въ юридической литературѣ офиціальными представителями науки, напр. проф. Баршевъ въ курсѣ уголовнаго права, изданномъ въ 1841 г., писалъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ: «Членовредительныя наказанія встрѣчаются... у народовъ зарождающихся... вслѣдствіе буквальнаго понятія о законѣ возмездія... для познанія людей уже наказанныхъ... кромѣ того для большаго устрашенія. Болѣзненныя наказанія не годились бы... если бы въ нынѣшнихъ государствахъ всѣ дѣйствительно были такъ чувствительны къ чести, какъ говорятъ, и не было бы ни одного несовершеннолѣтняго; но между низшими классами народа нѣтъ ни такого тонкаго чувства, ни, говоря вообще, совершеннолѣтнихъ... Высидѣть годъ въ тюрьмѣ едва ли кто изъ простого народа согласится охотнѣе, нежели перенести легкое тѣлесное наказаніе. Въ наукѣ... практической не должно высказывать ни одного положенія, не прислушиваясь къ опыту.... Но изъ опыта можно вывести даже то, что лишеніе свободы... могло бы быть для многихъ не милостью, а... одной изъ самыхъ надежныхъ мѣръ устрашенія. Только одно безотчетное предрасположеніе къ лишенію свободы... могло такъ вооружить противъ тѣлеснаго наказанія». [1])

Внѣ офиціальныхъ сферъ, въ общественномъ мнѣніи тѣлесныя наказанія вызывали въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ прежде и въ болѣе широкихъ кругахъ населенія не «спасительный страхъ», а ужасъ и отвращеніе вмѣстѣ съ сожалѣніемъ къ преступнику.

Само правительство вполнѣ сознавало съ 20 годовъ XIX столѣтія неумѣстность кнута, благодаря которому за границей особенно подчеркивалось варварство и дикость русскихъ. Въ 1832 году сынъ маршала Даву кн. Экмюльскаго, будучи въ Москвѣ, тайно купилъ у заплечнаго мастера кнутъ, вслѣдствіе чего 22 сентября этого года состоялось секретное предписаніе министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ съ ука-

---

[1]) Баршевъ. Общія начала теоріи и законодательства о преступленіи и наказаніи, часть II. Москва 1841, § 37.

заніемъ на этотъ случай и сообщеніемъ, что «Его Им торское Величество повелѣть всемилостивѣйше соизв впредь ни кнутовъ, ни заплечныхъ мастеровъ никому н казывать» [1]. Изъ этого указа ясно, что правительство чув вало себя неловко, пользуясь давно отжившими свое орудіями тѣлесныхъ наказаній, но, по традиціи, подчи идеѣ о спасительности битья и устрашенія, не рѣшало коренные реформы.

Правительство всетаки должно было дѣлать уступки времени, чтобы не оказаться въ полномъ разладѣ съ устан шимися взглядами. Въ обществѣ всѣ тѣлесныя нака считались позорными, несовмѣстными съ принадлежност высшимъ классамъ, и правительство въ царствованіе колая I окончательно стало на ту же точку зрѣнія: тѣл наказаніе было признано непреодолимымъ препятст для производства въ офицеры: въ 1831 г. дозволено изводить въ унтеръ офицеры, отданныхъ въ военную с послѣ тѣлесныхъ наказаній, съ тѣмъ, чтобы нак отмѣчалось въ формулярныхъ спискахъ, чтобы они ни образомъ не попали въ офицеры. Препятствіемъ для ной службы вообще осталось тѣлесное наказаніе палача: въ 1831 г. приказано было отдать въ со всѣхъ ссылаемыхъ на поселеніе до 30 возраста, кромѣ лично наказанныхъ; отступленія отъ этого правила лись лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда выполненіе его был выгодно для правительственныхъ интересовъ: такъ, въ 18 повелѣвалось возвращать на службу солдатъ, которые, с свое званіе подъ именемъ бродягъ, поселенцевъ или бѣ каторжниковъ, были наказаны плетьми, такъ какъ они шляютъ получить какъ бы отставку посредствомъ прет нія легкаго наказанія [2].

---

[1]) Дневникъ В. Никитенко. Р. Ст. 1889 г. т. 64 стр. 322—3 т. 65, стр. 50. Изъ записокъ сенатора К. Н. Лебедева. Р. Архив. кн. 2, стр. 135 Р. Стар. 1887 г., т. 56, стр. 216.

[2]) П. С. З. 4379, г. 1831. 10.155, г. 1837.

Такимъ образомъ, къ этому времени взглядъ на позорность всѣхъ тѣлесныхъ наказаній сталъ общераспространеннымъ, и ихъ примѣненіе проводило ясную демаркаціонную линію между высшими и низшими.

При такихъ обстоятельствахъ и въ царствованіе Николая I непрерывно продолжалось вымираніе тѣлесныхъ наказаній, тѣми же способами какъ и въ предшествовавшее царствованіе—путемъ образованія новыхъ привилегій изъятія и смягченія тѣлесныхъ наказаній.

При Александрѣ Первомъ не было закончено освобожденіе отъ тѣлесныхъ наказаній послѣдняго высшаго сословія—духовенства, такъ какъ привилегія изъятія была распространена лишь на самихъ духовныхъ лицъ, но не на ихъ потомство. Въ 1835 г. были освобождены поэтому отъ тѣлесныхъ наказаній дѣти священнослужителей, такъ какъ имъ было предоставлено пользованіе служебными правами наравнѣ съ дѣтьми личныхъ дворянъ, и, кромѣ того, наказаніе возводило бы позоръ на родителей, и, слѣдовательно, только отчасти достигалась бы цѣль освобожденія духовенства отъ тѣлесныхъ наказаній [1]). Церковнослужители не входили въ число изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній до 1863 г.

Но сословная точка зрѣнія не могла удержаться въ XIX в.: привилегіи начали распространяться уже не по однимъ сословнымъ соображеніямъ, а по болѣе широкимъ основаніямъ: на признаніи чести, какъ нравственнаго достоинства человѣка,—это основаніе привилегій ярче всего выразилось въ изъятіи отъ тѣлесныхъ наказаній по образованію. Большой интересъ въ этомъ отношеніи представляютъ замѣчанія членовъ государственнаго совѣта по поводу освобожденія отъ тѣлесныхъ наказаній по диплому тѣхъ или иныхъ учебныхъ заведеній (1847 г.); государственный совѣтъ указывалъ здѣсь, что лица, получившія образованіе, «хотя и не принадлежащія къ привилегированнымъ состояніямъ, по своему положенію въ обществѣ и воспитанію не могли

---

[1]) П. С. З. Т. X 8450, г. 1835.

бы быть подвергнуты сему наказанію безъ тяжкаго для н
посрамленія»; семинаристы освобождались въ виду того,
«могутъ быть священниками и учителями или поступить
гражданскую службу, т. е. для поддержанія въ народѣ
женія къ духовному сану и для возвышенія въ нихъ са
чувства собственнаго достоинства». Государственный Со
предполагалъ ограничиться изъятіемъ двухъ первыхъ разря
семинаристовъ, что вызвало возраженіе статсъ-секретаря
рона М. Корфа, въ которомъ отразились воззрѣнія луч
части общества на тѣлесныя наказанія: онъ предпола
распространить изъятіе на всѣхъ окончившихъ: «курсъ н
предначертанный для семинарій, обезпечиваетъ такое о
зованіе, при которомъ чувство чести не можетъ ост
не возвышеннымъ, съ развитіемъ же сего чувства тѣл
наказаніе по неразлучному понятію его унизительности
новится болѣе сугубымъ и уничтожитъ, можетъ быть,
возвратно облагораживающую человѣка пользу нау
нравственнаго образованія». Министръ юстиціи гр. Па
вполнѣ присоединяясь къ мнѣнію барона Корфа, пр
жилъ дополнить списокъ изъятыхъ «лицами женскаго
для которыхъ тѣлесное наказаніе при нѣкоторомъ от
тельно равномъ образованіи еще посрамительнѣе и у
веннѣе». Графъ же Панинъ предложилъ распростр
изъятіе и на получившихъ свидѣтельство на званіе до
няго учителя и на женскія учебныя заведенія, сост
подъ высочайшимъ покровительствомъ.

Результатомъ приведенныхъ преній было, что къ изъя
отъ тѣлесныхъ наказаній окончившимъ гимназіи, среднеуч
заведенія и высшія учебныя заведенія или не окончив
ихъ, но не по предосудительнымъ причинамъ, лицамъ,
стоеннымъ званія дѣйствительнаго студента, или у
степени или свидѣтельства на званіе домашняго учи
лицамъ женскаго пола, окончившимъ въ учебныхъ заведен
подъ покровительствомъ Государыни Императрицы или
новъ Императорскаго Дома состоящихъ, или удостоев
свидѣтельства на званіе домашней учительницы были

иены семинаристы, окончившіе съ успѣхомъ курсъ
ія [1]).

Эснованіемъ для привилегій здѣсь берется, какъ замѣ-
, не только принадлежность къ тому или другому со-
ю, а всякое положеніе человѣка въ обществѣ, которое
овало уваженія къ нему со стороны другого и предпо-
ю развитое чувство чести, «сознаніе собственнаго до-
нства». Когда законодательство приняло указанный
щипъ, число привилегій должно было чрезвычайно бы-
возрасти. По своду 1833 года изъятыми считались
, имѣющія несомнѣнныя доказательства объ ихъ дво-
твѣ, личные дворяне, дворяне иностранные и сул-
сибирскихъ киргизовъ (ст. 82—86), священнослу-
ли грекороссійскаго исповѣданія, ихъ жены и вдо-
кромѣ вступившихъ во второй бракъ съ неизъя-
, монахи, духовныя лица иностранныхъ христіанскихъ
вѣданій, согласно съ ихъ уставами, высшіе чины маго-
нскаго таврическаго духовенства (ст. 87—92), почетные
дане, купцы 1 и 2 гильдіи, ихъ жены и дѣти въ се-
омъ капиталѣ при нихъ состоящія; нѣжинскіе греки,
ане и купцы 3-й гильдіи подлежали тѣлеснымъ нака-
мъ только по приговору уголовныхъ судовъ, такъ какъ
сное наказаніе влекло для нихъ лишеніе добраго имени,
раго они по городовому положенію 1785 г. апр.
ст. 84, 86 лишены безъ суда быть не могли (93—96
пм.) и нѣкоторые другіе разряды сельскихъ должност-
ь лицъ и нижнихъ чиновъ (ст. 97—101). Въ Сводѣ
2 г. на ряду съ лицами, изъятыми отъ тѣлесныхъ на-
ній по состоянію, появляются уже значительные разряды
изъятыхъ по особымъ постановленіямъ: воспитан-
технологическаго института, лица свободнаго подат-
состоянія, окончившіе съ успѣхомъ курсъ наукъ ре-
ыхъ классовъ при гимназіяхъ и уѣздныхъ училищъ,
ики школы межевщиковъ при лѣсномъ институтѣ, прак-

[1]) Архивъ Госуд. Совѣта Дѣла II отдѣленія, 50, 1847 г.

тическіе экономы горыгорѣцкой школы и т. д. Нѣсколько новыхъ группъ изъятыхъ прибавляется и Уложеніемъ 1845 г. [1]).

Въ 1848 г. согласно съ Высочайшимъ повелѣніемъ 1841 г. женщины-мусульманки въ Закавказьѣ признаны не подлежащими тѣлеснымъ наказаніямъ публично; въ 1850, отъ тѣлесныхъ наказаній были освобождены низшія духовныя лица мусульманскаго исповѣданія [2]).

Наконецъ, въ послѣднемъ изданіи Уложенія 1885 г. въ приложеніи помѣщено длинное перечисленіе изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній (ст. 2): 15 категорій въ 3 ст., 4 категоріи въ 4 ст., 38 разрядовъ въ 5 ст. и 11 въ ст. 6, всего 68 категорій; до такой внушительной цифры дошло законодательство шагъ за шагомъ, съ 1785 до 1885 г., т. е. въ теченіе столѣтія, исключая изъ числа наказываемыхъ тѣлесно по всевозможнымъ основаніямъ.

Вымираніе тѣлесныхъ наказаній происходило и путемъ ихъ смягченія; въ этомъ направленіи законодательство шло медленно, но вѣрно. Болѣзненныя тѣлесныя наказанія переходили постепенно изъ тяжкихъ въ болѣе легкія: кнутъ замѣнился плетьми, плети въ свою очередь удержались недолго, теперь остались розги. Это смягченіе, идущее рука объ руку съ культурнымъ развитіемъ общества, первоначально обусловливалось, главнымъ образомъ, соображеніями полезности: членовредительныя наказанія отмѣнялись, чтобы сохранить рабочую силу преступника, кнутъ уступалъ мѣсто плетямъ, чтобы сохранить отъ безчестія, дѣлавшаго для преступ-

[1]) По Уложеніи 1845 г. къ изъятымъ отъ тѣлесныхъ наказаній, кромѣ перечисленныхъ прежде группъ (12 группъ по состоянію), прибавлены: литераты ихъ вдовы, иностранные гости, вдовы потомственныхъ дворянъ, вышедшія замужъ за неизъятыхъ, по особымъ постановленіямъ, окончившіе курсъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, особенно поименованныхъ, престарѣлые свыше 70 лѣтъ, нижніе чины со знаками отличій; на время состоянія въ должностяхъ: 1) мѣщане, 2) станціонные смотрители и 3) ливрейные лакеи Высочайшаго Двора и т. д. С. З. 19.856, 19.885, г. 1801.

[2]) Архивъ Госуд. Совѣта. Дѣла II отдѣленія, 48, 1848; 170, 1848—1850.

ика невозможной военную службу. Мысль о пользѣ реобладала въ эпоху, когда только что стало замѣчаться эитическое отношенiе къ тѣлеснымъ наказанiямъ; впослѣдтвiи смягченiе ихъ вызывалось по большей части соображеiями человѣчности, противорѣчiемъ тѣлесныхъ наказанiй съ становившимися въ обществѣ воззрѣнiями и вызываемаго ми болѣе снисходительнаго отношенiя къ преступнику.

Послѣднее вызывало смягченiе тѣлесныхъ наказанiй устаэвленiемъ возможно точнаго соотвѣтствiя ихъ съ силами реступника. По Своду законовъ, о малолѣтнихъ (до 17 лѣтъ), эвершившихъ преступленiя, караемыя кнутомъ и каторгой, энату предоставлялось постановлять приговоры по благомотрѣнiю, за менѣе важныя преступленiя малолѣтнiе въ зрастѣ отъ 15 до 17 лѣтъ присуждались совѣстными суми или уголовными палатами къ плетямъ, 10—15 лѣтiе—къ розгамъ, 10 лѣтъ и ниже отдавались родителямъ а исправленiе (ст. 125, 126), слѣдовательно, какъ и раньше, нутъ къ нимъ не примѣнялся [1]). Въ изданiи 1842 г. Сводъ хранякетъ срокъ малолѣтства до 17 л. (ст. 137) и безусловной эвмѣняемости въ 10 лѣтъ. Значительное измѣненiе внесено эставленiемъ наказанiя малолѣтнихъ въ зависимость отъ азрѣшенiя вопроса о разумѣнiи, который полагалось стаить о малолѣтнемъ въ возрастѣ 10—14 лѣтъ: признанные ѣйствовавшими съ разумѣнiемъ могли быть наказаны по бщимъ законамъ, хотя они во всякомъ случаѣ избавлялись тъ наказанiя кнутомъ и плетьми (публично) и каторжныхъ аботъ; признанные дѣйствовавшими съ разумѣнiемъ въ эзрастѣ отъ 14 до 17 лѣтъ освобождались только отъ тѣэсныхъ наказанiй, но не отъ каторги. Уложенiе 1845 г. азначало малолѣтнимъ (10—14 л.), признаннымъ дѣйствоавшими съ разумѣнiемъ, взамѣнъ каторжныхъ работъ—поленiе безъ тѣлесныхъ наказанiй, вмѣсто поселенiя—заклюнiе въ монастырь или смирительный домъ отдѣльно отъ рослыхъ; тѣлесныя наказанiя отмѣнялись для нихъ и за

1) Сводъ Зак. XV, ст. 127, изд. 1832.

ненie каждаго преступленія. Несовершеннолѣтніе (14—21 наказывались тѣлесно, но наказаніе исполнялось не п чами, а при полиціи, и вмѣсто плетей назначались р Кромѣ того, малолѣтніе и несовершеннолѣтніе не подле клейменію (ст. 144—146). Въ 1847 г. Министерст Юстиціи было признано въ разъясненіе подлежащихъ ст Уложенія 1845 г., что малолѣтніе и несовершеннолѣтніе п зуются смягченіемъ тѣлесныхъ наказаній въ который бы ни совершили преступленія [1]. Старики, достигшіе 70 л не подлежали тѣлесному наказанію и клейменію.

Тѣлесныя наказанія, были вредны для здоровья, опа для жизни. Эта сторона впервые обратила на себя вним при наказаніи шпицрутенами. Въ царствованіе Никола когда тѣлесныя наказанія стали признаваться все болѣе и бо жестокими, правительство озаботилось принятіемъ мѣръ, п дупреждающихъ насколько возможно послѣдствія наказа не предусмотрѣнныя судебнымъ приговоромъ, зависящія случайности его выполненія, или особенностей органи наказуемаго. Въ 1832 году постановлено, чтобы док являлись по призыву полиціи для поданія помощи наказанн

Въ 1833 г. графъ Блудовъ вошелъ въ государствен совѣтъ съ представленіемъ объ освобожденіи отъ тѣлесн наказаній одержимыхъ падучею болѣзнью, но затѣмъ въ в того, что «кромѣ падучей есть, еще и другія хрониче болѣзни, по коимъ преступники могутъ быть освобожда отъ тѣлесныхъ наказаній по причинѣ могущей произойти того опасности для самой ихъ жизни», графъ Блудовъ в свое представленіе обратно и внесъ другое, общее, на о ваніи котораго и былъ изданъ въ 1833 же году закон объ облегченіи наказанія преступниковъ, одержимыхъ н торыми неизлѣчимыми болѣзнями, перечисленными въ зак ихъ ссылали на каторгу и поселеніе безъ наказанія; вм полицейскаго наказанія плетьми назначались розги. Въ

[1]) Архив. Госуд. Совѣта. Дѣла II отдѣленія, 101, 1847 г.

[2]) Арх. Государственнаго Совѣта. Департаментъ закон. 1833 г. 46

инском свидѣтельствѣ должно было обозначаться, что ѣзнь неизлѣчима, и что тѣлесное наказаніе можетъ подвнуть жизнь опасности. Въ 1851 г. въ дополненіе постаеній свода, основанныхъ на приведенномъ законѣ, предано, чтобы при исполненіи приговора находился всегда ъ; если, по его мнѣнію, преступникъ по внезапно причившейся болѣзни или слабости не въ состояніи вынести оженнаго числа ударовъ, наказаніе должно быть отложено излѣченія или облегченія болѣзни; свидѣтельство врача лежало контролю врачебной управы; по выздоровленіи азаніе продолжалось безъ сопутствующаго ему, уже выненнаго обряда, выставленія у позорнаго столба. Этому ону предшествовало обсужденіе во II отдѣленіи и въ гоарственномъ совѣтѣ, причемъ гр. Блудовъ указалъ, что и наказаніи розгами можетъ быть обморокъ или болѣзнь, въ виду того, что призывать врача при наказаніи розгами добно, предложилъ сдѣлать въ такихъ случаяхъ обязаьной для полицейскаго чиновника пріостановку наказанія ризывъ врача въ сомнительныхъ случаяхъ. Относительно мени отсрочки при излѣчимой болѣзни гр. Блудовъ предагалъ ввести опредѣленный срокъ для пріостановокъ и едѣлитъ болѣзни, на что медицинскій совѣтъ далъ заченіе, что такъ какъ тѣлесныя наказанія нарушаютъ равленія важнѣйшихъ органовъ, особенно уже пораженъ болѣзнью и особенно при худосочіи развиваютъ злоественныя воспаленія, то для точнаго опредѣленія такихъ чаевъ пришлось бы перечислить почти всѣ извѣстныя ѣзни, и призналъ возможнымъ поэтому ограничиться только ымъ общимъ положеніемъ. Для предупрежденія же злоупотребленій предполагалъ требовать отъ врача подробно ивированное свидѣтельство, которое контролировалось бы чебной управой. Въ 1855 г. слабосильные арестанты, въ ъ числѣ и женщины, были освобождены отъ наказанія тьми [1]).

[1]) П. С. З. VII. 5320, г. 1832. 7551, г. 1833. 25. 740, г. 1851. а II отдѣленія № 105, г. 1850, № 132, г. 1850. П. С. З., т. XXX, 035. г. 1855. Въ 1855 г. для военно-служащихъ были утверждены

Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта по этому вопросу не было обнародовано, но сообщено министромъ Внутреннихъ Дѣлъ негласнымъ образомъ всѣмъ начальникамъ губерній, которымъ предписывалось въ случаѣ, если преступникъ «по слабому тѣлосложенію очевидно не въ состояніи перенести всей тягости присужденнаго ему наказанія плетьми, такъ что исполненіе приговора могло бы лишить его жизни, или, покрайней мѣрѣ, силъ, необходимыхъ ему для предстоящаго пути до мѣста ссылки и для работъ, къ которымъ онъ присужденъ», назначать освидѣтельствованіе его 2 или 3 врачами, затѣмъ отправлять для освидѣтельствованія во врачебной управѣ и представлять заключеніе ея объ освобожденіи отъ наказанія Министру Внутреннихъ Дѣлъ; послѣдній по соглашенію съ Министромъ Юстиціи долженъ былъ представлять это заключеніе черезъ Комитетъ министровъ на Высочайшее благоусмотрѣніе [1]).

Но не отъ одныхъ условій здоровья и силъ преступника могла усиливаться или уменьшаться тяжесть тѣлеснаго наказанія: она измѣнялась по временамъ года, прямо по погодѣ. Напр. сильный вѣтеръ, подымающій облака пыли, нагоняющій ее на наказываемаго шпицрутенами, неизбѣжно усиливалъ мучительность наказанія и затруднялъ выздоровленіе; не одно и то же было наказаніе лѣтомъ или зимою на морозѣ, когда полуобнаженному преступнику приходилось опасаться не только послѣдствій наказанія, но и смертельной простуды; уже одно это дѣлало изъ примѣненія наказанія своего рода лотерею, въ которой счастливый номеръ могъ выпасть на самаго тяжкаго преступника и об-

---

правила, по которымъ приговоренные къ наказанію отсылались въ госпиталь или врачебныя управы для освидѣтельствованія, могутъ-ли они быть подвергнуты тѣлесному наказанію безъ опасности для жизни. При признаніи излѣчимости болѣзни, наказаніе отлагалось до выздоровленія, если-же болѣзнь оказывалась неизлѣчимой,—наказаніе совершенно отмѣнялось. — Джаншіевъ, Г. Изъ эпохи великихъ реформъ. М. 1893, стр. 193.

[1]) Арх. Государствен. Совѣта. Департаментъ закон. 1855 г. № 3082.

ѣгчить его участь, въ то время какъ несравненно менѣе иновный могъ погибнуть отъ непредвидѣнной случайности. ишь въ 1848 г. (за 15 лѣтъ до закона 1863 г.), состоялся циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, обращающій ниманіе на то, что арестанты «оставаясь во время наказанія обнаженными, въ случаѣ значительныхъ морозовъ, подэргаются сильнымъ простуднымъ болѣзнямъ, что лѣченіе о причинѣ ослабленія силъ послѣ наказанія сопряжено съ ольшими затрудненіями», поэтому приказывалось «но соершенно секретнымъ образомъ, чтобы при сильныхъ морохъ, напр. превышающихъ 10°, особенно, когда при томъ ываетъ вьюга или сильные вѣтры», не производить наканія [1]). Но и этотъ циркуляръ, предвидѣвшій только крайіе случаи (вьюгу, морозъ), не гарантировалъ наказуемаго тъ печальныхъ случайностей. Уваженіе къ старинѣ, подерживавшей тѣлесныя наказанія, боязнь ослабить «страхъ» акона заставляли правительство, несмотря на убѣжденіе ь невозможности выполнять тѣлесныя наказанія, какъ дѣлаось прежде, держать въ секретѣ свои предписанія.

Важнѣйшее смягченіе тѣлесныхъ наказаній въ царствоаніе Николая I касалось кнута, на который, какъ видно зъ предыдущаго изложенія, вниманіе правительства было бращено съ 1817 г. Въ 1829 г. состоялось секретное потановленіе, которымъ предписывалось не назначать болѣе 50 ударовъ; затѣмъ — кнутъ перешелъ и въ Сводъ Законовъ ъ нѣкоторымъ только ограниченіемъ числа случаевъ его примѣненія. Въ такомъ положеніи дѣло оставалось до изданія новаго Уголовнаго Уложенія въ 1845 г. При составленіи проекта его, вопросъ о наказаніи кнутомъ выдвинулся снова, такъ какъ въ 1817 г. онъ былъ отложенъ до изданія новаго Уложенія, почему при составленіи проекта Уложенія 1845 г. и приходилось принять окончательное рѣшеніе. Главное наказаніе, бывшее такъ долго оплотомъ правосудія, должно

---

[1]) Предписаніе Управы благочинія 5 іюня 1848. Студенкинъ, заплечные мастера, Р. Стар. 1873 г.

было въ виду имѣвшихся уже противъ него заключенія Государственнаго Совѣта и Высочайшаго повелѣнія императора Александра I, навсегда исчезнуть, тѣмъ болѣе, что соображенія противъ жестокости этого наказанія къ 40 годамъ пріобрѣли еще большую силу и значеніе. Отлагать вопросъ было нельзя, нужно было рѣшить его, и защитники кнута выступили на этотъ разъ вполнѣ опредѣленно и открыто и оказались достаточно сильными и вліятельными для того, чтобы сдѣлать уничтоженіе кнута на нѣкоторое время даже спорнымъ. Такъ какъ несомнѣнно, что уничтоженіе кнута выдвигало вопросъ и объ уничтоженіи слѣдующихъ за нимъ по тяжести наказаній и колебало всю систему, построенную на устрашеніи крайне жестокими мученіями преступника, что хорошо понимали защитники стараго порядка, и такъ какъ при этомъ были высказаны ими всѣ соображенія въ пользу ихъ мнѣнія, то интересно остановиться на обсужденіи отмѣны наказанія кнутомъ съ возможной подробностью.

Редакціонная комиссія, согласно мнѣнію комитета 1817 г. и Государственнаго Совѣта 1824 г., высказалась за уничтоженіе кнута, повторивъ изложенные выше доводы и сославшись на мнѣніе адмирала Мордвинова, и признала, что «наказаніе кнутомъ, зависся отъ произвола палача, можетъ быть орудіемъ смерти, или же, особливо при маломъ числѣ ударовъ, сдѣлаться слишкомъ слабымъ, и что сіе бываетъ довольно часто вслѣдствіе подкуповъ». По мнѣнію редакторовъ при наказаніи плетьми «качество ударовъ замѣнится количествомъ, не представляя уже возможности по произволу дать жизнь преступнику, или лишить его оной; почему мы полагаемъ въ проектъ Уложенія принять изъявленное государственнымъ совѣтомъ въ 1824 г. о торговой казни мнѣніе» [1]).

Въ силу того, что, какъ мы видѣли выше, вопросъ о кнутѣ считался рѣшеннымъ, но только отложеннымъ, такое рѣшеніе представлялось вполнѣ логичнымъ и единственно

---

[1]) Проектъ Уложенія 1845 г. Общая объяснительная записка, стр. LVI.

возможнымъ для Комиссіи при данныхъ обстоятельствахъ. Противъ кнута была и особая Комиссія, учрежденная въ 1844 г. для разсмотрѣнія проекта Уложенія изъ 3 предсѣдателей Департаментовъ Государственнаго совѣта и членовъ его д. т. с. кн. В. Н. Друцкаго-Любецкаго, Бутурлина, Кочубея, бар. Корфа, Туркула, при участіи Министра Юстиціи гр. Панина, подъ предсѣдательствомъ графа Левашева. Но, признавъ неизбѣжной отмѣну кнута, Комиссія Государственнаго Совѣта, не нашла возможнымъ, однако, согласиться на замѣну кнута плетьми, считая это слишкомъ большимъ ослабленіемъ наказанія. Комиссія въ засѣданіи 3 мая 1844 г. пришла къ заключенію, что если отмѣнять кнутъ, то нужно замѣстить его столь же серьезнымъ и тяжкимъ наказаніемъ. «Соглашаясь вполнѣ, читаемъ мы въ протоколѣ засѣданія Комиссіи, съ тою мыслью, что къ отмѣнѣ наказанія кнутомъ представляются многія важныя побужденія и въ особенности то, что наказаніе сіе зависитъ отъ произвола палача, Комиссія думала, однако, что казнь, опредѣленная за самыя тяжкія преступленія можетъ и должна быть замѣнена такою, которая самымъ свойствомъ своимъ и вліяніемъ на умы удерживала бы отъ совершенія преступленій. Цѣль сія по убѣжденію Комиссіи всего скорѣе будетъ достигнута черезъ замѣну кнута шпицрутенами. Сіе послѣднее наказаніе можетъ быть безъ всякаго затрудненія исполнено посредствомъ войскъ внутренней стражи, которыя, не входя въ общій составъ войскъ и бывъ учреждены именно для охраненія внутренняго спокойствія и безопасности, приводятъ уже и нынѣ нерѣдко въ исполненіе судебные приговоры». Возникало въ Комиссіи и предположеніе поручить исполненіе наказанія шпицрутенами арестантамъ, но было оставлено въ виду его очевидныхъ неудобствъ. Въ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ Комиссія отказалась отъ мысли о шпицрутенахъ и остановилась на паррутенахъ, употреблявшихся въ Остзейскомъ краѣ и бывшихъ очень жестокимъ наказаніемъ[1]).

---

[1]) Архивъ Государственнаго Совѣта. Дѣло объ уложеніи 1845 г. ч. III.

Мнѣніе Комиссіи Государственнаго Совѣта было не двумысленно: она считалась съ необходимостью от кнута, но желала замѣнить его другимъ, по возможности ноцѣннымъ наказаніемъ. Названіе казни за тяжкія пре ленія тогда бы исчезло—въ честь просвѣщенія и цивили а сущность осталась бы для сохраненія въ силѣ ст принципа устрашенія. Такое рѣшеніе, однако, не удов рило ни противниковъ, ни сторонниковъ наказанія кн Для первыхъ такая замѣна справедливо казалась не щею значенія, для вторыхъ, это все-таки было смягче компромиссъ, осуждавшій старые порядки. Поэтому рѣ Комиссіи вызвало много замѣчаній. Такъ, князь Гаг указывалъ, что (см. стр. 129) вопросъ объ отмѣнѣ уже рѣшенъ въ царствованіе Александра I и не подл вторичному обсужденію,—но разъ уже этотъ вопросъ бужденъ и обсуждается, то нельзя согласиться на з кнута паррутенами. «Настоящее положеніе ст. 20-й, п кн. Гагаринъ, возвращаясь къ мысли, изложенной въ 181 полагаетъ: кнутъ замѣнить связками большихъ лозъ прочимъ потому, что по всѣмъ собраннымъ свѣдѣніям казаніе сіе чрезвычайно тяжко и самое исполненіе е вдругъ, а въ три отдѣльные раза, въ теченіе трехъ ра сроковъ—придаетъ ему особенную силу, соединяя стр физическое, съ тяжкимъ нравственнымъ страданіемъ о нія». Предполагаемое замѣненіе, по мнѣнію князя Гаг не соотвѣтствуетъ означенной цѣли, отмѣны съ безчелов жестокостью сопряженнаго наказанія.

«Наказаніе большими лозами признается чрезвы жестокимъ и тяжкимъ, что доказывается уваженнымъ ставленіемъ въ 1784 году Рижскаго военнаго губерн въ коемъ именно сказано, что такое великое наказан зувѣчивая человѣчество дѣлаетъ преступника, для п наго употребленія, негоднымъ и отяготительнымъ общ Кажется, что соединеніе физическаго страданія съ тя нравственнымъ страданіемъ ожиданія,—дѣлаетъ это нак еще безчеловѣчнѣе кнута. Народъ увидитъ въ настояще

неніи одну перемѣну именованія съ оставленіемъ столь же безчеловѣчнаго наказанія.

«Привозъ и отвозъ преступника, для совершенія пріостановленнаго надъ нимъ наказанія, возродитъ чувство сострадянія къ нему и, можетъ статься, ненависти къ власти, употребляющей медлительность въ совершеніи наказанія, къ усугубленію онаго. Прописанная къ тому измѣненію побудительная причина, что кнутъ предаетъ преступника на волю палача, можетъ быть отвращена строгимъ наблюденіемъ за исполненіемъ возложенной на палача обязанности и сдѣланіемъ надъ неисполнителемъ строжайшимъ наказаніемъ и даже, ли необходимо, то, сдѣланіемъ административнымъ порядкомъ нѣкоторыхъ измѣненій въ самомъ инструментѣ кнута; мысль, что послѣ 30-ти лѣтняго старанія и труда для приведенія въ исполненіе указанной цѣли, отмѣны наказанія сопряженнаго съ безчеловѣчною жестокостью, послѣдовала Бна лишь перемѣна именованія, произведетъ вредное впечатлѣніе въ общемъ понятіи и народѣ и потому князь Гагаринъ полагалъ бы:

1) Принять первоначально напечатанное предположеніе Отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, т. е. изложеніе 20-й статьи такъ, какъ она напечатана въ проектѣ новаго Уложенія.

2) Если Государственному Совѣту неугодно будетъ на то согласиться, то оставить наказаніе кнутомъ, доколѣ время сдѣлаетъ отмѣну онаго необходимою.

3) Если Государственному Совѣту угодно будетъ непремѣнно замѣнить кнутъ наказаніемъ связками большихъ лозъ, то по крайней мѣрѣ не раздѣлять оное на три раза, но положить высшимъ числомъ ударовъ, то число, которое можетъ быть дано преступнику, не обезувѣчивая и не дѣлая его къ публичному употребленію негоднымъ и отяготительнымъ обществу» [1].

---

[1]) Архивъ Государственнаго Совѣта. Дѣло объ Уложеніи 1845 г., ч. II.

Мнѣніе кн. Гагарина заслуживало вниманія: больше основаній было сохранить кнутъ, чѣмъ замѣнять его по имени, какъ бы прикрывая жестокость наказанія и представляя фиктивное смягченіе въ качествѣ серьезной реформы. Въ менѣе рѣшительной формѣ высказался противъ мнѣнія Комиссіи Государственнаго Совѣта д. т. с. Логиновъ, подчеркивавшій безполезность замѣны кнута паррутенами и правильность выхода, принятаго Редакціонною Комиссіей, предлагавшей замѣну кнута плетьми. «Тѣлесныя наказанія за преступленія, указывалъ въ своихъ замѣчаніяхъ Логиновъ, существуютъ не въ одной Россіи, и жестокость оныхъ едва ли уступаетъ страшному истязанію кнута — орудія, замѣнившаго у насъ смертную казнь, по большей части; между тѣмъ какъ въ чужихъ краяхъ смертной казни подлежатъ преступленія гораздо меньшія, чѣмъ караемыя у насъ кнутомъ. Но не въ сохраненіи кнута, а въ замѣнѣ онаго связками лозъ состоитъ вопросъ. Статсъ-секретарю Логинову не случилось видѣть ни той ни другой казни, но онъ слышалъ отъ очевидцевъ, что употребленіе лозъ въ Остзейскихъ губерніяхъ сопряжено съ такимъ же, если не съ большимъ безчеловѣчіемъ... Самая неопредѣлительность лозъ даетъ поводъ заключать, что и тутъ произволъ можетъ существовать, что для избѣжанія недоумѣній... орудіе болѣе извѣстное и столь же дѣйствительное, именно, плети могли бы замѣнить лозы» [1]).

Логиновъ, кн. Гагаринъ и Редакціонная Коммиссія стояли на практической почвѣ,тѣмъ болѣе, что плети уже часто замѣняли кнутъ и раньше, и были жестокимъ тѣлеснымъ наказаніемъ, слѣдующимъ за кнутомъ и шпицрутенами и, казалось бы, онѣ должны были удовлетворить лицъ, отстаивавшихъ тогдашнюю карательную систему.

Сторонники сохраненія наказанія кнутомъ, однако, прямо признавали вредной его отмѣну, и находили возможнымъ сохранить его съ нѣкоторыми улучшеніями. Министръ Юстиціи представилъ въ Коммиссію рядъ замѣчаній лицъ судеб-

---

[1]) Архивъ Государственнаго Совѣта. Дѣло объ Уложеніи 1845 г., ч. 3.

аго вѣдомства, изъ которыхъ многіе на основаніи своей лужебной практики болѣе или менѣе рѣшительно высказывались за сохраненіе кнута. Такъ ревизовавшій въ то время Восточную Сибирь сенаторъ Толстой высказалъ весьма опредѣленное мнѣніе, что во избѣжаніе возстановленія смертной казни нужно сохранить тяжкія тѣлесныя наказанія. На основаніи отзывовъ губернскихъ прокуроровъ Министръ Юстиціи сообщалъ Коммиссіи слѣдующее: «Изъ донесеній губернскихъ прокуроровъ (въ числѣ 42) видно, что, по словамъ даже самихъ арестантовъ, казнь кнутомъ вообще болѣе устрашаетъ преступниковъ, нежели казнь плетьми. Они приписываютъ сіе отчасти большей физической боли... но еще болѣе тому, что казнь кнутомъ сопровождается клейменіемъ и каторжными работами. Нѣкоторые изъ прокуроровъ присовокупляютъ къ сему и другія уваженія, основанныя на собственныхъ наблюденіяхъ, или на разсказахъ наказанныхъ преступниковъ. Такъ, виленскій прокуроръ утверждаетъ, что въ тамошнемъ краѣ самое названіе кнутъ предупреждаетъ многія преступленія, тульскій, что самый видъ кнута устрашаетъ, вологодскій, что обряды въ сей казни величественны и тѣмъ самымъ страшны.... Бессарабскій прокуроръ доноситъ, что кнутъ страшнѣе плети, особенно для евреевъ; однако-жъ были и такіе отзывы христіанъ, что наказаніе плетью, когда оно производится жестокою рукою, тягостнѣе наказанія кнутомъ, и сіе онъ, прокуроръ, находитъ правдоподобнымъ по самому устройству плети, имѣющей три конца, и потому что срокъ для излѣченія послѣ наказанія плетьми бываетъ продолжительнѣе срока, нужнаго для излѣченія послѣ наказанія кнутомъ... Прокуроръ полтавскій думаетъ, что если отнять послѣдствія наказанія, тогда кнутъ и плети станутъ на одной степени... Прокуроръ саратовскій прибавляетъ, что время, требуемое на излѣченіе послѣ наказанія кнутомъ гораздо продолжительнѣе времени, необходимаго на излѣченіе послѣ наказанія плетьми... Тамбовскій прокуроръ... что плеть почитается не много болѣе наказанія розгами..., но что одна боязнь быть высѣченнымъ кнутомъ воздерживаетъ закоренѣлыхъ злодѣевъ отъ преступленія».

Далѣе изъ сообщенія Министра Юстиціи слѣдовало, рязанскій прокуроръ считалъ наказаніе кнутомъ и плет равноцѣнными, ярославскій прокуроръ признавалъ плети д: болѣе строгимъ наказаніемъ, симбирскій и кавказскій п куроры находили, что «плеть болѣе устрашаетъ преступ ковъ какъ своей сложностью такъ и тѣмъ, что число удар обыкновенно назначается въ гораздо большемъ количес нежели кнутомъ». Костромской прокуроръ добавлялъ еще мнѣнію своихъ коллегъ, что «страхъ кнута ослабѣваетъ ме: прочимъ и отъ слабаго исполненія» [1]).

Министръ Юстиціи представилъ Коммиссіи также и мнѣ представителей медицинскаго міра — 2 тюремныхъ врач практиковъ, Биша и Бухгольца, которыя признали боль устрашительную силу кнута и въ тоже время почти пол равенство кнута и плетей по вліянію на здоровье прес: ника. По мнѣнію названныхъ докторовъ [2]) «дѣйствіе кну: плетей—почти совершенно равны; опасность для жизни н: зываемаго одинакова и зависитъ вообще отъ числа удар силы ихъ и мѣста, на которое они падаютъ, но при к: кнутомъ опасность увеличивается привязываніемъ преступн къ плахѣ, ибо отъ сильнаго стѣсненія шеи, что зависитъ воли палача, кровообращеніе вдругъ пресѣкается. Кн устрашаетъ преступниковъ болѣе, нежели плети не сто: потому, чтобы причинялъ сильнѣйшую боль, сколько по п; ставленію, сохранившемуся объ ужасѣ казни кнутомъ, сопровожденію сей казни каторжными работами и еще бо страшнымъ для преступниковъ клейменіемъ». Докторъ Б замѣчалъ даже, что послѣ наказанія плетьми остается бо воспаленія въ тѣлѣ наказаннаго, по крайней мѣрѣ, въ пер часы, нежели послѣ казни кнутомъ, изъ чего онъ заключа что боль причиняемая плетьми должна быть сильнѣе.

---

[1]) Архивъ Государственнаго Совѣта. Дѣло объ Уложеніи 184 Часть I-ая.

[2]) Архивъ Государственнаго Совѣта. Дѣло объ Уложеніи 184 Часть I-ая.

Мнѣнія прокуроровъ и врачей, оказались весьма пест-
и, и ясно доказывали трудность опредѣлить относительную
есть тѣлесныхъ наказаній, такъ какъ она по признанію
іхъ прокуроровъ зависѣла отъ исполненія. Изъ нихъ
но было вывести, что если кнутъ и тяжелѣе плети, то и
лѣдняя составляетъ очень тяжкое наказаніе; это могло слу-
ь съ точки зрѣнія защитниковъ жестокости наказаній, только
ументомъ въ пользу мнѣнія Редакціонной Коммиссіи, такъ
ь смягченіе наказанія оказывалось совсѣмъ не такимъ
ьшимъ и не уничтожало установившагося господства
есныхъ наказаній; такъ оно было и въ дѣйствительности.
сторонники сохраненія кнута не хотѣли никакихъ усту-
ь, чтобы вообще не возбуждать вопросовъ о цѣлесообраз-
ги существующаго: министръ юстиціи и министръ вну-
нихъ дѣлъ высказались противъ всякаго компромисса и
оставленіе кнута попрежнему. Министръ юстиціи полагалъ,
отмѣна кнута до реформы каторжныхъ работъ не имѣетъ
ебя основаній, и что кнутъ въ его время, въ 40-хъ годахъ,
былъ уже слишкомъ жестокимъ наказаніемъ, такъ какъ
рахъ, внушаемый прежде наказаніемъ кнутомъ, умень-
ся по мѣрѣ какъ человѣколюбивое попеченіе правительства
бщее смягченіе нравовъ имѣли послѣдствіемъ уменьшеніе
ы наказаній и отмѣну истязаній, коими они усугубля-
, но наказаніе кнутомъ сопровождается обрядами, напо-
ающими преступнику и зрителямъ, что казнь сія сопря-
а съ опасностью для жизни, и обстоятельство сіе не можетъ
ваться безъ впечатлѣнія на умы народа и преступниковъ
акоснѣлыхъ. Со временемъ порядокъ назначенія въ каторгу,
ребленіе въ оной преступниковъ и порядокъ наблюденія
ними будутъ соотвѣтствовать важности преступленій...
да, можетъ быть, одна ссылка въ каторгу будетъ доста-
ымъ наказаніемъ... и можно будетъ безъ справедливаго
енія для общественнаго спокойствія измѣнить орудія и
иды тѣлесныхъ наказаній. Преступленія безъ всякаго со-
нія, предупреждаются или обуздываются болѣе бдитель-
тью полицейскаго надзора, скоростью и неизбѣжностью

наказанія, нежели строгостью онаго, но наказаніе кнутомъ, ограниченное извѣстнымъ числомъ ударовъ, не можетъ быть признано жестокимъ, когда оному подвергаются токмо лица посягнувшія на жизнь другихъ или отнимающія у нихъ собственность съ насиліемъ» [1]).

Еще болѣе рѣзко въ защиту кнута высказался министръ внутреннихъ дѣлъ, допускавшій впрочемъ, какъ и министръ юстиціи, отмѣну кнута, когда будутъ положительно доказаны успѣхи народнаго образованія и уменьшеніе числа преступленій. Вотъ наиболѣе интересныя мѣста изъ его замѣчаній: «Кнутомъ наказываютъ нынѣ за одни тягчайшія преступленія... Судя по степени понятій закоренѣлыхъ преступниковъ изъ низшаго класса людей, нельзя ожидать ни малѣйшаго исправленія отъ наказанія ихъ розгами, плетьми или же связками большихъ лозъ. Одинъ только кнутъ устрашаетъ ихъ позоромъ и мыслью, что бывшій подъ кнутомъ на всю жизнь свою долженъ оставаться въ оковахъ и въ тягчайшихъ работахъ, не заслуживая ни въ чемъ ни вѣры, ни пощады. Сужденія существовавшаго въ Москвѣ Комитета... что состояніе нравовъ въ томъ вѣкѣ, когда введенъ былъ кнутъ, отлично отъ настоящаго, не можетъ быть признано правильнымъ и общимъ... однимъ только дворянствомъ и нѣкоторыми высшими сословіями сдѣланы успѣхи въ образованіи и нравственности; но успѣхи сіи ни мало не распространились еще на чернь, которая остается въ прежнемъ невѣжествѣ и грубости. Многія новѣйшія событія доказываютъ, что преступленія, побужденія къ онымъ и способы приведенія ихъ въ дѣйство, суть тѣ же, которые были въ прежнія времена, а потому и мѣры наказанія... для важнѣйшихъ преступленій изъ черваго народа... не должны быть ослабляемы, иначе отнимется страхъ и умножатся наказанія... Положеніе нашего государства, образъ жизни и народный духъ совершенно не сходны съ другими европейскими народами. Впрочемъ

[1]) Архивъ Государственнаго Совѣта. Дѣло объ уложеніи 1845 г. Часть І-ая, 1843 г.

тамъ кнутъ нашъ большей частью замѣняется смертною казнью... мнѣніе покойнаго гр. Мордвинова о ужасахъ кнута преувеличено до сказки, а нынѣ, когда число ударовъ отсчитывается не десятками или сотней, какъ прежде, а единицами и никогда почти не доходитъ до 10, описаніе это уже вовсе лишается всякаго правдоподобія. Упоминаемыя же въономъ злоупотребленія палачей могутъ случаться и при наказаніи плетьми и лозами... и должны быть устранены. Наказаніе чрезъ полицейскихъ служителей отъ 40 до 100 ударовъ не произведетъ никакого страха въ преступникахъ. По грубости чувствъ низшаго класса людей мѣры сего взысканія весьма часто употребляются начальниками семействъ, сельскими и волостными правленіями, люди плачутъ подъ розгами, а послѣ смѣются надъ симъ наказаніемъ, и оно не въ состояніи подѣйствовать на важныхъ и закоснѣлыхъ преступниковъ, ни показать примѣра другимъ... Такой переворотъ въ системѣ наказаній могъ бы быть признанъ необходимымъ при очевидныхъ успѣхахъ народнаго образованія, уменьшеніи преступленій; но доколѣ такіе желанные успѣхи не будутъ доказаны самымъ положительнымъ образомъ статистическими свѣдѣніями за нѣсколько лѣтъ, дотолѣ невозможно согласиться на столь соблазнительное и ни на чемъ не основанное послабленіе. Напротивъ того статистическія свѣдѣнія доказываютъ, что число преступленій — отнюдь не уменьшается, а изъ отзывовъ мѣстныхъ начальствъ видно, что между чернымъ народомъ пьянство, развратъ и всякаго рода преступныя дѣйствія усиливаются... Сдѣлавши столь ощутительную уступку въ пользу преступниковъ безъ всякихъ побудительныхъ причинъ, трудно будетъ возвращаться къ прежнимъ мѣрамъ, которыя нынѣ не возбуждаютъ ни малѣйшаго ропота, потому что нисколько не противорѣчатъ укоренившимся въ народѣ привычкамъ и понятіямъ» [1]).

Изъ мнѣній, высказанныхъ въ защиту кнута, можно видѣть, какими аргументами располагали лица, желавшія со-

---

[1]) Архивъ Государственнаго Совѣта. Дѣло объ Уложеніи 1845 г. ч. III.

хранить старый порядокъ. На первомъ мѣстѣ ставилось устрашеніе: прокуроры и доктора, Министръ Юстиціи и Внутреннихъ Дѣлъ утверждали, что кнутъ, даже по словамъ самихъ наказываемыхъ, устрашаетъ больше плетей. Это было очень вѣроятно, потому что caeteris paribus кнутъ былъ болѣе жестокимъ наказаніемъ, почему и ударовъ его боялись больше,— но этимъ и ограничивалось устрашеніе, достигаемое кнутомъ, потому что, какъ признавалъ самъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, число преступленій несмотря на кнутъ не уменьшалось въ низшихъ сословіяхъ, напротивъ возрастало (см. стр. 151). Несомнѣнно, что сила устрашенія была съ этой точки зрѣнія ослаблена при отмѣнѣ квалифицированныхъ смертныхъ казней и членовредительныхъ тѣлесныхъ наказаній, однако, это не отразилось на ходѣ преступности, и защитники кнута объ этомъ ослабленіи наказаній даже не вспоминали. Когда выдвигается впередъ устрашеніе жестокостью наказаній, защитники его всегда оказываются въ заколдованномъ кругу, не будучи въ состояніи найти предѣла устрашенію. Въ наши дни Миттельштетъ, Краузе и другіе утверждаютъ, что тюрьма не устрашаетъ, за то устрашаютъ розги или плеть, при обсужденіи проекта Уложенія 1845 г. защитники кнута утверждали, что розги и плети совершенно не устрашаютъ; устрашаетъ только кнутъ. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ безъ обиняковъ указывалъ, что надъ розгами смѣются сами наказанные (см. стр. 151). Очевидно, что взгляды на устрашительное значеніе наказанія зависятъ исключительно отъ субъективныхъ воззрѣній и не опираются на реальные факты. Выше уже указывалось, что въ дѣйствительности устрашеніе не достигалось жестокими наказаніями, и отмѣна ихъ не была опасна для общества. Затѣмъ ставилось положеніе, что наказаніе кнутомъ не жестоко благодаря, какъ выражался Министръ Юстиціи «человѣколюбивому попеченію правительства» но опять таки это утвержденіе опровергалось фактами, доказывавшими, что наказаніе кнутомъ было очень жестокимъ и несовмѣстимымъ съ состояніемъ нравовъ. Замѣчаніе, что кнутъ въ извѣстной степени возмѣщался на западѣ смертной

нью не измѣняло положенія, потому что смертная казнь
-таки не была истязаніемъ преступника, каковымъ являлось
:азаніе кнутомъ (см. ниже главу о кнутѣ); сказаннымъ
черпывались доводы въ пользу кнута, на нихъ было давно
е отвѣчено протоколами Комитета 1817 г. и Государ-
зеннаго Совѣта, и защитники его въ 1845 г. не могли не
изнать, что кнутъ немыслимъ у цивилизованнаго народа и
едлагали только подождать, пока эта цивилизація не будетъ
чно доказана, т. е. снова отложить рѣшеніе вопроса на
опредѣленное время. Въ такомъ положеніи дѣло оставалось
3 мая 1845 г., когда Государственному Совѣту было со-
щено его предсѣдателемъ Высочайшее повелѣніе, которымъ
просъ рѣшался окончательно. Приводимъ подлинный текстъ
го повелѣнія:

Государь Императоръ «разсмотрѣвъ представленную Его
личеству записку по вопросу объ отмѣнѣ наказанія кну-
мъ при изданіи новаго Уголовнаго Уложенія и принявъ
вниманіе, что въ 1817 г. блаженной памяти Императоръ
ександръ I по благости своего сердца рѣшительно при-
валъ нужнымъ постановить «какимъ бы образомъ можно
ло замѣнить означенное наказаніе другимъ, которое бы
имѣло въ себѣ ничего безчеловѣчнаго, не менѣе того
рашало преступленіе и служило для другихъ предохра-
гельнымъ отъ впаденія въ оное примѣромъ», Высочайше
велѣть изволилъ считать сей вопросъ окончательно разрѣ-
ннымъ и ни въ какія новыя сужденія объ ономъ не вхо-
ть; что же касается до замѣны кнута другимъ наказаніемъ,
Его Величество изъ предполагаемыхъ мѣръ признаетъ
обнѣйшею замѣнить кнутъ увеличеннымъ числомъ уда-
въ плетьми рукою палача на лобномъ мѣстѣ съ заклей-
ніемъ, ссылкою въ каторжную работу и выставленіемъ пре-
пника у позорнаго столба съ дѣйствующими на умъ зри-
ей обрядами, опредѣленіе коихъ Его Императорское
личество предоставляетъ Государственному Совѣту» [1]).

---

[1]) Архивъ Государственнаго Совѣта. Дѣло объ Уложеніи 1845 г. ч. I.

Отмѣна кнута даетъ ясное понятіе о томъ, какъ мало въ то время извѣстная часть бюрократіи была расположена считаться съ необходимостью реформъ, диктуемыхъ элементарными правилами справедливости и благоразумной политики, и вся исторія отмѣны кнута съ 1817 г. свидѣтельствуетъ о томъ, сколько усилій требовалось, чтобы поколебать уже несомнѣнно устарѣвшее и отжившее.

Согласно волѣ Императора Николая I вопросъ о кнутѣ болѣе не подымался, и Государственнымъ Совѣтомъ было принято мнѣніе Редакціонной Комиссіи о замѣнѣ его плетьми.

Уничтоженіе кнута разсматривалось, какъ большой шагъ впередъ въ официальныхъ сферахъ: русскій представитель на Брюссельскомъ конгрессѣ криминалистовъ въ 1849 г., г. Цеэ, объявилъ, что Россія не остается назади просвѣщенныхъ народовъ, что кнутъ, бывшій такимъ ужаснымъ орудіемъ наказанія, не существуетъ болѣе. Это заявленіе было встрѣчено горячими аплодисментами собранія; впечатлѣніе было нѣсколько ослаблено, правда, замѣчаніемъ одного изъ членовъ г. Валовскаго, что кнутъ только замѣненъ плетьми, что въ свою очередь вызвало объясненіе со стороны г. Цеэ, что кнутъ нельзя сравнивать съ плетьми, что послѣднія употребляются даже у такого цивилизаннаго народа, какъ англичане; на это предсѣдатель конгресса отвѣтилъ, что собраніе апплодировало отмѣнѣ кнута, и что къ наказанію плетьми это одобреніе никоимъ образомъ не относилось... У себя же правительство поспѣшило немедленно распорядиться покончить счеты съ прошлымъ: кнуты приказано было уничтожать повсюду и зарывать въ землю, благодаря чему экземпляры этого орудія наказанія, столь знакомаго русскимъ людямъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, стали положительною рѣдкостью.

Но уничтоженіе кнута не отразилось на примѣненіи тѣлесныхъ наказаній вообще, они по прежнему остались господствующей карательной мѣрой, потерявшей въ силѣ, но не въ объемѣ примѣненія. Кромѣ многочисленныхъ случаевъ, въ которыхъ тѣлесныя наказанія назначались самимъ

уложеніемъ 1845 г. они были сохранены въ качествѣ замѣняющаго наказанія на случай недостатка въ мѣстахъ заключенія, согласно съ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта въ общемъ собраніи, по которому «замѣна тѣлесныхъ наказаній заключеніемъ въ рабочихъ домахъ и въ тюрьмѣ можетъ быть допущена не только для низшихъ по продолжительности времени сроковъ содержанія въ сихъ домахъ, но и для сроковъ высшихъ. А вмѣстѣ съ симъ, чтобы при исполненіи означеннаго постановленія оградить тѣ лица, кои, хотя по закону и не изъяты отъ тѣлесныхъ наказаній, но по своему положенію въ обществѣ и воспитанію не могли бы быть подвергнуты оному безъ тяжкаго для нихъ посрамленія и, можетъ статься, безъ бѣдственныхъ для нихъ послѣдствій, — то предоставить министру юстиціи по сношенію съ главноуправляющимъ II отдѣленіемъ дать уголовнымъ судамъ надлежащую инструкцію о томъ, въ какихъ именно случаяхъ заключеніе можетъ и должно быть замѣняемо наказаніемъ розгами» [1]).

По мнѣнію предсѣдателя Государственнаго Совѣта [2]) такая замѣна должна была назначаться непремѣнно для лицъ не изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній «которые живутъ одною работою и задержаніе которыхъ могло бы причинить вредъ или убытокъ не только имъ самимъ, но и семействамъ ихъ или обществамъ, къ которымъ они принадлежатъ» [3]).

---

[1]) Архивъ Государственнаго Совѣта. Дѣло объ Уложеніи 1845 г. Часть I. Такая инструкція была издана министромъ юстиціи 17 января 1846 г.

[2]) Архивъ Государственнаго Совѣта. Дѣло объ Уложеніи 1845 г. Часть 1-ая.

[3]) Въ такомъ же смыслѣ относительно замѣнительнаго тѣлеснаго наказанія Государственный Совѣтъ высказался въ 1852 г. по поводу просьбы одного осужденнаго о замѣнѣ ему годоваго тюремнаго заключенія тѣлеснымъ наказаніемъ. При этомъ было указано на желательность означенія судебными мѣстами „по какимъ особеннымъ обстоятельствамъ можетъ быть допущена замѣна сего наказанія (тюремнаго заключенія) тѣлеснымъ. При соблюденіи такого порядка сообразно вполнѣ съ точнымъ смысломъ дѣйствующаго закона... судебныя мѣста...

Во мнѣніи Государственнаго Совѣта о замѣнительныхъ тѣлесныхъ наказаніяхъ интересно отмѣтить признаніе необходимости изъять отъ нихъ нѣкоторыя группы лицъ, кромѣ указанныхъ въ законѣ, въ виду тяжести для нихъ позора тѣлесныхъ наказаній, которые, такимъ образомъ, признавались годными исключительно для самыхъ низшихъ классовъ, «черни», по выраженію Министра Внутреннихъ Дѣлъ (см. стр. 150), которая продолжала «оставаться въ прежнемъ невѣжествѣ и грубости». Этимъ былъ окончательно установленъ кругъ лицъ, къ которымъ примѣнялись тѣлесныя наказанія, не измѣнившійся и до нашего времени [1]).

Вслѣдствіе этого и при введеніи уложенія 1845 г. сохранились всѣ существовавшіе тогда тѣлесныя наказанія, за исключеніемъ кнута и оставались до ихъ общей отмѣны, послѣдовавшей въ царствованіе Императора Александра II.

Въ Остзейскихъ губерніяхъ и со введеніемъ уложенія 1845 г. плети не примѣнялись, но замѣнялись попрежнему паррутенами.

V.

Со вступленіемъ на престолъ Александра II николаевскій режимъ, наглядно доказавшій свою непригодность во время Крымской кампаніи, долженъ былъ утратить свой кре-

---

должны будутъ при самомъ произнесеніи приговора обращать вниманіе на тѣ обстоятельства, по коимъ подсудимый долженъ быть подвергаемъ замѣняющему заключеніе.., наказанію тѣлесному". Архивъ Гос. Совѣта, Дѣла II отдѣленія № 118, 1852 г.

[1]) По Уложеніи 1845 г. къ изъятымъ отъ тѣлесныхъ наказаній кромѣ перечисленныхъ въ сводѣ группъ (12 группъ по состоянію) прибавлены еще нѣкоторые (стр. 136), въ томъ числѣ ливрейные лакеи Высочайшаго Двора П. С. З. 19,856, 19,885. По поводу послѣднихъ въ 1855 г. состоялось разъясненіе, что изъятіе не распространяется на малолѣтнихъ „к-ые могутъ быть подвергаемы дѣтскимъ наказаніямъ въ томъ числѣ .. и легкому на тѣлѣ розгами, предоставляемому не только по закону, но и по общему убѣжденію родительской, опекунской, учительской, словомъ, всякой власти, отъ которой требуется воспитаніе дѣтей въ страхѣ божьемъ и повиновенію начальству". Архивъ Государственнаго Совѣта, Дѣла II отдѣленія 170, 1855 г.

итъ, да и по характеру новый государь имѣлъ мало общаго о своимъ предшественникомъ. Общественное мнѣніе получило неслыханную прежде свободу, начались реформы, глубоко затронувшія судебное и общественное устройство Россіи; ри такихъ обстоятельствахъ законодатель не могъ не обратить вниманія и на тѣлесныя наказанія, отношеніе къ которымъ общество давно уже стало неблагопріятнымъ.

По свидѣтельству Комитета объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній: «единственное предназначеніе тяжкихъ тѣлесныхъ наказаній—устрашеніе другихъ—на дѣлѣ вовсе не достигается. Изъ отзывовъ главныхъ начальниковъ губерній видно, что жестокость публичной кары плетьми оскорбляетъ нравственное чувство народа до такой степени, что при оной забывается нусность преступленія и святость законнаго возмездія, а вляется лишь чувство жалости къ преступнику, какъ къ ученику, а тѣмъ самымъ уничтожается и уваженіе къ правосудію. По свидѣтельству нѣкоторыхъ генералъ-губернаторовъ, зъ толпы, при каждомъ публичномъ наказаніи, бросаютъ а эшафотъ деньги и нерѣдко стараются подкупить палача, тобы хоть сколько нибудь облегчить участь преступника; ри наказаніи женщинъ случалось даже, что лица, совершенно незнакомыя съ преступницами, приходили въ земскій удъ просить ихъ въ замужество, предполагая тѣмъ избавить хъ отъ наказанія плетьми [1].»

Противъ тѣлесныхъ наказаній солдатъ были и молодые фицеры, на что указываетъ слѣдующій инцидентъ: въ 1861 г. ь «Военномъ Сборникѣ» была помѣщена статья, въ которой ащищались тѣлесныя наказанія; противъ этой статьи немедленно появился въ «Сѣверной Пчелѣ» протестъ, подписанный 106 офицерами разныхъ родовъ оружія [2].

---

[1]) Сводъ мнѣній и замѣчаній по вопросу объ отмѣнѣ тѣлесныхъ аказаній, стр. 21 и 22.

[2]) Вотъ подлинный текстъ этого любопытнаго протеста:... «кн. Э. Витэнштейнъ обдумывалъ, написалъ и напечаталъ свои взгляды понѣмецки. о него слѣдовательно, намъ нѣтъ дѣла, но намъ непріятно видѣть, что акія сужденія иностранца... переводятся и находятъ мѣсто въ жур-

Въ первые годы царствованія Александра II продолжалось по прежнему сокращеніе области тѣлесныхъ наказаній посредствомъ смягченій и изъятій. Въ 1857 г. было предписано наказывать ссыльныхъ не публично, а въ мѣстахъ заключенія [1]). Въ 1859 г. предписано для беременныхъ женщинъ замѣнять тѣлесное наказаніе заключеніемъ въ рабочемъ домѣ или тюрьмѣ [2]). Кромѣ того, до 1863 г. состоялся рядъ изъятій для воспитанниковъ и учащихся различныхъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній [3]); отъ тѣлесныхъ наказаній по приговору волостнаго суда или по распоряженію вотчиннаго правленія были изъяты крестьянки Лифляндской губ. [4]). Несоотвѣтствіе тѣлесныхъ наказаній съ внутреннимъ состояніемъ Россіи стало особенно рѣзкимъ съ момента уничтоженія крѣпостнаго права, сдѣлавшаго всѣхъ русскихъ гражданами. «Постоянное, съ весьма давняго времени, вѣрно замѣчалось въ Журналѣ Комитета для разсмотрѣнія проекта Воинскаго Устава о наказаніяхъ въ 1861 г., стремленіе правительства къ уменьшенію жестокости тѣлесныхъ наказаній и столь часто возбуждавшіеся, особенно въ послѣднее время, какъ въ обществѣ нашемъ, такъ и въ печатныхъ изданіяхъ, вопросы объ отмѣнѣ, если не всѣхъ наказаній сего рода, то по крайней мѣрѣ самыхъ мучительныхъ изъ нихъ, ясно обнаруживаютъ все болѣе и болѣе развивающееся у насъ сознаніе и убѣжденіе, что безчеловѣчныя истязанія даже людей, омрачившихъ себя самыми гнусными злодѣяніями, уже до крайности несогласны въ настоящее время съ нравами

налѣ, редакція котораго ввѣрена Вамъ, М. Г., конечно, не для того, чтобы распространять въ нашемъ военномъ сословіи невѣжество и проводить взгляды, доказывающіе возмутительное непониманіе духа русскаго солдата и потребностей общества». Подписано 106 офицерами. Сѣв. Пчела. № 85, г. 1862.

[1]) Архивъ Госуд. Совѣта, Дѣла II отдѣленія, 70, 1857.

[2]) Архивъ Госуд. Совѣта, Дѣла II отдѣленія, 137, 1859 г.

[3]) Калмыковъ. Учебникъ уголовнаго права. Спб. 1866, стр. 257.

[4]) П. С. З. 38.430, 1862 г.

нашего народа и распространяющимся въ немъ образованіемъ» [1]).

Съ 1861 г. круто измѣнилась и постановка вопроса о тѣлесныхъ наказаній. До этого времени попрежнему продолжалось ограниченіе тѣлесныхъ наказаній путемъ новыхъ изъятій и смягченій, съ этого момента былъ поставленъ вопросъ о самомъ существованіи тѣлесныхъ наказаній — въ этомъ было огромное, коренное различіе между эпохами Николая I и Александра II. Какъ и въ Западной Европѣ, въ Россіи крупный шагъ въ освобожденіи личности оказался естественно связаннымъ съ вопросомъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Уже во время подготовительныхъ работъ по изданію положенія о крестьянахъ многими высказывался взглядъ, что тѣлесныя наказанія не должны въ немъ упоминаться.

Въ 1858 г. Я. И. Ростовцевъ писалъ Императору Александру II: «о наказаніи тѣлесномъ не слѣдуетъ упоминать вовсе (въ Положеніи о крестьянахъ): это было бы пятномъ настоящаго законодательства». Противъ сохраненія тѣлеснаго наказанія высказались московскій и владимірскій дворянскій комитеты, однако редакціонный комитетъ, большинствомъ одного голоса, призналъ необходимымъ удержать тѣлесныя наказанія, такъ какъ уничтоженіе ихъ потребовало бы общаго пересмотра системы наказаній; предполагалось только изъять отъ тѣлесныхъ наказаній лицъ, занимавшихъ должности въ сельскомъ управленіи и женщинъ. Послѣднее изъятіе не состоялось благодаря энергичному противодѣйствію гр. Панина. Но сохраненіе тѣлесныхъ наказаній нисколько не свидѣтельствовало о благопріятномъ къ нимъ отношеніи дѣятелей по крестьянскому вопросу: взглядъ лучшей части русскаго общества 60-хъ годовъ на тѣлесныя наказанія, въ частности на розги, о которыхъ однѣхъ и могло говориться въ положеніи 19 февраля 1861 г., прекрасно формулированъ словами И. С. Аксакова, писавшаго въ 1860 г.: «какихъ бы умъ не вы-

---

[1]) Сводъ мнѣній и замѣчаній по вопросу объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, стр. 11.

мышлялъ діалектическихъ изворотовъ для оправданія роз
все это рушится передъ внутреннимъ, простымъ чувствомъ
становится просто невозможнымъ подать голосъ за розгу»
Несоотвѣтствіе тѣлесныхъ наказаній съ условіями обществ
ной жизни и нравами заставляло нѣкоторыхъ высшихъ пр
ставителей администраціи обращаться при удобныхъ случа
съ ходатайствами объ отмѣнѣ ихъ. Такъ, въ 1859 г. генера
губернаторы с.-петербургскій и новороссійскій по пов
возникшаго вопроса объ отмѣнѣ публичнаго наказанія ж
щинъ, указали на желательность полной отмѣны тѣлесн
наказаній, что вызвало высочайшее повелѣніе (6 іюня 1861
Министру Внутреннихъ Дѣлъ и главноуправляющему II от
ленія представить соображенія о смягченіи и уничтож
тѣлесныхъ наказаній [2]).

Въ это же время при II отдѣленіи собственной
Величества канцеляріи былъ учрежденъ комитетъ [3]) для п
смотра военно уголовныхъ законовъ, въ который была
сена кн. Орловымъ записка о тѣлесныхъ наказаніяхъ (1861
Въ запискѣ указывалось, что «тѣлесныя наказанія суть
въ христіанскомъ, нравственномъ и общественномъ отн
ніяхъ», что они противны духу христіанства, запрещаю
насилія и истязанія, что въ христіанскомъ государствѣ
должны быть равны передъ закономъ, что тѣлесныя нак
нія безнравственны и безполезны: «философы, юристы, г
дарственные люди всѣхъ временъ—единодушно призна
тѣлесныя наказанія безнравственными и безполезными н
заніями. Посмотрѣвъ вокругъ себя, мы легко убѣдимся

---

[1]) *Семевскій*. Необходимость отмѣны тѣлесныхъ наказаній. Р. М
1896, 2, стр. 1 и слѣд. *Джаншіевъ*. Какъ уцѣлѣла розга. Рус. В
мости. 1895 г. Міръ Божій, 1895, іюнь.

[2]) *Бинштокъ*. Матеріалы для исторіи отмѣны тѣлесныхъ нака
въ Россіи. Юрид. Вѣст., 1892. № 7—8, стр. 409.

[3]) Комитетъ состоялъ изъ сенаторовъ: Губе (предсѣдатель), Кап
чиновниковъ II отдѣленія Малевскаго, Бруна, Попова, Яневичъ-Я
скаго, Перетца, членовъ бывшей кодификаціонной комиссіи цар
польскаго—Плавскаго и Александровича, генералъ-аудиторовъ Воен
Министерства Философова и флота-Глѣбова.

ой истинѣ: у насъ бьютъ всякаго, кто даетъ себя бить, это ›ддерживаетъ грубость нравовъ и сильно мѣшаетъ правиль-›му развитію человѣческой личности... Для общества рус-:аго существованіе тѣлесныхъ наказаній есть не только зло, › и великая опасность. Просвѣщеніе болѣе, чѣмъ думаютъ, ›оникло во всѣ слои общества, и мы не далеки отъ того ›емени, когда тѣлесное наказаніе будетъ приводить къ ›противленію или самоубійству... въ настоящее время ста-›ются изъ человѣколюбія уменьшить число ударовъ розгами. тимъ не достигаютъ хорошихъ результатовъ. Розги не вну-›аютъ прежняго страха, а по прежнему унижаютъ человѣка подавляютъ въ немъ чувство чести... Нельзя не упомя-›ть, что у насъ существуетъ табель или прейскурантъ про-упковъ и преступленій съ показаніемъ цѣны ихъ ударами ›зогъ. За кражу 3 рублей—столько то ударовъ и т. д. Это ›рхъ изобрѣтательности русской бюрократіи... Прогнаніе шпицрутенами... такая же квалифицированная казнь, какъ ›твертованіе и колесованіе. При вскрытіи тѣлъ наказанныхъ шпицрутенами, постоянно оказываются продольныя крово-›ліянія въ легкихъ, соотвѣтствующія, если не всѣмъ, то ›льшей части полученныхъ ударовъ... солдатамъ давно стала ›вратительна роль палачей, и при каждой экзекуціи, началь-:во вынуждено повторять офицерамъ: «Господа, смотрите, ›обы люди били крѣпче». Между тѣмъ, въ гвардіи шпиц-›тенъ только поверхностно касается преступника... Нынѣ, ›гда званіе воина облагорожено, когда солдатъ носитъ мун-›ръ не какъ наказаніе, а какъ честь,—можно бы отмѣнить :якія тѣлесныя наказанія въ войскѣ, тѣмъ болѣе, что военное ›чальство и безъ розогъ имѣетъ во власти своей довольно ›зличныхъ способовъ взысканія» [1]).

Замѣчанія князя Орлова [2]) касались больного мѣста, такъ

---

[1]) Сводъ мнѣній и замѣчаній по вопросу объ отмѣнѣ тѣлесныхъ ›казаній, стр. 1—11.

[2]) Въ 1861 же году Императору Александру II была представлена ›писка о тѣлесныхъ наказаніяхъ д. с. с. П. Н. Глѣбова, въ концѣ 50 ›довъ командированнаго заграницу для ознакомленія съ судебной частью.

какъ тѣлесное наказаніе съ упраздненіемъ крѣпостнаго пра- стало окончательно анахронизмомъ. Комитетъ при разсмо- трѣніи записки князя Орлова, заявилъ, что имъ уже неодно- кратно обсуждался вопросъ о тѣлесномъ наказаніи въ вои- скомъ уставѣ. Комитетъ предположилъ въ виду важности этого «жизненнаго» вопроса разсмотрѣть его отдѣльно для военнаго и гражданскаго вѣдомствъ, и поручилъ сенатору Капгеру и генералъ-аудитору Философову доложить о записки князя Орлова тогдашнему военному министру г.-а. Сухозанету и генералъ-адмиралу [1]). Военный министръ нашелъ возмож- нымъ допустить лишь частичныя смягченія тѣлесныхъ наказа- ній, считая розги необходимыми въ арміи, генералъ-адмиралъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ призналъ отмѣну тѣлесныхъ наказаній необходимой немедленно и въ военномъ и въ гражданскомъ вѣдомствахъ. Согласно съ полученными отзывами высшаго военнаго начальства, комитетъ предпо- жилъ отмѣнить тѣлесныя наказанія, оставивъ ихъ лишь въ невозможности замѣнить другими карательными мѣрами (за- достатокъ мѣстъ заключенія), и совершенно освободить отъ нихъ лицъ женскаго пола, «такъ какъ, будучи сопряжено съ обнаженіемъ тѣла... оно (тѣлесное наказаніе) не только источ- никъ физической боли, но и причиняетъ большое нравствен- ное посрамленіе». Для ссыльныхъ женщинъ комитетъ нахо- дилъ возможнымъ оставить тѣлесное наказаніе розгами, такъ какъ совершая новое преступленіе онѣ обнаруживаютъ отсут- ствіе раскаянія и высшую степень нравственной порчи. Для

Въ запискѣ доказывается полная несостоятельность тѣлесныхъ наказаній. «Прошло то время, говорится въ ней, когда нужно было доказывать несостоятельность и зловредную безполезность тяжкихъ тѣлесныхъ на- казаній по отношенію къ юридической справедливости... можно сказать... что тѣлесное наказаніе по самому свойству своему не соотвѣтствуетъ ни одному изъ условій справедливаго законнаго возмездія... что нѣтъ другого наказанія, которое было бы столь неравномѣрно, какъ розги, чувствовалось бы столь разнообразно». Биржев. Вѣдомости, 1903 г. № 188.

[1]) Сводъ мнѣній и замѣчаній по вопросу объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Записка кн. Орлова, стр. 18—31.

ссыльныхъ мужчинъ шпицрутены предполагалось замѣнить плетьми, а тѣлесныя наказанія при ссылкѣ и отдачѣ въ арестантскія роты замѣнить увеличеніемъ (для неизъятыхъ) срока заключенія; клейма налагать на плечо. Такимъ образомъ былъ поставленъ вопросъ о существованіи тѣлесныхъ наказаній, понятно, что поклонники стараго режима должны были употреблять всѣ усилія, чтобы отстоять наказанія, бывшія какъ бы символомъ, внѣшнимъ выраженіемъ защищаемыхъ ими порядковъ жизни—началась борьба. Заключеніе комитета было представлено на разсмотрѣніе высшихъ государственныхъ сановниковъ, 12 изъ числа которыхъ высказались противъ тѣлесныхъ наказаній. Въ этой группѣ (противниковъ тѣлесныхъ наказаній) обращало на себя особенное вниманіе мнѣніе Великаго Князя Константина Николаевича: соглашаясь на отмѣну тѣлесныхъ наказаній при ссылкѣ и арестантскихъ ротахъ, Великій Князь высказался противъ всякаго увеличенія срока заключенія вмѣсто тѣлеснаго наказанія, потому что не сообразно съ достоинствомъ и строгою справедливостью имѣть за одни и тѣ же тяжкія преступленія различные виды наказаній. Вмѣстѣ съ тѣмъ Великій Князь считалъ справедливымъ совершенно изъять женщинъ отъ тѣлеснаго наказанія безъ ограниченій, предположенныхъ комитетомъ [1]).

Министръ внутреннихъ дѣлъ (Валуевъ) съ особенной подробностью останавливался на клейменіи, онъ писалъ въ своемъ мнѣніи слѣдующее: «Клеменіе, составляя часть жестокаго тѣлеснаго наказанія и видимый знакъ изверженія изъ гражданскаго общества, служитъ еще къ тому, чтобы въ случаѣ побѣга каторжнаго, можно было легко опредѣлить, къ какой категоріи ссыльныхъ принадлежитъ бѣглый. Между тѣмъ каторжникъ по истеченіи извѣстнаго числа лѣтъ можетъ перейти въ государственные крестьяне, и клеймо не соотвѣтствуетъ его положенію, какъ напоминаніе о преступленіи, искупленномъ безукоризненнымъ поведеніемъ. Для устраненія

---

[1]) Ib. стр. 59, 79—81, 92, 108, 110, 146—50.

такихъ несообразностей и дабы не стѣснять каторжныхъ переходѣ ихъ въ разрядъ ссыльно-поселенцевъ и въ госуд ственные крестьяне, въ способахъ снисканія себѣ средс существованія честнымъ трудомъ и въ дальнѣйшемъ испр леніи, справедливость требуетъ совершенно отмѣнить кл меніе преступниковъ на лицѣ». Кромѣ того, министръ в треннихъ дѣлъ совершенно соглашался съ необходимос изъять женщинъ отъ тѣлесныхъ наказаній. О клеймені дробно высказался и медицинскій совѣтъ, такъ какъ фе шера и доктора обязаны были принимать участіе въ ис неніи этого наказанія. Медицинскій персоналъ справед тяготился такой обязанностью, и медицинскій совѣтъ п ставилъ мотивированное мнѣніе о необходимости освобо врачей отъ унизительнаго для ихъ человѣческаго достоин участія въ исполненіи тѣлесныхъ наказаній «эта обязан палача, говорится во мнѣніи медицинскаго совѣта, в гается нынѣ на фельдшеровъ, подъ наблюденіемъ и содѣйствіи врачей, которые должны еще нести отвѣтс ность за постепенное на живомъ тѣлѣ преступника исч веніе клейма, отвѣтственность, которой не подлежали палачи.

Принимая въ соображеніе смыслъ назначенія и пря обязанностей врача—оказывать одержимымъ болѣзнями н жащую помощь, облегчать ихъ страданія и, если возмо предупреждать оныя, и имѣя при томъ въ виду, что успѣшнаго достиженія этой цѣли врачъ долженъ по ваться довѣріемъ и уваженіемъ того общества, въ кото онъ обращается, непонятно, какъ при такихъ условіяхъ гласить возложеніе на врача обязанности содѣйствія па. или фельдшеру въ наложеніи клеймъ, и какимъ обра фельдшеръ, имѣющій обязанность, по назначенію и подъ блюденіемъ врача, оказывать больнымъ разныя пособія, жетъ быть обращенъ въ палача, званіе, неимѣющее т ничего общаго съ его назначеніемъ и обязанностями? Л понять, какъ будетъ встрѣченъ въ образованномъ и во танномъ обществѣ врачъ, прибывшій съ лобнаго мѣс

принимавшій публично участіе въ занятіяхъ палача, или фельдшера, наказывавшихъ тѣлесно преступника. Но независимо отъ таковаго нравственнаго значенія этой новой врачебной обязанности, спрашивается, какая же цѣль ея? Мѣста, на которыхъ клейма налагаются, указаны на рисункахъ, при циркулярныхъ предписаніяхъ министра разосланныхъ; тщательное наложеніе клеймъ, чтобы слѣды оныхъ не могли изгладиться, нисколько присутствіемъ врача не упрочивается, потому что, какъ уже и медицинскій совѣтъ неоднократно выражался, при настоящемъ состояніи науки и при условіяхъ человѣческаго организма, дѣлаемые на ономъ знаки могутъ, со временемъ, постепенно исчезнуть, или быть искусственно уничтожены...

За всѣмъ вышеизложеннымъ, признавая назначеніе врачей къ присутствію при наложеніи клеймъ, сколько неприличнымъ и унижающимъ врачебное сословіе, въ ущербъ пользъ общества, столько и совершенно безполезнымъ, а возлагаемую на фельдшеровъ обязанность заниматься, вмѣсто палача, наложеніемъ клеймъ несоотвѣтственнымъ ихъ прямому дѣлу и даже безнравственнымъ» [1]), медицинскій совѣтъ и предлагалъ передать это дѣло въ руки палачей, или иныхъ «способныхъ для сего и, по собственному желанію, готовыхъ на то лицъ».

О значеніи тѣлесныхъ наказаній за маловажныя проступки интересно замѣчаніе юриста-практика Н. А. Буцковскаго, въ немъ говорится, что 1) они недостаточно репрессивны, такъ какъ по духу нашего времени доведены до незначительнаго числа ударовъ, и для людей, привыкшихъ къ грубому обращенію и побоямъ съ малолѣтства, не составляютъ страданія, 2) преступникъ немедленно отпускается продолжать свой прежній образъ жизни, т. е. пьянствовать и т. д., 3) тѣлесныя наказанія убиваютъ достоинство человѣка, не достигая никакихъ разумныхъ цѣлей (Сводъ мнѣній, ст. 117—

[1]) Сводъ мнѣній и замѣчаній по вопросу объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, стр. 93 и слѣд.

119—121). На легкую возможность отмѣны тѣлесныхъ казаній указывалъ и другой юристъ-практикъ Д. А. Ро ській, доказывавшій, что ихъ можно отмѣнить соверше несмотря на недостаточность мѣстъ заключенія. Наков кн. Орловъ высказался противъ клейменія и наказанія ı щинъ въ какихъ бы то ни было случаяхъ: «женщины самому полу своему должны быть избавлены отъ тѣлесн наказаній. Эта истина указывается и самою природо подтверждается повсемѣстнымъ чувствомъ омерзѣнія на народа ко всякому роду наказаній женщинъ рукою п цейскихъ или палачей. Преступницы суть тѣ же женщ Предлагаемое комитетомъ исключеніе... не оправдыва необходимостью. Кромѣ того, оно легко можетъ сдѣл орудіемъ безнравственности, предавая ссыльныхъ жені на произволъ мѣстныхъ властей Можетъ ли высшее с ское начальство поручиться, что непубличныя тѣлесны казанія женщинъ будутъ всегда правосудно исполнятьс

Наконецъ, наказаніе розгами взамѣнъ заключенія с няемое до устройства мѣстъ заключенія, кн. Орловъ знавалъ, какъ печальную необходимость, но полагалъ переустройство тюремъ при участіи русскаго общества м быть закончено очень скоро. Вообще кн. Орловъ сч необходимымъ установленіе срока для окончательной от всѣхъ тѣлесныхъ наказаній, признавалъ достаточнымъ этого два года, и предлагалъ замѣнить розги штрафам

На сторонѣ противниковъ тѣлесныхъ наказаній общественное мнѣніе. Они могли разсчитывать и на держку при дворѣ, они были сильны; въ другомъ поло находились защитники тѣлесныхъ наказаній, не могшіе считывать на побѣду, имъ оставались только компром задержки, выжидательное положеніе. Поэтому среди с никовъ, несогласныхъ съ заключеніями комитета, не в чается прямой оппозиціи: тѣлесныя наказанія отстаив но косвенно; такъ государственный контролеръ Анне

[1]) Архивъ Госуд. Совѣта. 1862 г., № 47. № 3563 по архи

нашелъ, что въ эпоху преобразованія всѣхъ основъ государственнаго быта, при политическихъ смутахъ въ западныхъ губерніяхъ, измѣненіе уголовной системы несвоевременно. Рѣшительнѣе высказался министръ юстиціи гр. Панинъ, заявившій себя убѣжденнымъ сторонникомъ существующаго порядка: «виды наказаній, писалъ онъ, должны соотвѣтствовать степени развитія народнаго образованія и понятія о чести». Внезапный переходъ отъ мѣръ жестокихъ къ болѣе кроткимъ можетъ колебать страхъ наказанія въ тѣхъ лицахъ, которыхъ могутъ страшить только тѣлесныя кары. Въ народномъ понятіи тѣлесное наказаніе есть единственное возбуждающее страхъ, и отмѣна его въ грубыхъ понятіяхъ нѣкоторыхъ преступниковъ была бы равносильна отмѣнѣ всѣхъ уголовныхъ наказаній. Далѣе министръ юстиціи занялся опроверженіемъ доводовъ противниковъ: сочувствіе народа къ наказаннымъ вызывается не отвращеніемъ къ наказанію, а христіанскимъ соболѣзнованіемъ (что прямо противорѣчило дѣйствительности). Недостатокъ палачей объясняется не столько тяжестью ихъ обязанностей, сколько налагаемыми на нихъ стѣсненіями, подвергающими ихъ какъ бы пожизненному одиночному заключенію (гр. Панинъ забывалъ здѣсь, что недостатокъ въ палачахъ чувствовался еще въ XVIII вѣкѣ, когда о стѣсненіи ихъ не было рѣчи). Но и гр. Панинъ не могъ защитить дѣла, которое было уже проиграно, онъ долженъ былъ признать, что предшествовавшее законодательство представляло изъ себя картину постепенныхъ уступокъ, медленно и вѣрно разрушавшихъ лѣстницу тѣлесныхъ наказаній, но логическаго вывода, къ которому вело такое постепенное уничтоженіе, министръ не хотѣлъ видѣть и допускалъ только частичныя смягченія. Клейменіе онъ считалъ возможнымъ замѣнить наложеніемъ знаковъ на плечѣ. Шпицрутены онъ признавалъ строгимъ наказаніемъ и не возставалъ противъ ихъ отмѣны, предлагая только выждать заключенія генералъ-губернаторовъ Сибири. Женщинъ, въ виду ихъ менѣе крѣпкаго сложенія и сохраненія между зрителями чувства стыдливости и приличія,

предполагалъ наказывать въ половину противъ мужчинъ и не публично; плети для ссыльныхъ до пересмотра законовъ о нихъ уменьшить на половину; наказаніе розгами при арестантскихъ ротахъ понизить въ 2 раза: 50 вмѣсто 100 ударовъ; исправительныхъ наказаній розгами взамѣнъ тюремнаго заключенія не отмѣнять. Переходя къ отдѣльнымъ статьямъ Уложенія, гдѣ розги назначались самостоятельно, гр. Панинъ и здѣсь сбавлялъ нѣсколько, напр. (по ст. 1038) 15—20 ударовъ онъ предлагалъ замѣнить 10—20. Министръ юстиціи, впрочемъ, какъ и государственный контролеръ, защищалъ не само тѣлесное наказаніе, а только его необходимость въ настоящую минуту: по мнѣнію гр. Панина къ его уничтоженію слѣдовало переходить постепенно (стр. 37—58). Оберъ-прокуроръ св. Синода не представилъ собственнаго мнѣнія, но переслалъ въ комитетъ мнѣніе преосвященнаго Филарета митрополита Московскаго. Свѣтскіе противники реформъ вынуждены были къ уступкамъ и осторожности, митрополитъ высказался свободнѣе. Онъ писалъ, что вопросъ о тѣлесномъ наказаніи касается только государства, а не церкви, если государство можетъ отказаться отъ этого наказанія, «христіанство одобритъ сію кротость, въ противномъ случаѣ не осудитъ строгости, только бы наказаніе было справедливо и не чрезмѣрно» (условія невозможныя при тѣлесномъ наказаніи). Думаютъ, что тѣлесныя наказанія дѣйствуютъ разрушительно на народную нравственность, но «нельзя думать, что Господь Богъ чрезъ Моисея узаконилъ тѣлесныя наказанія (4—десять ранъ да наложатъ ему. Второзаконіе XXV, 3) для разрушенія нравственности народа (іерархъ упускалъ изъ виду, что Моисеевымъ закономъ устанавливается и казнь побіенія камнями, о примѣненіи которой на этомъ основаніи, однако, никто не говорилъ). Отмѣнить тѣлесныя наказанія невозможно и потому, что, если всѣхъ сажать въ тюрьму, то понадобится въ большомъ городѣ особый тюремный городъ.

Комитетъ могъ безъ особеннаго труда возразить на всѣ нареканія, указавъ, что въ политическомъ отношеніи такая благая мѣра, какъ отмѣна тѣлеснаго наказанія, не можетъ

ть признана опасной, что уменьшеніе числа ударовъ «въ дахъ постепеннаго перехода» не имѣетъ за себя раціольныхъ основаній, такъ какъ тѣлесныя наказанія предлагается уничтожить, какъ позорныя и развращающія, а только какъ истязательныя, и число ударовъ поэтому не щественно; затѣмъ, признавъ справедливость замѣчаній отивъ увеличенія сроковъ ссылки, предложилъ просто отѣнить придаточныя тѣлесныя наказанія и клейменіе.

Окончательныя заключенія комитета состояли въ слѣдующемъ: дополнительныя тѣлесныя наказанія и клейменіе отмѣить, лицъ женскаго пола изъять отъ тѣлесныхъ наказаній (за сключеніемъ ссыльныхъ), замѣну тюремнаго заключенія розми сохранить въ исключительныхъ случаяхъ «при дѣйвительномъ недостаткѣ въ мѣстахъ заключенія», сохранить казанія плетьми для ссыльныхъ, озаботиться прекращеніемъ лицейскихъ тѣлесныхъ наказаній и изысканіемъ способовъ мѣны тѣлесныхъ наказаній, оставленныхъ до времени. Оставены были въ ограниченномъ объемѣ и тѣлесныя наказанія войскахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ комитетъ сознавалъ, что, сохраня ограниченное примѣненіе тѣлесныхъ наказаній, онъ не вершаетъ реформы, но долженъ былъ уступить необходимости итаться съ существовавшими тогда временными обстоятельвами. «Реформу нельзя считать окончательно довершенной, ворится въ протоколѣ комитета, пока розга будетъ являться едствомъ исправленія заблуждающагося и учить народъ уваенію къ предписаніямъ закона [1])».

Предположенія комитета разсматривались первоначально въ единенныхъ департаментахъ законовъ и гражданскомъ, въ торыхъ 8 членовъ высказались въ общемъ за заключенія митета, кромѣ одного графа Панина, полагавшаго, что доаточно смягченія тѣлесныхъ наказаній, такъ какъ «позорно еступленіе, а наказаніе позорно лишь въ томъ смыслѣ, что о есть послѣдствіе преступленія. Въ глазахъ народа, сохравшаго въ сердцѣ истины нашей вѣры, наказаніе есть иску-

[1]) Архивъ Госуд. Совѣта 1862 г. № 47.

шленіе грѣха». Въ общемъ собраніи Государственнаго Со
(18 іюля 1862 г.) за предположенія комитета и соеди
ныхъ департаментовъ подало голосъ 25 членовъ, противъ—т
послѣдніе, главнымъ образомъ, по тому соображенію, что
вая отмѣна тѣлесныхъ наказаній можетъ имѣть «весьма в
ныя послѣдствія и поведетъ къ возстановленію смертной каз
но тогда быть можетъ и эта мѣра не въ скоромъ времен
не вполнѣ достигнетъ предположенной цѣли», такъ что
концѣ концовъ оказалось, что защитники тѣлесныхъ наказ
дѣйствуютъ въ интересахъ человѣколюбія. Но не имѣя
можности остановить отмѣну тѣлесныхъ наказаній, сторон
ихъ успѣли нѣсколько затянуть обнародованіе закона и
вліять на его заглавіе. Отмѣна тѣлесныхъ наказаній со
шилась указомъ 17 апрѣля 1863 г., озаглавленномъ «О
которыхъ измѣненіяхъ въ существующей нынѣ системѣ н
заній уголовныхъ и исправительныхъ» изъ опасенія, воо
тормозившаго реформы тѣлесныхъ наказаній въ XIX в., ч
народъ не увидѣлъ въ этомъ отмѣны наказаній. Этимъ
зомъ отмѣнялось тѣлесное наказаніе розгами и плетьми и
меніе. Самостоятельное наказаніе розгами въ 573—57
Уложенія замѣнялось тюрьмою. Лица женскаго пола объяв
изъятыми отъ тѣлеснаго наказанія (кромѣ ссыльныхъ). За
розгами тюрьмы, смирительнаго и рабочаго домовъ и а
оставлена только при явной невозможности исполнить на
ченное наказаніе. Въ этотъ же день состоялись указы о
вершенной отмѣнѣ для воинскихъ нижнихъ чиновъ нака
шпицрутенами и о существенномъ измѣненіи для сихъ чи
всей системы тѣлесныхъ наказаній, что дѣлалось «въ ви
возвышенія нравственнаго духа нижнихъ чиновъ». Всѣ
порочно служащіе нижніе чины освобождены отъ тѣлес
наказаній пока не будутъ переведены по суду въ разрядъ
фованныхъ, въ которомъ не изъятые отъ тѣлесныхъ нака
могутъ подвергаться наказанію розгами безъ судебнаго приго
до 50 ударовъ по приказу полковаго командира или рав
ему по власти лицъ. Мѣра наказанія должна соотвѣтств
степени вины, лѣтамъ и физическимъ силамъ наказывае

сомнительныхъ случаяхъ требовалось медицинское освидѣ-
ьствованіе.

Во флотѣ шпицрутены и кошки были замѣнены розгами, 200 ударовъ до устройства мѣстъ заключенія; нижнихъ іовъ, подлежащихъ во время плаванія наказанію кошки, — разрѣшено наказывать линьками не болѣе 100 уда-ъ. Реформа 1863 г., неполнота которой сглаживалась ея юмнымъ нравственнымъ значеніемъ, вызвала восторженныя вѣтствія русскаго общества. «17 апрѣля 1863 г., пишетъ инъ изъ переживших этотъ день, кн. Голицынъ, снята на, наконецъ, съ русскаго народа эта позорная язва, много зовъ тяготѣвшая надъ нимъ». Проф. Никитенко отмѣчаетъ своемъ дневникѣ: «17 апрѣля невыразимый народный эн-іазмъ въ Москвѣ. Народъ потребовалъ, чтобы молебенъ былъ лужень на площади противъ комнатъ дворца, гдѣ родился ександръ II». «Когда я получилъ отъ министра внутреннихъ гъ извѣщеніе... что государь окончательно приказалъ отмѣ-гъ тѣлесныя наказанія... слезы брызнули изъ глазъ... я по-ылъ гонцовъ во всѣ уѣзды, чтобы остановить исполненіе иговоровъ на прежнемъ основаніи», пишетъ въ своихъ за-скахъ о 17 апрѣля 1863 г. сенаторъ Денъ. Этотъ общій торгъ и образованнаго класса и простого народа служитъ аснорѣчивымъ отвѣтомъ всѣмъ защитникамъ тѣлесныхъ на-заній.

Въ 1863 же году, 30 августа, были отмѣнены шпицрутены і ссыльныхъ вслѣдствіе представленія министра внутреннихъ гъ, справедливо находившаго, что съ отмѣной шпицрутеновъ войскахъ нельзя возлагать на солдатъ неприличную ихъ нію обязанность быть исполнителями тѣлесныхъ наказаній. пицрутены замѣнялись плетьми по Уставу о ссыльныхъ [1]. резъ годъ указомъ 30 августа 1864 г. были отмѣнены тѣ-ныя наказанія въ Царствѣ Польскомъ.

Крупное измѣненіе въ системѣ наказаній вызвалъ и пе-смотръ уложенія, появившагося новымъ изданіемъ въ 1866 г.,

---

[1]) П. С. З. 40021, 1863 г.; 50080, 1871 г.

въ которомъ устанавливалось общее правило замѣны заключе тѣлесными наказаніями (ст. 78, 80, 81, 82). Въ приложе списокъ тѣлесныхъ наказаній ограничивался только двумя—р гами и наложеніемъ оковъ. Затѣмъ слѣдовали группы изъят отъ этихъ наказаній: въ ст. 3—15 группъ, въ 4—4, въ 5— въ 6—6 группъ, всего 62. Для замѣнительныхъ тѣлесн наказаній сохранились особыя изъятія (ст. 11). Положені не назначеніи тѣлесныхъ наказаній для страдающихъ изв ными болѣзнями повторено ст. 88 и въ приложеніи III б измѣненій. Въ этомъ изданіи Уложенія о наказаніяхъ кр лицъ изъятыхъ увеличился не только по числу группъ, но по ихъ обширности: прибавились изъятія отъ тѣлесныхъ н казаній женщинъ, крестьянъ, занимающихъ общественныя до жности, и церковнослужителей.

VI.

Послѣ изданія закона 17 апрѣля 1863 г. законодатель движеніе въ вопросѣ о тѣлесныхъ наказаній пріостановило и реформа, которая имѣлась въ виду (отмѣна тѣлесныхъ на казаній) не закончена еще и въ настоящее время.

Во всякомъ случаѣ отношеніе къ тѣлеснымъ наказані оставалось прежнее, и попытки расширить его примѣненія имѣли успѣха. Въ 1864 г. при обсужденіи въ Государстве номъ Совѣтѣ Мироваго Устава возникло было предположені предоставить мировымъ судьямъ право назначать тѣлесныя на казанія (до 30 розогъ), но оно было отвергнуто громадны большинствомъ, на томъ основаніи, что «тѣлесныя наказан не могутъ не быть признаны положительно вредными, препя ствующими смягченію нравовъ народа и не дозволяющим развиваться въ немъ чувству чести и нравственнаго долга»[1] сохраненіе розогъ для крестьянъ объяснялось нежеланіемъ к лебать только что изданное положеніе 19 февраля. О розгах говорилось и въ коммиссіи о преобразованіи волостныхъ с

[1]) Джаншіевъ Изъ эпохи великихъ реформъ. 5-е изд. стр. 202.

въ (1870 г.), какъ о наказаніи, подлежащемъ уничтоженію; отивъ розогъ были не только опрошенные комиссіей кре-ьяне, но и различныя должностныя лица, входящія въ близкое прикосновеніе съ крестьянскимъ міромъ, даже нѣкоторые иравники (Московской губ.). Указывалось и на то, что тѣ-сное наказаніе должно быть отмѣнено уже потому, что 20 уда-въ розгами ничего не значатъ для простолюдина (Мировой средникъ Костромской губ.)[1], что это не наказаніе, а от-атительная комедія, влекущая за собою деморализацію на-заннаго. Удостовѣрялось, что народъ не обращается къ во-стному суду, рѣшенія котораго, какъ и стариковъ, разбираю-ихъ дѣла иногда въ нетрезвомъ видѣ, кончаются приговорами розгамъ.

Въ прежнемъ же направленіи состоялось важное мѣро-іятіе — отмѣны въ 1884 и 1885 гг. замѣнительныхъ тѣлес-ыхъ наказаній вмѣсто заключенія вслѣдствіе упраздненія ра-очихъ и смирительныхъ домовъ, въ большинствѣ случаевъ ществовавшихъ лишь на бумагѣ[2]).

Въ изданіи Уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и испра-ительныхъ 1885 г. тѣлесное наказаніе упоминалось въ статьяхъ (952, 1261, 1377). Въ приложеніи, какъ и въ зданіи 1866 г. тѣлесными наказаніями считались наказаніе озгами и наложеніе оковъ. Затѣмъ оставались тѣлесныя на-азанія по Положенію о крестьянахъ, тѣлесныя наказанія акъ дисциплинарная мѣра въ тюрьмахъ, тѣлесныя наказанія ля ссыльныхъ, и тѣлесныя наказанія въ войскахъ (для штра-ованныхъ и въ дисциплинарныхъ баталіонахъ). Такимъ обра-мъ, тѣлесныя наказанія, хотя и очень медленно продолжали ывать.

---

[1]) Труды комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ. Мнѣнія и зывы Владимірской губ. стр. 78. Ib. Сводъ мнѣній и отзывовъ, стр. 111, 4, 430, 433, 544, 580, т. III, стр. 180, 330, т. I, стр. 3, 12, 124 слѣд.

[2]) Таганцевъ. Лекціи, IV, стр. 1410. П. С. З. 2172, 1884; 1885 г. 3316 Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта объ мѣнѣ заключенія въ смирительныхъ и рабочихъ домахъ.

Внезапный поворотъ назадъ въ законодательствѣ былъ сдѣланъ закономъ 12 іюля 1889 г., имѣющимъ цѣлью восполнить отсутствіе «близкой къ народу твердой правительственной власти, которая соединяла бы въ себѣ попечительство надъ сельскими обывателями... съ обязанностями по охраненію благочинія, общественнаго порядка, безопасности и правъ частныхъ лицъ въ сельскихъ мѣстностяхъ». Вѣроятно, по традиціи, въ Россіи понятіе объ административномъ попечительствѣ и твердой власти какъ бы связывается съ тѣлеснымъ наказаніемъ, и законъ о земскихъ начальникахъ, отступая отъ исторически сложившагося отношенія законодателя къ послѣднимъ, расширилъ возможность примѣненія розогъ, хотя и не безъ оговорокъ: такъ, наказаніе ими допускается лишь по приговору волостныхъ судовъ, утвержденныхъ земскими начальниками, въ особо важныхъ случаяхъ, если судъ признаетъ необходимымъ именно тѣлесное наказаніе (ст. 36, 37. Времен. правилъ о волостномъ судѣ). Практика земскихъ начальниковъ оказалась весьма разнообразной Лучшая часть ихъ, дѣйствуя, въ духѣ законодателя, безъ сомнѣнія, имѣвшаго въ виду улучшить, а не ухудшить положеніе крестьянъ, избѣгаетъ примѣненія тѣлесныхъ наказаній, другая, напротивъ, придаетъ розгамъ очень большое значеніе. Практика второй группы вызвала, какъ и слѣдовало ожидать, не только протестъ общественнаго мнѣнія, выразившійся въ массѣ газетныхъ замѣтокъ и брошюръ, но и вполнѣ заслуженное неодобреніе высшей администраціи. Въ 1891 г. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ циркуляромъ (Вѣст. Европы, 1891, № 9, стр. 378) разъяснило, что «къ приговорамъ волостныхъ судовъ о тѣлесномъ наказаніи земскіе начальники должны относиться вообще съ большою осторожностью, наблюдать чтобы они не являлись слѣдствіемъ пристрастнаго отношенія къ виновному и т. д. Исполнителями такихъ приговоровъ не должны быть молодые люди, на которыхъ подобная операція производитъ развращающее впечатлѣніе. Необходимо строго наблюдать, чтобы исполненіе означенныхъ приговоровъ не являлось потѣхой или зрѣлищемъ праздной толпы, и особенно малолѣтнихъ. Воз-

можно близкое вниканіе во всѣ дѣла и нужды деревни, а также частное вліятельное, нравственное воздѣйствіе земскихъ начальниковъ можетъ совершенно устранить надобность въ крайнихъ мѣрахъ». Какъ видно изъ приведеннаго циркуляра, тѣлесное наказаніе, поставленное закономъ 1889 г. подъ контроль земскихъ начальниковъ, разсматривается какъ крайняя мѣра, примѣненіе которой въ сущности не желательно. Признаніе тѣлесныхъ наказаній непригодными въ настоящее время выразилось и въ томъ, что въ изданномъ въ одинъ годъ съ закономъ о земскихъ начальникахъ Волостнымъ Судебнымъ Уставомъ для Прибалтійскаго Края волостные суды обязаны замѣнять по желанію осужденнаго тѣлесное наказаніе строгимъ арестомъ, такъ что оно можетъ быть исполнено лишь съ согласія наказываемаго [1]).

Иного отношенія къ тѣлеснымъ наказаніямъ трудно было и ожидать, такъ какъ нежелательность ихъ примѣненія, несоотвѣтствіе ихъ съ условіями современной русской жизни, за ничтожными и не авторитетными исключеніями, заставляютъ высказываться противъ нихъ не только общество и общественныя учрежденія, но и представителей администраціи—фактъ, совершенно понятный, если мы припомнимъ, что уже съ 40 годовъ тѣлесныя наказанія встрѣчали общее осужденіе болѣе культурной части русскаго общества. Объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній въ 90 годахъ ходатайствовали генералъ-губернаторы степной и туркестанскій, многія земскія собранія, медицинскія и сельско-хозяйственныя общества (особеннаго вниманія заслуживаетъ ходатайство Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества); стремленіе освободиться отъ позора тѣлесныхъ наказаній ясно сказывается и въ заинтересованныхъ въ этомъ непосредственно группахъ населенія.

Если (см. стр. 144) при обсужденіи отмѣны кнута въ 1845 г. и отмѣны тѣлесныхъ наказаній въ 1863 г. защитники тѣлесныхъ наказаній не встрѣчали сочувствія и не располагали

---

[1]) Носка. Къ вопросу о тѣлесныхъ наказаніяхъ въ волостныхъ судахъ Прибалтійскихъ губерній. Ж. М. Ю., 1902, 4, стр. 231 и сл.

сильными аргументами, то тѣмъ болѣе, съ 80 годовъ, к
отъ тѣлесныхъ наказаній, сравнительно съ прошлымъ, оста
немного, было еще труднѣе защищать удержаніе этихъ о
ковъ. Высшее число ударовъ, которое теперь можно пр
нять, 20 (число, которое прежде считалось бы не важ
для какого нибудь школьника, должно устрашать теперь в
лаго здороваго человѣка. Большее значеніе розги сохра
по воинскому и дисциплинарному уставамъ для переведен
въ разрядъ штрафованныхъ; но это спеціальное нака
которое раздѣлитъ судьбу другихъ тѣлесныхъ наказаній,
они будутъ отмѣнены, и котораго не касаются защит
розогъ. Примѣненіе тѣлесныхъ наказаній въ войскахъ
собой постепенно ограничивается, по крайней мѣрѣ по су
6149 случаевъ въ 1870 г. оно дошло до 348 въ 1893 і
Споръ, слѣдовательно, идетъ о сравнительно небольшом
физическому значенію наказаніи, примѣненіе котораго в
вокъ зависитъ отъ такой случайности, какъ счастливый ж
при отбываніи воинской повинности; розги по мѣткому
чанію одного изъ противниковъ ихъ земскаго начальни
Чернова: «имѣютъ жертвами всѣхъ тѣхъ, кто и безъ
обиженъ судьбою: узкогрудыхъ, хромоногихъ или единс
ныхъ тружениковъ въ семьѣ, сыновей—одиночекъ и т. п
Для оправданія тѣлесныхъ наказаній въ такой формѣ т
подыскать подходящіе аргументы: защитники розогъ, как
мѣчаетъ г. Обнинскій [2]) опираются на то, что 1) нравс
ный уровень крестьянъ низокъ, что 2) тюрьма грозитъ р
реніемъ и развращаетъ попадающихъ въ нее и 3) вмѣс
этимъ связывается не совсѣмъ логично указаніе на то
розги примѣняются къ окончательно испорченнымъ, пот
шимъ чувство стыда; не трудно видѣть, что 2 и 3 до
тельства взаимно уничтожаютъ другъ друга: если сѣкут

---

[1]) *Черновъ*. Набросокъ соображеній изъ волостной юстиціи. Гж
1895, стр. 71—72.

[2]) *Обнинскій, П.* Розга, какъ карательная мѣра. Юр. Вѣстн.
Іюнь. стр. 48—69.

онецъ испорченныхъ, то имъ не можетъ повредить и тюремое заключенie; если сѣкутъ въ исправительныхъ цѣляхъ, то о неправильно, такъ какъ розги уничтожаютъ чувство стыда чести, которыя прежде всего нужно сохранить въ интереахъ исправленія. Точно также признаніе уровня крестьянкой нравственности низкимъ не можетъ оправдать примѣненія къ нимъ наказанія еще болѣе понижающаго его, напроивъ оно требуетъ карательныхъ мѣръ, могущихъ дать совершенно иные результаты. Для поддержанія тѣлесныхъ наказаній, ришлось бы настаивать на положеніи, что русскій народъ енѣе сознаетъ ихъ позорность и тяжесть, чѣмъ дикія инородческія племена, изъятыя отъ тѣлесныхъ наказаній, которымъ одвергается живущее вмѣстѣ съ ними русское населеніе, — тотъ печальный фактъ, унижающій коренное населеніе страны, вызвалъ 1895 г. упомянутыя ходатайства Степнаго и Туркестанскаго генералъ-губернаторовъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній.

Защита розги, какъ наказанія, по суду или какъ дисциплинарной мѣры, представляется не болѣе какъ пережиткомъ рошлаго, служащимъ для сохраненія историческаго дѣленія а высшихъ и низшихъ, привилегированныхъ и непривилегированныхъ, рѣзко нарушающимъ основное начало равенства сѣхъ передъ закономъ. Съ этой точки зрѣнія протестъ проивъ розогъ, въ какомъ бы то ни было числѣ ударовъ и для акого бы то ни было узкаго круга лицъ, имѣетъ несомнѣнно ольшое общественное и государственное значеніе.

Все изложенное приводитъ къ выводу, что въ настоящее ремя немыслимо расширеніе области примѣненія тѣлесныхъ аказаній, и что законодатель не можетъ уклониться съ пути, казываемаго ихъ вѣковой исторіей; такъ и происходитъ въ ѣйствительности, но, крайне медленно, въ формѣ постепенныхъ уступокъ духу времени, какъ это было и въ первой повинѣ XIX столѣтія. Причемъ законодатель по прежнему граничиваетъ тѣлесныя наказанія путемъ изъятій отъ нихъ и утемъ смягченія. Въ 1901 году число категорій изъятыхъ

по перечню, помѣщенному въ приложеніи къ ст. 30 уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ равнялось 69 [1]).

Категоріи изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній можно подраздѣлить на большія группы 1) изъятыхъ по состоянію (принадлежность къ указанному въ законѣ сословію, начиная съ потомственныхъ дворянъ (15 разрядовъ по 3 пункту Приложенія, 4— по 4 пункту и 6—по 5 пункту, всего 25 разрядовъ), 2) изъятыхъ по полученному образованію, или пребыванію въ учебныхъ заведеніяхъ, или по выдержанію установленныхъ экзаменовъ (25 разрядовъ по 5 пункту Приложенія). Сюда относятся всѣ высшія, среднія и нѣкоторыя спеціальныя учебныя заведенія, уѣздныя, земледѣльческія и равныя съ ними училища 3) изъятыхъ по должностямъ, знакамъ отличія, и по удостоенію Высочайшаго благоволенія (6 разрядовъ по 5 пункту Приложенія), 4) изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній во время состоянія въ должностяхъ (12 разрядовъ по 6 пункту Приложенія), 5) изъятыхъ до лишенія правъ состоянія (пункты 7 и 8 Приложенія). Особо говорится въ Приложеніи объ изъятіи женщинъ и военнослужащихъ. Изъятіе престарѣлыхъ, достигшихъ 70 лѣтъ, устанавливается въ пунктѣ 5 Приложенія и, наконецъ, по пункту 10 — однодворцы Бессарабской губ. и мѣщане и крестьяне изъ однодворцевъ и гражданъ (бывшіе шляхтичи западныхъ губерній), могутъ быть наказаны тѣлесно только по суду.

Кромѣ того въ 1902 году были изъяты отъ тѣлесныхъ наказаній «лица, окончившія курсъ художественно-промышленныхъ заведеній всѣхъ разрядовъ, а также обучающіяся въ художественно-промышленныхъ училищахъ и школахъ» и «учителя и попечители церковныхъ школъ вѣдомства Православнаго Исповѣданія и воспитанники учительскихъ школъ этого вѣдомства какъ во время прохожденія ими курса въ сихъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ и по окончаніи онаго [2]).

---

[1]) Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1885 г. Изд. Н. С. Таганцевымъ, изд. 11-ое, Спб. 1901, стр. 905 и сл.

[2]) Высоч. утвержд. мнѣнія Государственнаго Совѣта (27 мая и 1 апрѣля 1902 г.).

Послѣднее изъятіе дѣлаетъ необходимымъ уравненіе съ церковными учительскими школами учительскихъ семинарій и безусловное изъятіе вообще народныхъ учителей отъ позорнаго тѣлеснаго наказанія. Вопросъ объ этомъ былъ возбужденъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія во время подготовительныхъ работъ по закону 17 апрѣля 1863 г. По мнѣнію Министра Народнаго Просвѣщенія необходимо было пополнить пробѣлы законодательства объ изъятіяхъ отъ тѣлесныхъ наказаній, такъ какъ «весьма многія лица, конечно, изъяты уже отъ тѣлеснаго наказанія, по вниманію къ ихъ образованію или службѣ, посвященной воспитанію юношества, но въ числѣ послѣднихъ не заключается еще однако учителей приходскихъ, начальныхъ, сельскихъ и другихъ элементарныхъ училищъ, —лицъ по большей части не получившихъ образованія въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и происходящихъ изъ свободныхъ податныхъ состояній, но тѣмъ не менѣе занимающихъ весьма важныя, по нравственному значенію, должности, въ особенности въ виду предпринятой нынѣ правительствомъ реформы въ устройствѣ сельскаго состоянія—реформы, требующей распространенія сельскихъ училищъ и привлеченія въ нихъ на службу учителей изъ состояній, неизъятыхъ по закону отъ тѣлеснаго наказанія»[1]. Законодательное постановленіе объ изъятіи отъ тѣлесныхъ наказаній не окончившихъ уѣздныхъ или равныхъ имъ училищъ необходимо, несмотря на существованіе въ законѣ изъятія отъ тѣлесныхъ наказаній народныхъ учителей, такъ какъ остается неяснымъ, пользуются ли они этой привиллегіей только во время состоянія въ должности или и по оставленіи ея; въ пользу послѣдняго толкованія говоритъ то обстоятельство, что народные учителя помѣщены въ перечнѣ лицъ, изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній пожизненно, а не въ числѣ тѣхъ, которые изъяты на время состоянія въ должности[2].

---

[1]) Сводъ мнѣній и замѣчаній по вопросу объ отмѣнѣ наказаній тѣлесныхъ, стр. 150—151.

[2]) Приложеніе къ 30 ст. Улож. о наказ. пунктъ 5, № 26; ср. пунктъ 6.

Въ 1900 г. было отмѣнено наказаніе бродягъ розгами, отъ 30 до 40 ударовъ, за ложное показаніе о своемъ званіи (952 ст. Улож. о наказ.) и наказаніе бродягъ изъ ссыльныхъ плетьми, отъ 20 до 100 ударовъ, за тотъ же проступокъ (452 ст. Уст. о ссыльныхъ) [1]).

Важнѣйшее смягченіе въ примѣненіи тѣлесныхъ наказаній послѣ 1863 г. было сдѣлано отмѣной плетей, сохранившихся въ качествѣ обломка прежней системы устрашенія для ссыльно-каторжныхъ и поселенцевъ, совершающихъ новыя преступленія, какъ противъ лицъ, относительно которыхъ считались исчерпанными всѣ другія карательныя мѣры. Но оставленіе плетей въ качествѣ наказанія по крайней мѣрѣ для женщинъ признавалось уже въ 60 годахъ временной, исключительной мѣрой, слишкомъ противорѣчащей правосознанію и нравственному чувству. Еще въ 1867 г. Государственный Совѣтъ, разсматривая записку объ отмѣнѣ тяжкихъ тѣлесныхъ наказаній для ссыльныхъ, постановилъ «для признаваемаго необходимымъ безотлагательнаго изъятія ссыльныхъ женскаго пола отъ тѣлесныхъ наказаній предоставить министру внутреннихъ дѣлъ свои по сему предмету соображенія» [2]).

Въ 1871 г. для обсужденія этого вопроса была образована особая комиссія подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Сабурова, въ 1874 г. закончившая свою работу представленіемъ мнѣнія о желательности замѣнить тѣлесныя наказанія для ссыльныхъ женщинъ одиночнымъ заключеніемъ. Въ виду несогласія съ этимъ мнѣніемъ главноуправляющаго II отдѣленіемъ кн. Урусова, дѣло не получило дальнѣйшаго движенія. Въ 1890 г. была образована новая комиссія подъ предсѣдательствомъ Н. Н. Шрейбера [3]), результатомъ работъ которой и было изданіе закона 1893 г.; по этому закону отмѣна тѣлесныхъ наказаній для женщинъ стала совершив-

---

[1]) Высоч. утвержд. мнѣніе Госуд. Совѣта объ отмѣнѣ ссылки 10 іюня 1900 г. Собраніе узак. и расп. 1900, № 67; 1509.

[2]) Архивъ Государственнаго Совѣта, 101, 1869 г.

[3]) Таганцевъ. Русское Уголовное Право т. II стр. 1016.

шимся фактомъ: Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта постановлено, что женщины, присужденныя къ ссылкѣ въ каторжныя работы или на поселеніе, какъ во время препровожденія ихъ къ мѣстамъ назначенія, такъ и въ мѣстѣ ссылки не подлежатъ ни тѣлесному наказанію плетьми, лозами или розгами, ни прикованію къ телѣжкѣ. Женщины, осужденныя на безсрочныя каторжныя работы, содержатся въ ножныхъ и ручныхъ кандалахъ, но менѣе тяжелыхъ, которые могутъ быть снимаемы по медицинскому освидѣтельствованію по болѣзни съ разрѣшенія тюремнаго начальства. Тѣлесныя наказанія для женщинъ замѣняются содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ въ особомъ отдѣленіи тюрьмы съ прекращеніемъ всякаго сообщенія съ другими содержимыми (не свыше 50 дней), съ отпускомъ горячей пищи черезъ 3 дня въ четвертый, наложеніемъ ножныхъ оковъ на срокъ до 1 года на ссыльно-каторжныхъ.

Наказаніе же плетьми для ссыльныхъ мужчинъ считалось во время изданія закона 1893 г. въ подлежащихъ вѣдомствахъ полезнымъ наказаніемъ, подходящимъ для «обузданія» ссыльныхъ и нуждающимся только въ нѣсколькихъ поправкахъ, которыя бы содѣйствовали увеличенію его результатовъ. Поэтому въ 1894 г. министръ внутреннихъ дѣлъ обратился къ министру юстиціи съ отношеніемъ слѣдующаго содержанія: «ссыльно-каторжные и ссыльно-поселенцы за побѣги и другія преступленія подвергаются установленному для нихъ 437—439 и 445 ст. Устава о ссыльныхъ наказанію плетьми по доставленіи на мѣсто ссылки или въ каторжную тюрьму, назначенную имъ для отбытія наказанія; то же самое соблюдается и относительно бродягъ (452 ст. Уст. о ссыльныхъ). Между тѣмъ подобное наказаніе... не только не способствуетъ предупрежденію или сокращенію числа побѣговъ, но напротивъ приводятъ къ совершенно отрицательнымъ результатамъ... Главнѣйшею причиною является... что виновные въ побѣгахъ бродяги, ссыльно-каторжные и ссыльно-поселенцы, для которыхъ наказаніе плетьми, какъ это дознано опытомъ, составляетъ почти исключительную мѣру устрашенія, знаютъ, что... нака-

занію этому они подвергнутся не прежде доставленія на мѣсто работъ или водворенія и потому, дабы избавиться отъ угрожающаго имъ тѣлеснаго наказанія совершаютъ въ пути слѣдованія къ симъ мѣстамъ новые побѣги... Не подлежитъ сомнѣнію, что наиболѣе соотвѣтственнымъ средствомъ... было бы измѣненіе (478 ст. У. о. сс.) дѣйствующаго порядка въ томъ смыслѣ... чтобы они подвергались тѣлеснымъ наказаніямъ въ мѣстахъ задержанія или совершенія преступленій... Въ частности мѣра эта, вызываемая настоятельною необходимостью обузданія ссыльныхъ и огражденія населенія отъ разнаго рода преступныхъ дѣйствій, повліяла бы и на уменьшеніе бродяжества»...[1]).

Однако, въ виду явной невозможности исполнять наказаніе плетьми въ Европейской Россіи, статсъ-секретарь Дурново высказалъ свое мнѣніе въ дополненіе къ вышеприведенному отношенію, по которому, хотя и признавалъ, что «приведеніе сего наказанія въ дѣйствіе тотчасъ по вступленіи приговора въ законную силу, достигло бы несомнѣнно съ большею дѣйствительностью преслѣдуемую закономъ цѣль—устрашенія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и удержанія отъ побѣговъ разныхъ категорій ссыльныхъ... Тѣлесное наказаніе назначается и выполняется въ цѣляхъ чувственнаго побужденія рецидивистовъ къ воздержанію отъ новыхъ преступленій... Но имѣя въ виду, что тѣлесное наказаніе по судебнымъ приговорамъ въ предѣлахъ Европейской Россіи отошло уже почти въ область прошлаго и, сохраняясь лишь въ видѣ мѣры исключительной, ожидаетъ своего окончательнаго упраздненія, что примѣненіе его удерживается... по преимуществу въ обѣихъ частяхъ Сибири, что... исполненіе тамъ его въ будущемъ не можетъ встрѣтить никакихъ практическихъ неудобствъ, тогда какъ въ Европейской Россіи, гдѣ несомнѣнно забыта уже и форма плетей, обращеніе къ тѣлеснымъ наказаніямъ породило бы массу затрудненій не только въ самомъ его процессѣ, но и въ пріисканіи способовъ къ выполненію онаго».

---

[1]) Архивъ Государственнаго Совѣта. Департам. Гражд 1894 г. № 188.

По этимъ соображеніямъ статсъ-секретаремъ Дурново и было сдѣлано предложеніе выполнять наказаніе плетьми въ Сибири,—въ мѣстахъ осужденія, въ Европейской же Россіи наказанія не исполнять, а назначить для этого, какъ наиболѣе удобное мѣсто—Тюмень. Въ такой формѣ предложеніе было принято Государственнымъ Совѣтомъ и Высочайше утверждено [1]).

Наказаніе плетьми оказалось, однако, настолько несоотвѣтствующимъ современнымъ взглядомъ на наказаніе, что, какъ явствуетъ изъ сообщенія министерства юстиціи, министръ «за послѣднее время повергалъ на Монаршее милосердное благовоззрѣніе всѣ состоявшіеся о ссыльныхъ судебные приговоры, присуждавшіе ихъ къ тягчайшимъ видамъ тѣлесныхъ наказаній, и Государю Императору благоугодно было освобождать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ ссыльныхъ отъ означенныхъ наказаній». Такимъ образомъ наказаніе фактически перестало примѣняться и, наконецъ, въ 1901 г. было Высочайше повелѣно приступить къ обсужденію вопроса объ отмѣнѣ тягчайшихъ тѣлесныхъ наказаній для ссыльныхъ, такъ какъ «сложная система наказаній по Уставу о ссыльныхъ, являющемуся одною изъ наиболѣе устарѣлыхъ частей нашего законодательства, представляется весьма суровою и не отвѣчающею современнымъ пенитенціарнымъ задачамъ. Поэтому и вслѣдствіе состоявшейся уже, согласно закону 10 іюня 1900 г. отмѣны ссылки на поселеніе, какъ самостоятельнаго наказанія за общія преступленія и предстоящихъ введенія въ дѣйствіе новаго уголовнаго уложенія, переустройства каторги и слѣдующаго за нею поселенія, означенный уставъ подлежитъ въ близкомъ будущемъ коренному пересмотру» [2]).

Отмѣна плетей была осуществлена закономъ 2 іюня 1903 г.; одновременно съ плетьми отмѣнены наказаніе лозами, приукованье къ телѣжкѣ и бритье головы. Взамѣнъ этого устано-

---

[1]) Выс. утвержд. мнѣніе Государ. Совѣта 13 февр. 1895 г.

[2]) Объ отмѣнѣ тягчайшихъ видовъ тѣлесныхъ наказаній для ссыльныхъ. Журн. Мин. Юст. 1902, № 1.

... строгости наказанія (содержаніе въ разрядѣ ... введено одиночное заключеніе [1]).

...ныхъ смягченій въ 1901 г. было умень... ...арное тѣлесное наказаніе для содержащихся ...ныхъ исправительныхъ отдѣленіяхъ [2]). Въ резуль... ...изъятій и смягченій тѣлесныхъ наказаній изъ нихъ ... въ настоящее время розги и наложеніе оковъ. На... ...ни примѣняются для неизъятыхъ отъ тѣлесныхъ на... ...лицъ непривилегированныхъ сословій а) по пригово... ...волостныхъ судовъ, b) въ качествѣ дисциплинарной мѣры ...арестантскихъ отдѣленіяхъ, с) по уставу о ссыльныхъ, d) въ ...ношеніи къ переведеннымъ въ разрядъ штрафованныхъ и со... ...держащимся въ дисциплинарныхъ баталіонахъ.

Наряду съ этими постоянными ограниченіями области примѣненія тѣлесныхъ наказаній не могъ сойти со сцены и вопросъ объ ихъ окончательной отмѣнѣ, поставленный закономъ 17 апрѣля 1863 г.: чѣмъ меньше остается тѣлесныхъ наказаній, тѣмъ менѣе основаній ихъ удерживать. Редакціонная Комиссія по составленію новаго уложенія и предполагала «полную отмѣну тѣлеснаго наказанія» и стремилась «къ проведенію въ проектѣ уголовнаго уложенія начала равной отвѣтственности всѣхъ передъ закономъ, обусловленной не принадлежностью къ тому или другому сословію, а индивидуальною обстановкою и особенностями виновности» [3]).

Но предположенія Комиссіи объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній не получили осуществленія. Государственный Совѣтъ только «предоставилъ министру юстиціи выработать и внести на уваженіе законодательной власти предположенія по ряду другихъ вопросовъ, разнымъ образомъ находящихся въ непосредственной связи съ изданіемъ новаго уголовнаго уложенія.

[1]) Высочайше утвержденное мнѣніе Государ. Совѣта 2 іюня 1903. Собраніе узаконеній и распоряженій правительства 1903. № 69; 679.

[2] Высоч. утвержд. мнѣніе Госуд. Совѣта. Собраніе узак. и расп. 1901, 23. V.

[3]) Уголовное уложеніе. Проектъ редакціонной Комиссіи и объясненія къ нему. Т. I, глава I. 1897 г., стр. 10.

...Таковы между прочимъ ... о пересмотрѣ въ томъ же направленіи (примѣнительно къ новому уложенію) перечня лицъ, изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній» [1]).

VII.

Исторія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи отъ ихъ появленія до настоящаго времени охватываетъ многовѣковый періодъ, представляющій полную картину ихъ роста, господства и вымиранія. Возникновеніе тѣлесныхъ наказаній правильнѣе всего, какъ мы видѣли выше, отнести къ эпохѣ до татарскаго ига, когда они примѣнялись, главнымъ образомъ, къ несвободнымъ и были наказаніемъ, къ которому, какъ видно изъ договора Новгорода съ Любекомъ, свободное населеніе относилось отрицательно (стр. 68).

Въ эту эпоху, слѣдовательно, тѣлесныя наказанія только начали входить въ число наказаній и при соотвѣтствующихъ условіяхъ, благодаря усиленію княжеской власти, появленію государственныхъ наказаній и воздѣйствію началъ греко-римскаго права, они могли постепенно получить болѣе широкое распространеніе, какъ это и было на западѣ. Этотъ періодъ исторіи тѣлесныхъ наказаній въ Россіи имѣлъ значительное сходство съ ихъ исторіей у германскихъ народовъ (см. стр. 15), и тамъ тѣлесныя наказанія примѣнялись, главнымъ образомъ, къ несвободнымъ и распространялись по мѣрѣ усиленія государственной власти, исчезновенія родового быта и подъ вліяніемъ римскихъ правовыхъ началъ. Можно сказать, что распространеніе тѣлесныхъ наказаній въ это время въ Россіи, какъ и на западѣ, происходило естественно, въ силу общихъ условій государственнаго и общественнаго строя.

Но дальше сходство между Россіей и западными народами теряется—у послѣднихъ тѣлесныя наказанія распространялись подъ вліяніемъ исключительно внутреннихъ факторовъ, въ Россіи прибавилась очень важная внѣшняя сила—татарское иго,

---

[1]) Правительственное Сообщеніе. В. В. 1903 г., № 236.

что и обусловило коренное различіе въ исторіи тѣлесныхъ наказаній въ Россіи и на западѣ. На западѣ тѣлесныя наказанія примѣнялись къ низшимъ классамъ, были внѣшнимъ признакомъ ихъ подчиненнаго положенія; критическое отношеніе къ нимъ, признаніе ихъ позорными, поэтому въ большей или меньшей степени всегда существовало, и по мѣрѣ того какъ низшія сословія добивались политическихъ правъ, по мѣрѣ того какъ росло ихъ экономическое благосостояніе и культура, тѣлесныя наказанія ограничивались въ примѣненіи и вымирали. На западѣ область примѣненія тѣлесныхъ наказаній была ограничена, и вымираніе ихъ въ силу различныхъ условій, важнѣйшими изъ которыхъ являются признаніе правъ личности, развитіе культуры и измѣненіе взглядовъ на наказаніе, началось въ первой половинѣ XVII стол. (членовредительныя наказанія).

Со времени французской революціи былъ поставленъ уже вопросъ о полномъ несоотвѣтствіи тѣлесныхъ наказаній съ правовымъ государственнымъ строемъ и культурнымъ состояніемъ европейскихъ народовъ, и съ конца XVIII стол. началась ихъ отмѣна, во многихъ государствахъ уже законченная въ настоящее время.

Въ Россіи въ силу новыхъ условій, сложившихся на почвѣ татарскаго ига, тѣлесныя наказанія распространились на всѣхъ безъ изъятія духовныхъ и свѣтскихъ подданныхъ Московскаго государства, которое, по замѣчанію проф. Сергѣевскаго относительно XVII вѣка, «вовсе не придавало самостоятельнаго значенія личности и ея интересамъ; личность человѣка сама по себѣ, внѣ ея отношенія къ государственнымъ въ тѣсномъ смыслѣ интересамъ, не имѣла ровно никакого значенія» [1]).

Вслѣдствіе этого при грубости нравовъ и при стремленіи устрашить, обезпечить порядокъ грозными наказаніями «безъ пощады», и «безъ всякаго милосердія», не заботясь объ интересахъ преступниковъ и стараясь извлечь изъ нихъ возможную пользу и выгоды внѣшними способами, и образовалась система

---

[1]) *Сергѣевскій*,—Наказаніе, стр. 23.

наказаній, въ которой тѣлесныя наказанія играли такую же выдающуюся роль, какъ и въ восточныхъ деспотіяхъ, что вызывало общее удивленіе иностранцевъ и придавало русскому правосудію своеобразный отпечатокъ.

Апогея господства тѣлесныя наказанія (болѣзненныя, такъ какъ членовредительныя наказанія въ эту эпоху выходили изъ употребленія за исключеніемъ рванья ноздрей) достигло въ первой половинѣ XVIII стол., когда со времени Петра Великаго власть совершенно перестала сдерживаться старыми обычаями и порядками. Въ эту эпоху появились новыя болѣзненныя тѣлесныя наказанія (шпицрутены, линьки), и до крайнихъ предѣловъ дошла ихъ жестокость (см. стр. 88). Такое положеніе дѣлъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока проникновеніе въ высшіе классы европейской культуры, знакомство съ положеніемъ высшихъ классовъ на западѣ и западными взглядами на позорность тѣлесныхъ наказаній, не вызвали ограниченія тѣлесныхъ наказаній. Начало этого ограниченія въ формѣ признанія позорности кнута, самаго тяжелаго тѣлеснаго наказанія, исполняемаго рукою палача, относится также къ эпохѣ Петра I, такъ что зачатки движенія противъ тѣлесныхъ наказаній появились въ періодъ ихъ наибольшаго распространенія, съ введеніемъ при Петрѣ Великомъ наказаній, лишающихъ чести въ европейскомъ смыслѣ (шельмованіе). Постепенно стало также замѣчаться и сознаніе чрезмѣрной жестокости тѣлесныхъ наказаній, по крайней мѣрѣ, кнута.

Такимъ образомъ, намѣтился путь вымиранія тѣлесныхъ наказаній посредствомъ изъятій и смягченія ихъ. Высшіе классы (дворянство и болѣе состоятельное купечество), сознавая позорность и тяжесть тѣлесныхъ наказаній, стремились къ освобожденію отъ нихъ — идея изъятія отъ тѣлесныхъ наказаній высшихъ классовъ ясно проходитъ въ проектѣ уголовнаго уложенія 1754 г., вполнѣ опредѣленно высказывается комиссіей 1763 г., редакціоннымъ проектомъ уложенія 1766 г., осуществляется въ эту эпоху въ судебной практикѣ и получаетъ законодательное выраженіе въ жалованной грамотѣ 1785 г. Съ этого времени русскіе подданные раздѣлились на 2 класса

подлежащихъ и не подлежащихъ тѣлеснымъ наказаніямъ, при чемъ принадлежность къ первому разряду непривилегированныхъ означала и приниженное, неполноправное соціальное и политическое положеніе.

Образованіе привилегій изъятія было равносильно признанію русскимъ закономъ, какъ это было и въ западной Европѣ, всѣхъ тѣлесныхъ наказаній позорными и возбудило естественное желаніе во всѣхъ, имѣющихъ какое нибудь значеніе группахъ населенія, освободиться отъ него [1]. Правитель-

[1]) Проф. Сергѣевскимъ было высказано мнѣніе, что въ русскомъ правѣ освобожденіе отъ тѣлесныхъ наказаній высшихъ сословій произошло по инымъ основаніямъ, чѣмъ на западѣ, не какъ сословная привилегія, а по служебнымъ соображеніямъ. «При Петрѣ Великомъ, говоритъ онъ, впервые высказывается мысль, что тѣлесныя наказанія, производимыя рукою палача, налагаютъ..., позоръ, дѣлающій невозможнымъ возвращеніе... на прежнюю высоту сословно — служебнаго положенія... Отсюда съ одной стороны устраненіе отъ государственной службы и сословныхъ преимуществъ лицъ, наказанныхъ палачомъ, а съ другой — освобожденіе отъ такихъ наказаній лицъ высшаго служебнаго положенія, дабы не лишаться наличнаго запаса служебныхъ силъ. Вотъ путь, начатый Петромъ Великимъ и закончившійся полнымъ освобожденіемъ высшихъ сословій отъ тѣлеснаго наказанія во второй половинѣ XVIII вѣка. .... здѣсь заключается типичная особенность нашего права: все движеніе началось не съ точки зрѣнія сословныхъ привилегій (какъ на западѣ), а съ точки зрѣнія совершенно другихъ соображеній о пользахъ государственной службы». Н. Д. Сергѣевскій. Разборъ изслѣдованія А. Филиппова о наказаніи по законодательству Петра Великаго. Спб. 1894, стр. 16—17. Съ положеніемъ, что со времени Петра Великаго кнутъ сталъ позорнымъ наказаніемъ и дѣлалъ неизбѣжнымъ какъ устраненіе отъ государственной службы (военной) и сословныхъ преимуществъ, такъ и освобожденіе высшихъ классовъ отъ наказанія имъ, можно вполнѣ согласиться. Но нельзя согласиться съ выводомъ проф. Сергѣевскаго, что изъятія отъ тѣлесныхъ наказаній стали даваться не какъ на западѣ по сословіямъ, а изъ соображеній о пользахъ государственной службы. Характеръ изъятій въ XVIII стол. былъ несомнѣнно сословный; служебныя соображенія не были главной причиной появленія изъятій, а были, какъ указываетъ и самъ проф. Сергѣевскій, послѣдствіемъ признанія кнута позорнымъ. Петръ I, вводя лишеніе чести, имѣлъ въ виду не только службу: шельмованные исключались вообще «изъ числа добрыхъ и вѣрныхъ людей», ихъ запрещалось «допускать въ компанію» и «ни

ство, выходя изъ признанія позорности и тяжести тѣлесныхъ наказаній,—удовлетворяло эти желанія, увеличивало постоянно число привилегированныхъ, которое росло по мѣрѣ того, какъ дальше проникала культура и затрогивала болѣе широкіе круги населенія. Сначала было освобождено дворянство и высшіе городскіе классы, затѣмъ духовенство. Сословныя изъятія стали недостаточными, въ эпоху, когда среди непривилегированныхъ сословій оказались лица, такъ или иначе приблизившіяся къ высшимъ сословіямъ по образованію, положенію т. п., и привилегія изъятія стала даваться, независимо отъ принадлежности къ тому или другому сословію, по полученному образованію, по должности, по знакамъ отличія, по полу и т. д. Такимъ путемъ продолжается сокращеніе примѣненія тѣлесныхъ наказаній и въ наше время.

въ какое дѣло, ниже свидѣтельство не принимать», лишеніе права служить было естественнымъ послѣдствіемъ лишенія чести позора, а не его причиной. То же и относительно наказанія кнутомъ рукой палача: оно по взгляду Петра I налагало позоръ—однимъ изъ послѣдствій этого позора было исключеніе изъ такой почетной службы, какой была тогда военная, но служба не была причиной признанія кнута позорнымъ. Служебные интересы имѣли только то значеніе, что для ихъ охраны кнутъ, когда онъ былъ признанъ позорнымъ, замѣнился въ войскахъ шпицрутенами. Слѣдовательно, въ первый моментъ признанія позорности тѣлесныхъ наказаній, преслѣдовалась общая цѣль, а не имѣлись въ виду, главнымъ образомъ, интересы государственной службы. И при Петрѣ Великомъ отъ тѣлесныхъ наказаній освобожденіе давалось не только по службѣ, но также и по положенію въ обществѣ, напр. въ 1708 г. было предписано со знатныхъ за неявку на службу брать штрафъ, малознатнымъ, кромѣ штрафа, чинить наказаніе. Послѣ Петра I сословный характеръ изъятій сказывается очень ясно: въ проектахъ 1754—1766 г.г. вездѣ говорится о состоящихъ въ рангахъ, дворянахъ и купцахъ; наконецъ, въ проектѣ о правахъ состоянія 1766 г. и въ докладѣ коммиссіи 1763 г. освобожденіе отъ тѣлесныхъ наказаній разсматривается, какъ одна изъ основныхъ сословныхъ привилегій, внѣ всякой зависимости отъ служебныхъ интересовъ. То же подтверждается и грамотами 1785 г. Изъятія давались не служащимъ только, а вообще наиболѣе вліятельнымъ классамъ населенія. Да и во время, когда эти сословія освобождались отъ всѣхъ тѣлесныхъ наказаній, службѣ въ арміи препятствовало лишь тѣлесное наказаніе рукою палача, и не было надобности освобождать ради ея интересовъ отъ всѣхъ тѣлесныхъ наказаній.

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 02649 4776

